

— Вы не могли бы уделить мне три минуты внимания?
— Вы знаете, я сегодня с семи утра на работе. Я Вас умоляю. Умоляю-ю-ю!!! Не надо!

хом и смиренным. Сколь тяжела обязанность моя!». Как распространяется ваша власть на культуру? И, извините, в связи с назначением на должность министра — поздравляют или соболезнуют?»

Вопрос тогда бывает интересным, когда журналист сам не знает на него ответа и искренне заинтересован в нем. Только не оказался бы он для меня первым и последним?

После некоторой паузы... скажу: «Да!». Слишком непростая судьба выпала на долю нашего министра. Родился в 1940 году. В 42-м сбил истребитель отца, дальше — детдом, братья-сестры разбрелись по стране, Одесса, «веселая компания», ВГИК, мастерская С. Герасимова, дебют в режиссуре «Пришел солдат с фронта» (сценарий В. Шукшина). Стоп. О кино мы еще поговорим.

Так что вопросы были подготовлены, и я позвонил в министерство. Трубку снимает секретарь: «Нет, Николай Николаевич занят; у него делегация от Московской патриархии. Позвоните вечером». Звоню вечером: «Губенко в Кремле. Звоните завтра». Звоню завтра: «Нет на месте». Звоню еще три дня подряд и в ответ: «Нет. Нет. Нет».

Обращаюсь к коллегам-журналистам, прошу дать «прямой» телефон министра. «Тебе самый «прямой»? — Самый-самый! — Ну, самый-самый — это не к нам. Записывай номер «самого». Звоню по «самоу». Трубку снимает секретарь (номер оказался «кривым»), узнает, здороваюсь: «Николай Николаевич в Советском фонде культуры». Ясно, что у академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. А у меня и на эту тему вопрос был

— Они три месяца как переехали.

— А... машина?

— Это не его. За ним приезжает черная «Волга».

Все. Финиш. Можно было стреляться. Но это была минутная слабость.

Что делать? Что делать? (Вечный вопрос российской интеллигенции).

И я делаю еще одну попытку. Звоню лауреату Ленинской премии режиссеру В. Лисаковичу, объясняю ситуацию. «Голубчик ты мой, — чуть не плача произносит Виктор Петрович. — Я сам точно в таком же положении. Ведь он и со мной советовался перед назначением. А теперь из-за этого картину не могу свою доснять. Он мне всего на три, ну хотя бы на два съемочных дня нужен. И ни телефона, ни адреса... Вот так». А потом вдруг неожиданно добавляет: «Девятого будет праздноваться 100-летие Пастернака. Я с ним там обязательно встречусь и о вас замолвлю словечко. Запомните пароль: «Ставрополь». Позвоните мне после юбилея».

Звоню после юбилея. Голос режиссера не узнать: «Его окружила такая толпа, что я не смог к нему пробиться. Так что извините, голубчик... Ничем больше не могу быть полезен... Да, а простите за любопытство, с каким вопросом вы хотели к нему обратиться — он, по-моему, уже обо всем рассказал в своих интервью».

Пришлось поведать Лисаковичу следующую историю.

Весной 1974 года во время съемок кинофильма «Если хочешь быть счастливым» снимался такой эпизод: от потерпевшего аварию вертолета убегал его командир. В

Жанну Болотову, практически каждый вечер можно было встретить в Доме кинематографистов.

Когда впервые я столкнулся лицом к лицу с Жанной Андреевной, то почему-то заметно покраснел. Актриса удивленно посмотрела на меня и отвернулась. А мне было от чего покраснеть. Слишком глубоко запала в душу одна история из раннего детства.

Случилось это лет 35 назад. Жили мы в коммуналке, и была у нас комната размером 15 квадратных метров на шестерых. Матушка преподавала математику в школе, а проверять тетради брала домой. Стопки не помещались на столе и потому проверенные тетради складывались на пол. Под столом играл я. И тут произошел конфуз. Тетрадки не только Жанны, но и всего 7 «А» весь вечер сушились на общей кухне. Матушка в течение нескольких лет обещала мне, что если я буду плохо себя вести, то она расскажет классу, кто испортил контрольные работы. Ведь многие ее ученики часто бывали у нас дома...

Вот вам и еще одна точка переосмысления...

И все-таки для меня Николай Губенко в первую очередь режиссер кино. По-моему, его автобиографическая картина «Подранки» — один из лучших фильмов 70-х. Сколько в нем настоящего, искреннего, пережитого! Только добрый человек может делать добрые фильмы и именно таким человеком, на мой взгляд, является Николай Губенко.

А как тут не назвать еще две картины из триптиха, в которых прослеживается одна генеральная тема — тема милосердия: «Из жизни отдыхающих», «И жизнь, и

ДЕНКО ЛИ БЫЛ

Редкая удача для журналиста — взять интервью у такого министра. Материал пойдет нахват, и его с удовольствием опубликует любая газета. Любая, если материал хлесткий, живой, интересный. И читателю, как правило, нет никакого дела как, каким способом этот материал получен. Лишь бы репортаж, корреспонденция, интервью несли свежесть факта, остроту мысли, логическую неопровержимость вывода...

Особенно просто, на первый взгляд, брать интервью. Подготовил вопросы, договорился о встрече — и вперед! А если к тому же журналист и интервьюруемый имеют какие-то личные отношения, то успех гарантирован на все сто. Но...

Но министр культуры СССР Николай Николаевич Губенко и актер Николай Губенко — две совершенно разные фигуры. Это не значит, что один Губенко хорош, а другой плох. Просто надо было помнить, что Губенко — министр — человек государственный, а Губенко — артист — просто человек.

Здесь я хочу сделать первое отступление и попросить извинения у собратьев по перу, что собираюсь раскрыть некоторые секреты нашей кухни. Это может быть не всем интересно, но иначе весь материал оказался бы в корзине.

Итак, задача первая: подготовить вопросы, выстроить ход беседы. Известно, что Губенко два раза в месяц исключительно по воскресеньям играет в «Борисе Годунове». Ура! Возьмем в соавторы Александра Сергеевича и вместе с ним попробуем озадачить актера (и министра, конечно!). Что бы нам ответил Губенко после такой цитаты:

Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

и за ней вопроса: «Когда вы играете Бориса, вы чувствуете себя министром?»

К сожалению, мне не удалось задать этот вопрос Николаю Николаевичу, как и остальные 38. Я бы не смог задать ему и 20, и даже 10. Но все равно вопросы были подготовлены, постоянно шлифовались и я был готов к беседе.

А самый первый вопрос был таким: «Исполняя заглавную роль в спектакле «Борис Годунов», вы произносите: «Вы видели, что я приемлю власть великую со стра-

подготовлен: «Министерство культуры, Советский фонд культуры, Отдел культуры и народного образования при Совете Министров СССР (ОКНО) — что, помимо слова «культура» объединяет эти организации? В какую сторону тянут они свой воз?»

Честное слово, сам не знаю ответа. Законодательная, исполнительная и общественная организации. А культура нищенствует. Меньше одного процента национального дохода идет на ее развитие. Только с принятием Закона о культуре можно ожидать какого-то улучшения. Как тут не согласиться с Д. Лихачевым, который утверждает, что без качественного повышения культурного уровня народа перестройка затянется на неопределенно долгое время.

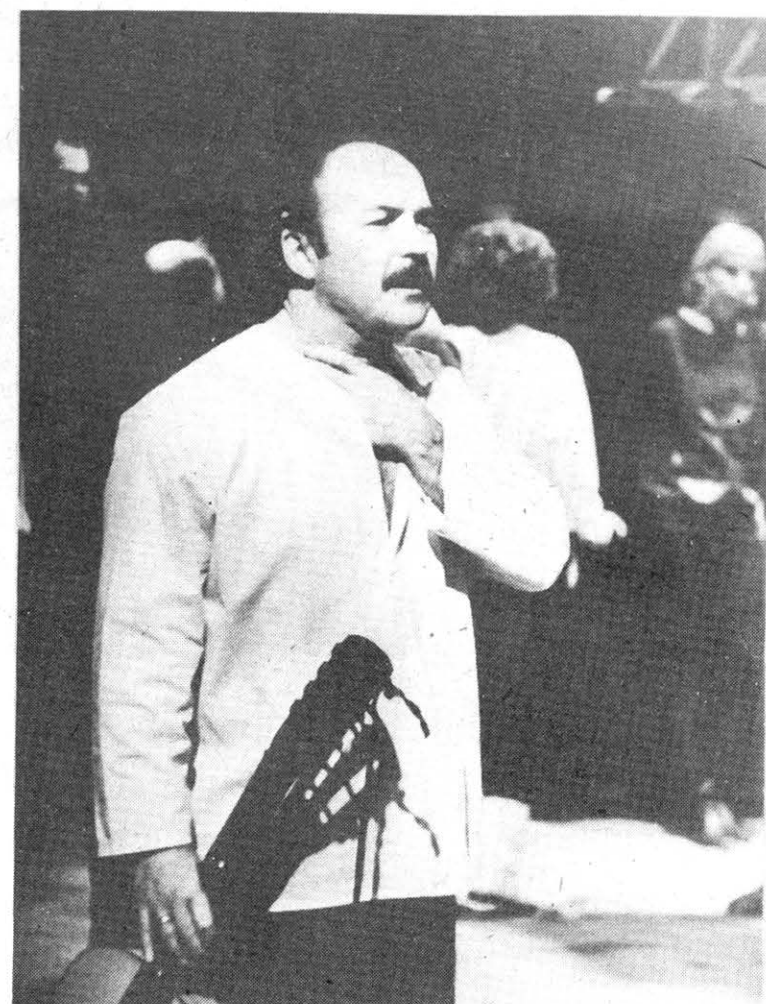
А все-таки это прекрасно, что культурой стали управлять художники: Донатас Банионис, Раймонд Паулс, а теперь Николай Губенко. Но не слишком ли велика жертва? На одной чаше весов собственное творчество, на другой — гражданский долг перед обществом. Вечная проблема: общественное и личное. И когда они вступают в противоречие — случаются трагедии. Трагедии души человеческой...

И снова я ищу возможность встретиться с министром. Все тщетно. И вдруг: «Ура! Нашел! Нашел «Справочник Союза кинематографистов СССР», а в нем — домашний телефон и адрес! Узнаю, что 4 февраля Губенко играет в «Борисе». Все. Больше мне ничего не надо. У служебного входа в театр к нему не подойдешь. Так что возьму его прямо «тепленького» у подъезда.

За три часа до начала спектакля пошел я в «засаду». П-образный двор, две арки, громадные стая вороны. А в Москве оттепель: с крыши течет, под ногами хлюпают — плевать. Главное — я у цели. Вот и белая, вся чистая, стоит у подъезда «Волга». И ни одного человека во дворе. Только какая-нибудь бабка выскочит на улицу, покосится на мрачную фигуру в подворотне, и снова тихо. И мечталось мне в ту московскую слякоть, что напишу я репортаж из салона министерского автомобиля...

Ровно в шесть вечера из подъезда вышла дама с собачкой. Мое время было на пределе, и я сделал шаг в ее сторону. Дама вздрогнула, собачка подняла голову.

— Извините, я репортер, — поспешил я успокоить женщину. — Николай Николаевич Губенко живет в этом подъезде?

тяжелых унтах, в шлеме, по мартовским лужам. На нем горела летная кожанка. Когда актер выходил из кадра, то на него сразу выдвигались шерстяные одеяла и валили в снег. Один раз про актера «забыли» и мне, автору гипотетического интервью, пришлось сбивать с него пламя. Этим актером был Николай Губенко, он же и ставил картину. А вопрос я хотел задать ему такой: «Будет ли у вас дублер, если «загорится» министерство и кто набросит на вас шерстяное одеяло?». «Хм», — последовало в ответ.

Здесь я хочу сделать второе отступление.

Помнится, осенью 1987 года, когда Николай Губенко ожидал своего назначения на должность Главного режиссера театра на Таганке, его и его супругу, актрису

слезы, и любовь». Наверное, запомнился зрителю и последний фильм режиссера — «Запретная зона». Эта картина рассказывает о том, как мы разобщены. Ураган прошелся не только по земле, но и по душам людей. Смерч прошелся по нашей культуре.

И еще мне хочется представить такую ситуацию. Как бы сыграл Николай Губенко роль Яшки-барончика в кинофильме «Первый курьер» сегодня, как бы он сейчас произнес следующую реплику:

— Э-э! Ну, тогда давай пить вино, пока ты еще не министр!

И вот Николай Николаевич Губенко министр. Но все могло быть несколько иначе. Совсем иначе. Расскажу такой случай из его биографии.

На заключительном заседании V съезда Союза кинематографистов СССР председательствующий предложил собравшимся вынести оценку предыдущему составу секретариата союза. И тут в президиуме раздался какой-то шум и «галерка» начала скандировать: «Ко-ля! Ко-ля! Ко-ля! Дайте слово Губенко!» И тогда, поддавшись призыву «галерки» и собственным чувствам, Николай Губенко, перепрыгнув через барьер и стол президиума, оказался на трибуне. «Я предлагаю признать работу предыдущего секретариата как «неудовлетворительную», — чуть запыхавшись произнес оратор. Зал захопал, затопал, засвистел. Наверное, Кремль такого не видел с 17-го года...

Одной из вероятных кандидатур, которая могла возглавить Союз кинематографистов СССР в 1986 году, была фигура Николая Николаевича Губенко.

15 мая 1990 года состоится внеочередной VI съезд нашего союза. Опять кинематографисты собираются делать «революцию». Интересно, с какой речью выступит на нем министр культуры СССР?

...А как же все-таки с интервью? Оно состоялось. И помог мне в этом бывший актер Ставропольского краевого драматического театра Михаил Лебедев. О том, как я попал в театр на Таганке, где Михаил работает уже давным-давно, я не расскажу даже своим друзьям-журналистам.

Николай Губенко был занят в спектакле «Владимир Высоцкий», который состоялся 25 февраля на старой сцене театра. Я-то делал ставку на «Бориса!» Пришлось на

МИНИСТРОМ

ходу перелопачивать заготовленные вопросы, менять тактику.

Мурашки бегут по коже, когда видишь, как выкладываются артисты. Создается впечатление, что Высоцкий жив, что он где-то просто прячется от нас. И когда Валерий Золотухин, обращаясь к залу, произносит: «Ну, Володя, где ты? Мы ждем тебя! Выходи!», хочется верить, что великая сила искусства воскресит Народного артиста, что еще чуть-чуть — и мы поверим в чудо.

Спектакль снимался нашими товарищами для нашего телевидения. Ребята работали профессионально — они знали, чего хотели.

Я тоже. Я попросил разрешения у актера Николая Губенко присутствовать на съемках в его гримерной. А там его уже ожидали два человека, которым назначил встречу министр культуры СССР Николай Николаевич Губенко.

Я не думаю, что выдам какой-либо государственный секрет, рассказав нашим читателям, с какими проблемами обращаются люди к министру.

Первый товарищ выглядел весьма респектабельно и был, по всей видимости, реставратором. Его вопрос состоял в следующем. Реставрируется церковь XVI века. Внутри она пуста. Товарищ просил, чтобы храму выделили иконы, конфискованные таможней.

— Готовьте бумаги, — ответил министр.

Второй — низенький, невзрачный мужичонка — принес целый пакет предложений. По-моему, министр даже не уяснил, в чем их суть — слишком мало времени было отведено на аудиенцию. Но заслуживают внимания слова Н. Губенко:

— Я вам ничего не могу конкретно ответить. Если отдам эти бумаги аппарату, то будет очень надолго. Просто так подмахнуть тоже не могу. Нужно посмотреть, вдуматься в ваши бумаги. Все хотят сотрудничать с зарубежными партнерами. Я говорю, идея прекрасная. Но один на себя взять не могу. Давайте я возьму посмотреть ваши бумаги дома... В дверь гримерной стучали и постоянно заходили и выходили какие-то люди. Много людей. А актер Николай Губенко сидел напротив зеркала и ему некогда было даже вытереть с лица испарину.

— Теперь вы! — последовала команда-предложение телевизионщикам.

Напротив Губенко сел лохматый парень. Оператор наехал трансфокатором на лицо министра.

— Николай Николаевич, кем вам больше нравится быть: актером или министром?

— Режиссером! — последовал ответ.

— Очень лаконично... Может быть, вы тогда сами что-нибудь расскажете?

— Ой-й! (И столько в этом вздохе было горечи, что мне стало стыдно. Видимо, телевизионщики каждый день общаются с министрами). Мне нравится быть полезным. А где я больше полезен — не знаю. Пока что три месяца работы в министерстве не дают возможности оценить степень моей полезности, к несчастью. Все очень медленно, малоэффективно, не на кого опереться. Никто не хочет жертвовать собственной творческой деятельностью.

Я получаю — как козел отпущения, которым пытаются закрыть амбразуру. И если в ближайших месяцах не появятся люди, со свежим подходом и в достаточной степени профессионально мыслящие, на которых я могу опереться, довериться, — всем нам будет плохо.

Во всяком случае, все, что я делал до этих трех месяцев, я знал, что делал. Я знал свои возможности и знал, что все почти зависит от меня — от первого до последнего шага. Знал с чего начнется, чем закончится. А здесь от меня зависит очень немного. А для того, чтобы зависело — мне нужны люди. Не просто символическое: «Коля, мы тебя любим, мы тебя поддерживаем, давай — вперед! Не дай бог, не уходи!» — не болтовня такая товарищески-дружеская. Нужна нормальная, реальная поддержка делом.

Пока — это только на уровне слова. Вот в чем моя беда. И каждый вечер заканчивается таким отчаянием и желанием вернуться к прежней работе... Потому что там все ясно, там все было спланировано до конца дней. Я знал, что я хочу снять, что я хочу сделать. А здесь я не могу всего предусмотреть, не знаю, чем все это кончится...

Какой еще министр может так откровенно высказать свои чувства? Сколько в этих словах горечи и отчаяния! Как мы можем помочь вам, дорогой наш министр культу-

ры Николай Николаевич Губенко? Что нужно сделать, чтобы возродить потерянное, вернуть утраченное?

Наверное, начать с себя. Самому постараться ответить на эти вопросы и тогда сдвинется дело с мертвой точки. И весь этот монолог, все эти слова произнесил не министр, а человек в минуту сильнейшего душевного напряжения. Это был крик о помощи.

Имел ли я право после исповеди министра обратиться к нему с просьбой дать интервью? И все-таки я рискнул. Рискнул ради тебя, уважаемый читатель «45-й параллели».

— Вы не могли бы уделить и мне три минуты внимания?

— Вы знаете, я сегодня с семи утра на работе. Я вас умоляю! умоляю-ю-ю! Не надо!

— Ну один вопросик... Скажите, интересно быть министром культуры? (Это был мой последний из 39 заготовленных вопросов).

Губенко лукаво усмехнулся и ответил:

— С познавательной точки зрения — очень!

Вячеслав ЛОБАЧЕВ.
Кинодраматург.

Фото Сергея СОСЕДОВА,
студента-дипломника Московского государственного института культуры.

От редакции. Этот материал прибыл к нам аварией из Москвы. А спустя несколько дней мы получили письмо от автора публикации: «Честное слово, ваша просьба стоила мне времени и нервов. Я не мог вас подвести. Но Губенко ускальзывал... Я не против нашего сотрудничества, но все упирается во время и интерес. Под интересом подразумеваю в первую очередь интересного собеседника в необычной ситуации...»

Давайте искать заметных земляков с широким кругозором, цефграфаретно мыслящих... Верю в успех, потому что у ваших земляков, живущих в Москве, есть такое исключительное российское чувство, как ностальгия. Необходимы соответствующие бумаги...»

Удостоверение «45-й параллели» Вячеславу Лобачеву выслано.

Япония, Советский Дальний Восток, Китай, Монголия, Казахстан, стык Калмыкии и Дагестана, Ставрополье, Краснодарский край, Крым, Румыния, Югославия, Италия, Франция, Соединенные Штаты Америки, Канада... Все эти страны пересекает с Востока на Запад 45-я параллель.

Условная географическая линия на карте дает возможность совсем не условно дружить, знать друг друга всем землякам по 45-й параллели.

Если даже эта идея и не нова, она одушевлена любовью и интересом к братьям по космическому дому. Линия границ разделяет государства. Наша линия — соединяет.

Если вы встретите в подборках «Линии» «чужаков» — Польшу и Болгарию, Испанию и Чехословакию, другие страны, то это попросту значит, что Ставрополье, где начинается выходить первый и пока единственный печатный орган 45-й параллели, навело еще один мост дружбы и сотрудничества.

45 градусов северной широты — это сто градусов дружбы.

США. Советские реакторы предложены разработчикам американской стратегической оборонной инициативы на встрече ученых двух стран в Альбукерке. Это предложение нельзя, конечно, считать в полном смысле этого слова официальным, поскольку оно было сделано в неформальной обстановке людьми, которые не принимают решений. И тем не менее факт есть факт.

Суть проблемы заключается в том, что американцы испытывают затруднения с созданием источников энергии для спутникового оружия, в то время, как в СССР уже существуют испытанные реакторы, работающие на радиолокационных спутниках.

БОЛГАРИЯ. Инженер Никола Гайдаров, кажется, решил одну из серьезных транспортных проблем в современном мире. Дело в том, что ширина рельсовой колеи на железных дорогах мира разная: от 1435 мм в Болгарии до 1676 мм в Индии. При пересечении границ возникает проблема замены тележек, чтобы поезд мог продолжать путь дальше. Этот процесс длится до трех часов.

Гайдаров предложил колесные пары для рельсовой колеи различной ширины, что дает возможность свети время переналадки к минимуму.

ПОЛЬША. Те, кто бывал в стране в последние годы и собирается ехать туда сейчас, могут удивиться прямо сейчас. Вы не увидите очередей в магазинах. В них свободно можно купить все — от масла до автомашины.

Все дело в отмене регулирования розничных цен, что является одним из условий создания рыночной экономики. Килограмм ветчины стоит сегодня столько, сколько двадцать лет назад отечественный автомобиль. Чтобы не пугать читателей цифрами со множеством нулей, скажем просто: сегодня цены в польских магазинах таковы, каковы они сегодня на советских «барахолках» (при пересчете по официальному курсу).

КИТАЙ. Гигантессы более редки, чем гиганты — мужчины, но их рост все же очень впечатляет. Высочайшей женщиной в истории была акромегалическая гигантесса Зенг Джинлиан (по-китайски произносится как «Сан Чунь Лин»), родилась 26 июня 1961 года в провинции Юнань, в центральном Китае. Она была не в состоянии прямо стоять из-за сколиоза, но обладала ростом в 8 футов 1,75 дюймов (248,28 см), когда скончалась 13 февраля 1982 года.

США. Американский газетный концерн «Макгроу-Хилл» и издательство «Книга» подписали в Нью-Йорке соглашение о публикации в Советском Союзе одного из самых популярных журналов деловых кругов США «Бизнес Уик» на русском языке.

«Журнал будет выходить в Советском Союзе ежемесячно тиражом 50 тыс. экземпляров, — сказала в интервью корр. ТАСС сотрудница издательства Мэри Макгэчи. — Это не будет простой перевод американского выпуска журнала, так как в США он выходит еженедельно. В него будут входить самые интересные материалы, опубликованные в течение месяца, в двух журналах — «Бизнес Уик» и «Бизнес Уик Интернешнл». Первый номер будет отпечатан в Минске в мае. Затем, начиная с сентября, журнал будет выходить два раза в месяц. А с января 1991 года он начнет поступать своим подписчикам еженедельно.

Пресс-служба «45-й параллели».

ПЕРВОЕ АПРЬЛЯ.

КОМИЧЕСКИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ, ДОСТОПРИМЧАТЕЛЬНЫХЪ ПИСЕМЪ, КУЛЬДЕТОВЪ, ПАРОДИЙ, АНЕКДОТОВЪ И ПУФОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1816.

A.O.

«Зубоскал» будет смеяться над всем, что достойно смеха»

ПАРИТЕТЫ

45-я параллель

В те давние времена день первое апреля не был праздником смеха, розыгрышей и улыбок. В этот день не устраивались юморини и не вручались ордена «Золотой теленок», «Рога и копыта», не устраивались теле-шоу «Вокруг смеха». Но... вот так совпало, что в 1846 году был издан юмористический альманах с названием «Первое апреля». Составлен он из комических рассказов, стихов в прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов. Отпечатан ограниченным тиражом не более тысячи экземпляров в Санкт-Петербургской типографии Карла Крайя. Сто сорок девять страниц и солидный возраст — сто сорок четыре года — вызывают к книге невольное почтение.

Для книголюба мало прочесть книгу, познакомиться с содержанием. Интересно узнать историю появления ее на свет. Судьба этого издания (его я бережно храню, дорожу им), как и многих альманахов XIX века, презабавная. Известно, что редактором был Николай Алексеевич Некрасов, и это пожалуй, все. Все, что известно. Из архивного дела 485, бережно сохраненного в публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, выяснены кое-какие подробности.

Первоначально альманах решили назвать «Зубоскал». Некрасов мечтал заполнить его «задиристым юмором и грозным смехом». Написать выступление взялся молодой, еще никому не известный литератор Д. Григорович.

В одной из газет было напечатано объявление о том, что альманах выходит в свет. Автор объявления — Ф. М. Достоевский — дпустил однако в нем довольно рискованную фразу: «Зубоскал» будет смеяться над всем, что достойно смеха».

Это сразу же насторожило цензурный комитет, а также жандармское управление. И цензор А. Крылов принял решение — росчерком пера вынес приговор — запретить! Но неугомонного Некрасова не могли остановить цензурные рогатки, он добился разрешения выпустить альманах с этим же содержанием, изменив только название. Григорович переписал предисловие, в котором заверил подписчиков, что для читателей обман не предусмотрен: «Конечно, спора нет, само название как-то наводит на разные дурные, неблагоприятные толки и клевету, сами не раз об этом думали, да делать было нечего, такие обстоятельства встретились, что нельзя дать другого имени». А заканчивалось предисловие советом: «Если же благосклонному читателю некоторые страницы, те или другие, придутся не по вкусу, то да простит он нас великодушно, или-или, что еще лучше, пусть вырвет и вовсе вон из книги. Бог с ними, мимо их. Пусть предост их

даже пламени, закурит ими трубку, обернет что-нибудь, словом, распорядится этой дрянью по благоусмотрению. Мы заранее на все согласные и утешимся тем только, что ведь «един Бог без греха».

Издание вновь представили в цензурный комитет и 5 марта 1846 года тот же цензор А. Крылов наложил визу: «Печатать дозволяется».

Читатель получил прекрасный подарок с произведениями Ф. Достоевского, Д. Григоровича, В. Бенедиктова, Н. Некрасова. Правда, в альманахе этих имен нет — они скрыты от «любопытных» под псевдонимами — Владимир Бурноков, Пружинин, Белопяткин, Зубоскалов.

На самом же деле Григорович напечатал рассказ «Шутка полотна», Бенедиктов выступает со стихотворением «Ревность», два физиологических очерка печатает Достоевский. Но большинство стихов, пародий и куплетов сочинил Некрасов. Здесь и «Русская песня» («Что не весел Ваня? В хоровод не станешь? Шапки не заломил? Песни не затянешь?..»). Портретная галерея в стихах. Среди куплетов — пародия на известные лермонтовские строки:

«И скучно, и грустно,
и некого в карты надуть
В минуту карманной невзгоды...
Жена, но что пользы жену
обмануть?
Ведь ей же отдашь на расходы!
Засядешь с друзьями,
но счастья нет и следа —
И черви и пики и все так
ничтожно.
Ремизится вечно не стоит труда
Неверно играть невозможно...
Крепиться?.. Но рано или поздно
обрежешься вдруг,
Забыв увещенья рассудка!..
И карты, как взглянешь
с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка!..»

Центральные произведения альманаха — обличительный, полный сарказма фельетон-фарс «Как опасно предаваться честолюбивым снам», написанный в стихах и прозе Некрасовым, Достоевским, Григоровичем, украшенный подтипажами работы великопленного иллюстратора А. Агина. Шесть листов, гравированных на дереве, выполнены с «необыкновенной легкостью и бойкостью карандаша», что вполне под стать его сатирическому звучанию. Такое коллективное творчество в дальнейшем продолжил Козьма Прутков. И Ильф и Е. Петров.

В. Белинский положительно отзывался об этом издании, считая, что смех необходим человеку, как сон: «Конечно, если это смех от умной или забавной книги. Кто любит смеяться таким смехом, для того «Первое апреля» будет прекрасным поводом удовлетворить этой веселой и счастливой скромностью. Вся эта книга — не больше как болтовня, но болтовня живая и веселая, местами даже лукавая и злая...»

Уже давно книга эта стала библиографической редкостью, и все же хорошо, что она есть, что она в нашем крае и кто знает, может, не случайно названа она «Первое апреля». И может, не случайно советские сатирики установили первое апреля днем веселья, круглошуточным днем смеха? И, возможно, Н. Некрасов — основоположник этой традиции.

Борис РОЗЕНФЕЛЬД.
Директор музея музыкальной и театральной культуры на Кавминводах.

то образованнейшие люди играют в повинное время в пресерьас, это известно всякому, даже самому не образованнейшему; но как они играют? Это вопрос, который, приласкавшись, ты бы старался мы разрешить, если бы на днях не прочли в одном из иностранных журналов подробного и полного описания способа, приема и обрядов, употребляемых этими образованнейшими людьми Европы при игре в пресерьас. Для пользы и пазидания соотечественников, спешим поделиться с ними этими сведениями.

БЕСТСЕЛЛЕР НОМЕРА

Пытались связаться с Галиной Брежневой, но она была где-то в Крыму... Через Яноша Кадара хотели выйти на Андропова. Поехали на Ваганьковское. Директор кладбища чуть не заплакал, когда ему предложили деньги: — За кого вы нас принимаете!

— Я познакомился с Высоцким в 69-м году, он лежал в институте Склифосовского, в нашем отделении. Володя был в очень тяжелом состоянии — после желудочного кровотечения... Тот самый случай, который подробно описывает Марина Влади в своей книге «Владимир, Или прерванный полет».

— Да, и она упоминает там и ваше имя... Но все-таки желудочное кровотечение, а не разрыв сосуда в горле?

— Желудочно-кишечное кровотечение — это окончательный диагноз, а причины этого могут быть разными... Тогда диагностика была не на столь высоком уровне, — я даже не помню: делали мы гастроскопию или нет? Но мы думали — нет ли там кровотечения из вен пищевода?

— Состояние было тяжелым, а была опасность для жизни?

— Конечно. Если говорить медицинскими терминами: резко упало давление, был очень низкий уровень гемоглобина. Именно поэтому Высоцкий и попал в реанимацию, — надо было проводить интенсивную терапию. Но вывели мы его из этого состояния довольно быстро — кажется, он выписался прямо от нас. Но, может быть, лежал некоторое время в хирургии.

— Марина Влади все это время была в отделении?

— Она все время не отходила от Володи. Практически целые сутки она сидела у нас в ординаторской. В палату мы ее не пускали, а вот в ординаторской она сидела все это время.

— Это ваша первая встреча, а следующая?

— Следующая? Как-то само собой получилось, что мы начали в тяжелые минуты Володе помогать. В периоды его «уходов в пике». Мы познакомились с его друзьями, они звонили... Приезжали и вывозили его из этих состояний. Помогали, во всяком случае. Это было. Трудно сказать, насколько часто это было. Эпизодически...

Мы ходили в театр, Володя приглашал на концерты, иногда просто так заезжали к нему. А более тесные отношения сложились в последние годы его жизни, начиная примерно с 1977 года.

— Физические данные Высоцкого?

— Физически Володя был очень развит — в нем всегда чувствовалась невероятная сила. И именно мужская сила. А здоровье? При всей его физической развитости и тренированности, в последние годы здоровье, конечно, было подорвано. Подорвано его образом жизни — неупорядоченным, без сна и отдыха. И это давало о себе знать.

— Когда в Москве бывала Марина Влади, этот образ жизни стабилизировался?

— Безусловно. Во всяком случае, насколько я мог это видеть. Володин дом на Малой Грузинской иногда был похож на проходной двор: одни входят, другие выходят. Эта вечная толпа. Многие я знал, но мелькали и совершенно незнакомые лица...

Но стоило появиться Марине, как все это исчезало. Конечно, люди приходили, но это был совершенно другой круг. И был совершенно другой стиль жизни. И «уходов в пике» было гораздо меньше...

— А что это такое — «уход в пике», с точки зрения медицины?

— В «пике» или в «штопор»? В тот период это было просто злоупотребление алкоголем. Что называется — «надирание». И уход из этой жизни в другую — бессознательную, может быть, даже потустороннюю. Откуда нам и приходилось его «доставать».

Но был Володя алкоголиком? Всей информацией я не обладаю, — были и другие врачи, которые помогали ему. Но я могу совершенно определенно сказать, что алкоголиком он не был. Люди, подверженные этой патологии, запущенные, опустившиеся... Володя был абсолютно другим. Допустим, через день или два мы выводили его из этого болезненного состояния, и Володя становился другим человеком: собранным, подтянутым, готовым работать.

А почему же это происходило? Понимаете, вся его жизнь — заматанная, задерганная: театр, концерты, ночная работа — и все в бешеном темпе. Да еще темперамент холерика, который у него безусловно был. Все это говорило о том, что рано или поздно он может сорваться. В общем-то, чувствовалось, что есть определенная взаимосвязь между его образом жизни и этими срывами.

— То есть, эти срывы, возмож-

но, были какой-то формой?

— Не возможно, а именно было. А еще это была форма да из мира, который его раздражал. Уже последние Сидим, смотрим телевизионная банальность или глупость мы могли скептически или равнодушно отвернуть лодя не мог спокойно это он давал такие пики! Со неадекватная, на наш взгляд! И потом еще дол успокоиться... У него не го безразличия, свой большинству, он жутко г все, что происходило.

В общем, не мог смири видимо, это было свя его внутренним складом — А вы говорили о об этих срывах?

Событием стала той собраны воспомин лось прочесть издание ном виде.

Одна из таких н Предлагая «45-й пара рукописи со всей во

„ВА

— Никогда. Он и сам н вспоминал об этом. Ну, тоже. Хотя для всех нас ли тяжелые времена. Чуж ны у Володи, конечно, б мы никогда не возвра этим вещам.

— А теперь давайте о другом. Высоцкий вст ституте Склифосовского?

— Да, два раза... Кон в отделении лежал Выс все под разными предлога лись забегать. Спросит сивать, взять, в общем, весь был у нас. И я однажды Володе:

— Давай, сделаем у нас

— Конечно, сделаем...

В старом шереметьев нии института есть конф — там Володя и дал кон это мы официально офор рез местком, напечатали Что там творилось? Как лось, как узнали?! Самое ное — вся райкомовская дела в первых рядах. Ка тями они достали биле знаю. Там еще есть балк чуть не обвалился — сто билось людей! Концерт п невероятном подъеме!

А потом... Все, конечно, что Володя не пьет, но в крыли стол у нас в ордин. Опять — битком, — все н что Высоцкий еще будет пришел, чинно посидел. И ли, ну, вот сейчас начне нется самое интересное! койно посидел, — и очен уехал. Ну, а банкет про и без Высоцкого...

— Вы сказали, что друзья... А кого из друзе кого вы знали? Вообще, н круг общения в те годы?

— Володя связывал и нял очень многих людей. кой — большой круг: не а знакомых. А друзей? Я ву Абдулова, Вадима К

и разряд...
...но так и
...форма ух
...страшно
...не годы.
...Очеред
...Нужно
...А Во
...выносить,
...вершено
...гляд, реак
...его не мог
...было это
...ственного
...переживал
...ться. По
...изано и с
...Высоцким

Туманова, Валеру Янкловича... И конечно, многих товарищей по театру.
— А что вы могли бы сказать об Игоре Годяеве, к сожалению, уже покойником?
— Что я могу сказать. Я с Игорем много работал, он был фельдшером на реанимобиле. Молодой человек и весьма неординарная личность, хотя и с некоторыми комплексами. Игорь всегда искал чего-то необычного. А Высоцкий и вся атмосфера вокруг него — это, конечно, его очень привлекало. Игорь много сделал для Володи, и Высоцкий его принимал, в общем, нормально. У них были свои отношения, о которых не мне судить.
— У вас с Высоцким были откровенные разговоры?
— Вообще, Володя был доста-

этим тогда занимался, был профессор Лужников. К нему я и обратился. И у меня была большая надежда — и я Володю в этом убедил — что мы выведем его из этого состояния. Лужников разрабатывал новый метод — гемосорбцию. Я договорился, — но то не было сорбента, то ребята выезжали в другие города.
А Володя ждал, каждый день звонил...
— Ну, когда? Ну, где?
И наконец, мы это сделали... Я пришел к нему, посмотрел и понял, что и здесь мы ничего не добились. Тогда мы думали, что гемосорбция поможет снять интоксикацию, абстинентный синдром. Но теперь ясно, что это не является стопроцентной гарантией.
— Как вы думаете, когда и каким образом Высоцкий мог столк-

нутся люди. Страдает все — весь организм.
А удержать? Володя, на мой взгляд, был человеком, для которого авторитетов не существовало. Другое дело, что у него была своя градация отношения к людям. И в этой системе Вадим Иванович Туманов стоял достаточно высоко. Он мог повлиять на Володю, но в последние годы уже не всегда...
— 23 июля 1980 года, вечером, вы были на Малой Грузинской. Расскажите об этом подробнее...
— 23 июля я дежурил. Ко мне приехали Янклович и Федотов. И говорят, что Володя совсем плохой. Что дальше это невозможно терпеть, и что надо что-то делать. Федотова я тогда увидел в первый раз и он как-то странно себя повел:
— Вы тут сидите, ничего не делаете...
Ну, я поставил его на место. А Валера Янклович смягчил все это дело...
И мы поехали туда. Состояние Володи было ужасным! Стало ясно, что или надо предпринимать более активные действия, пытаться любыми способами спасти или вообще отказываться от всякой помощи...
Что предлагал лично я? Есть такая методика: взять человека на искусственную вентиляцию легких... Поддержать в медикаментозном сне — и в течение нескольких дней вывести из организма все, что возможно... Но дело в том, что отключение идет с препаратами наркотического ряда — тем не менее хотелось пойти и на это...
Но были и другие опасности. Первое, Володю надо было «интубировать», то есть вставить трубку через рот. А это могло повредить голосовые связки. Второе. При ис-

близкие — мать, отец, Марина, Людмила Абрамова, Володины сыновья... Поставили гроб, играл небольшой оркестр студентов консерватории, — там рядом их общежитие... Было такое прощание. А потом на реанимобиле мы перевезли Володю в театр. Реанимобиль и целая кавалькада машин...
— Вы знаете, меня — как, наверное, и многих других мучает вопрос: если бы вы забрали Высоцкого 23-го?
— Трудно сказать... Но у нас был разработан целый план. Пролечить Володю, потом прямо из клиники — на самолет. И в тайгу, к Туманову. Но как это получилось бы — трудно сказать...
— А что у вас осталось на память о Высоцком?
— Что осталось? Храню горнолыжные ботинки, которые Володя привез из Франции... Это было в 1975 или 1976 году, — тогда с инвентарем было туго. Володя услывал об этом и говорит: «Я тебе привезу». — «Ну, это дело тонкое и точное...» — «Ничего, сделаем!» Мы сделали мерки: я поставил ногу на картон — очертили, вырезали...
Вернулся довольный: «Я все-таки тебе привез!»
Привез ботинки известной итальянской фирмы — для того времени просто роскошные ботинки! И рассказывает, как все это происходило: «Пошли мы с Мариной выбирать. Ходим — ходим... Какой-то одесский еврей держит лавочку этого горнолыжного инвентаря... Начал выбирать нам, прикладывает твои мерки... А потом говорит: «Вообще инвентарь — дело тонкое. Пусть лучше ваш друг сам сюда придет». Володя рассказывал и хохотал: «Вот так! Надо бы-

публикация фрагментов книги В. Перевозчикова «Живая жизнь», в которой описаны люди, близких к Владимиру Семеновичу Высоцкому. Кому удавалось выпущенное «Московским рабочим» в 1989 году, ждут книгу в дополнении...
...ых глав — интервью с медиком Леонидом Владимировичем Сульповаром. ...длели» для первой публикации этот материал, автор попросил отнестись к ...ей деликатности»

ДОЛЬ ОБ

...когда не
...и мы —
...это бы
...ство ви
...ыло. Но
...щались к
...огворим
...упал в ин
...гда у нас
...цкий, то
...ми стар
...ь, попр
...институт
...ды сказа
...онцерт?
...ском зда
...еренц-зал
...церт. Все
...мили че
...билеты...
...просочи
...интерес
...знать си
...кими пу
...ты — не
...он, так он
...льно на
...рошел на
...но, знали,
...се же на
...дарской.
...адеялись,
...петь. Он
...все жда
...Начн
...А он сп
...скоро
...одождался
...звонили
...ей Высоц
...аков был
...объеди
...Был та
...друзей,
...знал Се
...Ивановича

точно скрытым человеком. Наверное, перед кем-то он и раскрылся, но я не был с ним настолько близок. Со мной был один откровенный разговор, но это было единственный раз. В 79-м году, мы сидели с ним в машине около моего дома и часа полтора разговаривали. И Володя немного приоткрыл свою душу.
Это был обстоятельный разговор обо всем, что его тревожит и волнует. Его страшно радовало болезненное состояние, он чувствовал, что уже не может творчески работать, что он теряет Марины.
Он говорил о том, чего уже никогда не сможет вернуть в своей жизни.
А уже начиналось хоть какое-то официальное признание... Я помню, как Володя радовался, когда ему предложили снимать фильм «Зеленый фургон»! Он говорил, что будет сам снимать и сыграет главную роль. А потом все это обрезали. Это тоже был удар. Но все же он многое уже сделал и многого достиг, — и его мучило чувство, что все это теряется. «Какая-то безысходность», как он сам говорил.

...тукся с наркотиками?
— Понимаете, когда мы выводили Володю из тяжелых состояний, то знали — что можно, а что нельзя. Знали, чего следует бояться. Ведь в этом процессе используются вещества наркотического ряда... Володя попадал в разные места и где-то, скорее всего, передозировал... Тогда «выход» проще... В общем, я думаю, что вкус наркотика он ощутил на фоне «выхода из пике». Где и когда я не знаю...
От меня Володя очень долго это скрывал... Я только в 79-м году догадался — сам понял — что дело тут уже не в алкоголе, а совсем в другом... И для меня это было очень грустным открытием — с наркотиками бороться куда трудней...
Доз я не знаю... Хотя мне говорили, что они были совершенно фантастическими. Мы с Володей об этом никогда не говорили.
— Но Высоцкий боролся?
— Конечно. У него в последнее время был такой настрой — или вылечиться или... умереть. Дальше так он существовать уже не мог. И откровенно говорил об этом.
Поэтому я так расстроился, когда после гемосорбции посмотрел ему в глаза... Хотя сам Володя говорил: — Все нормально... Все хорошо...
Но я-то вижу... По моему, это был последний удар, рухнула последняя надежда... А ведь мы его так настроили... «Это гарантия!» А что нам еще оставалось делать — надо было его настроить...
— А можно было как-то повлиять, удержать, запретить?
— Нет, невозможно. В последнее время болезнь зашла так далеко, что отказ мог привести к смерти. Потому что нужна замена, а она никогда не бывает адекватной.
Абстинентный синдром... Это трудно себе представить, как муча-

РЫВА

...кусственной вентиляции легких очень часто появляются пневмонии, как осложнение... В общем, все это довольно опасно, но другого выхода не было...
Мы посоветовались (вместе со мной был Стас Щербаков, он тоже работал в реанимации и хорошо знал Володю) и решили — надо его брать. И сказали, что мы Володю сейчас забираем. На что нам ответили, что это — большая ответственность, и что без согласия родителей этого делать нельзя. Ну, что делать — давайте, выясняйте...
И мы договорились, что заберем Володю 25 июля. Мы со Стасом дежурили через день... Володя был в очень тяжелом состоянии, но впечатления, что он умирает — не было... Ну, а двадцать пятого... Мне позвонили... И я вместо дежурства поехал туда...
— Когда вы приехали на Малую Грузинскую, там еще был реанимобиль?
— Нет, я приехал позже. Занимался делами. Там был наш реанимобиль, врач Какубава и фельдшер — Володя Коган. Но к тому времени они уже уехали...
— Вы приехали...
— Я приехал. Народу было уже много... Винзу стояли ребята из школы каратэ Штурмина... Помню, что пришла племянница Гиси Моисеевны, — помните «Балладу о детстве»? За мной ходил Туманов...
— Нет, ты скажи, от чего умер Володя?
Позже по этому поводу точно заметил Смахов: «Он умер от себя»...
Потом я присутствовал при обсуждении — где хоронить? Отец настаивал: «Только на Новодевичьем!»
И все это было настолько серьезно, что начали пробивать... Пытались связаться с Галиной Брежневой, но она была где-то в Крыму. Второй вариант — через Яноша Кадара хотели выйти на Андропова.

...ло тебе самому поехать и купить! А то я поцелую с твоими мерками...»
Да, помню еще один смешной рассказ... Как-то мы приехали на Малую Грузинскую — это было уже после фильма «Место встречи изменить нельзя». А тогда шло какое-то дело, связанное с автомобильной аварией. И как раз накануне у него был следователь, который это дело вел. Володе посоветовали пригласить его к себе...
Следователь пришел с женой, чувствовал себя хозяином положения. Первое, что он спросил: «Где тут коньяк?» Володя в лицах все это показывал. И жену и самого следователя...
«Вот ты, Володя, снялся в фильме... Ну, что это такое?! Разве это похоже на правду?! Ты приди ко мне в кабинет, посиди, посмотри... Если ты еще когда-нибудь будешь играть следователя — делай с меня! Вот жена скажет...»
Еще рубашка Володина лежит... Я как двадцать пятого вышел из дома, так до похорон и не вернулся. Там еще пришлось поехать к Володарскому на дачу — вывезти его «из пике»... Марина сказала, что надо поехать, а то он даже не знает, что умер Володя... И все время в одной рубашке, а жара... И Марина дала мне Володину...
Да еще французский диск, который Володя подарил нам с женой: «Лене и Тане — с дружбой! В. Высоцкий».
Вот и все, что у меня осталось... Володя часто мне говорил:
— Ты собери кассеты. У меня есть человек, у которого все мои песни. Он тебе запишет...
Ну, я и прособирался... Тогда казалось, что жизнь будет вечной и все еще впереди...
Беседовал
Валерий ПЕРЕВОЗЧИКОВ.
Сентябрь 1989 года. Москва.

...С большим трудом удалось уговорить отца... Тогда Новодевичье кладбище было закрытым, и хоронить там народного поэта и певца... Поехали на Ваганьковское... Кобзон рассказывал, что директор кладбища чуть не заплакал, когда ему предложили деньги...
— За кого вы нас принимаете! Высоцкого! Да любое место!...
28 июля часа в четыре утра в подъезде дома на Малой Грузинской была панихида. Были самые

...НА СНИМКЕ: В. Высоцкий в редакции газеты «Ставропольская правда», 1979 год.
Фото Михаила КОЛЕСНИКОВА.
Редакция «45-й параллели» располагает новыми, еще нигде не опубликованными главами жизнеописания Владимира Высоцкого, переданными нам автором, Валерием Перевозчиковым. Прежде, чем выйдет новое, дополненное издание «Живой жизни», наши читатели найдут эти главы на страницах «45-й параллели».

В нем всегда чувствовалась невероятная сила

Необычные совещания прошли в редакциях страны. И так, и этот обсуждалась новость. Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати перешло на хозрасчет.

Налицо переход к новой культуре взаимоотношений. Ведомство, которое до сих пор финансировалось по статье, не менее таинственной, чем оно само, заводит собственный кошелек. Кто его наполнит?

На хозрасчет перешли и редакции. Зарботки журналистов теперь в определенной степени зависят от прибыли изданий, в которых они работают, от затрат. Содержание редакционной машины с водителем оказалось соизмеримым с оплатой услуг цензора. Само собой, заключив договор с соответствующим «литом», редактор может спать спокойнее. Нож-

ницы, которые в случае необходимости выстригут из набора все, более или менее сомнительное, у него под подушкой. С другой стороны, риск «проболтаться» — так ли уж он велик? Те журналисты, которые могли бы проникнуть в некие «святыни», еще не родились на свет. А если бы и родились... Ответственность за разглашение той или иной тайны, в конце концов, должен нести тот, кто дал подписку о неразглашении.

Пока все это — мысли вслух. Новая демократическая культура взаимоотношений цензора и журналиста только рождается. Каждая редакция решает этот вопрос по-своему. Что касается «45-й параллели», то мы полагаем, что культурное строительство, даже в самом широком смысле, может обойтись без тайн...

Американские технологии на экономической целине

БЫСТРО ПОЕДЕМ?

Первые десантники из Нового Света высадились в краю эталонных черноземов мощными силами транснациональных фирм «Монсанто», «Пионер», «Хайнц», увидев широкое поле приложения своего опыта в этом благодатном сельскохозяйственном крае. И с первых же шагов по Ставрополью «группа захвата» оказалась в прокрустовом ложе экономики, которая до самого последнего времени была вещь в себе, неспособной иметь контакты с внешним миром.

Для того, чтобы захватить в советском Техасе, как называют Ставрополье, первый плацдарм, янки пришлось приложить немалые усилия. К примеру, «Монсанто» вначале имела целью, пристрелявшись, большими партиями продавать многочисленным колхозам и совхозам края продукцию своего собственного химического производства — гербицид раундап. Рынок для препарата здесь грандиозный.

Однако для того, чтобы свойства раундапа раскрылись в полной мере, американцам пришлось побегать по фермерским хозяйствам Канады, Австралии, да и собственной страны, найти технологию, в которую вписывается этот гербицид, и предложить колхозу (имени Свердлова), где было решено провести эксперимент в рекламных целях.

Но и этого оказалось мало. Чтобы тщательно выполнять заокеанскую технологию, необходима была подходящая для этих целей почвообрабатывающая техника, которой в Советском Союзе пока не выпускают. Пришлось завозить этот довесок к раундапу из-за границы. В Англии рездобыли парапал, способный не только рыхлить почву, но и оставлять на поверхности поля около 30 процентов стерни (она защищает землю от водной и ветровой эрозии). Во Франции нашли широкозахватные опрыскиватели, распыляющие вносимый в почву раствор гербицида до туманообразного состояния.

Короче говоря, фирме «Монсанто» пришлось действовать на Ставрополье в стиле старинной русской народной сказки про репку. Решил дед вытянуть репку — тянет-потянет, а вытянуть не может. Позвал бабу. Бабушка — за репку, бабушка — за деду, тянут-потянут, а вытянуть не могут. И так далее, пока на помощь деду не пришли, кроме бабушки внучка, Жучка, мышка...

Колхоз (имени Свердлова) находится в одной из многочисленных зон края, где плодородная земля сильно разрушается, превращаясь в пыль, под воздействием сначала дождей, а потом ветров. Усиливает этот процесс неумелая деятельность человека, который трамбует землю колесами тяжелых тракторов, режет, ковыряет почву различными орудиями. В 1985 году на Ставропольской возвышенности было потеряно около 15 сантиметров почвенного слоя, а в колхозе (имени Свердлова) — от 20 до 40 сантиметров почвы. Поля здесь похожи на лунный ландшафт. Даже такой неприхотливый сорняк, как пырей, здесь не растет.

С фирмой «Монсанто» мы начинали совместно работать на 87 гектарах полей, — рассказывал в ноябре 1988 года председатель колхоза Алексей Шкорина. — А теперь уже используем новую технологию на 90 процентах колхозной территории.

Думается, что сотрудничество ставропольцев с «Монсанто» ускорит освоение новой технологии в колхозах и совхозах края. Американцы умело рекламируют свой опыт. В Ставрополе они организовали симпозиум, в котором приняли участие специалисты сельского хозяйства из других регионов России. Сразу же после этого симпозиума фирма «Монсанто» заключила договор со Ставропольагропромомсоюзом на поставку гербицида раундап в один из самых засушливых районов — Арзгирский.

Но и на этом все трудности не удалось преодолеть. Камень преткновения — отсутствие в колхозах и совхозах конвертируемой валюты.

Проблема с конвертируемостью советского рубля затянула и заключение контракта между фирмой «Пи-

онер» и другим колхозом («Орловский»), где предполагается построить совместное предприятие — кукуруза-закалибровочный завод стоимостью семь миллионов рублей.

В этом случае американцы действовали также широко, размахисто: заложили демонстрационные опыты своих гибридов, привезли семена, технологию, технику, провели большой симпозиум. Но ставропольским специалистам требовалось найти большую сумму конвертируемых денег и пришлось долго искать их, а также варианты, которые позволили бы добиться эквивалентного взаиморасчета.

У фирмы «Пионер» появилось и еще одно предприятие, которое требовалось преодолеть. Некоторые ставропольские ученые считают, что семена гибридов кукурузы, полученные в их лабораториях, не уступают американским. Но в крае не налажено массовое производство этих семян, то есть семеноводство кукурузы. Товарная продукция получается некачественной и только поэтому уступает американской.

Следует согласиться с региональным директором фирмы «Пионер Оверзис Корпорейшн» Робертом Кертисом:

— Селекционер в какой-то степени напоминает художника, которому для написания картины надо иметь богатую палитру красок. Ставропольские селекционеры имеют ограниченное количество родительских линий для создания того или иного гибрида кукурузы. У нашей фирмы есть филиалы — в 95 странах мира, поэтому набор наших «красок» значительно богаче.

В конце «онцов контракт между колхозом («Орловский») и фирмой «Пионер» был подписан. Постепенно идет притирка партнеров. Американцы начинают вникать в условия нашей экономики, делают коррективы в своей деятельности, а ставропольцы...

Генеральный директор агрокомбината «Георгиевский» Александр Гаевой сейчас ведет переговоры о заключении контракта с фирмой «Хайнц» о создании совместного предприятия по выпуску продуктов детского питания.

— Скажу прямо, мы просто пребывали в неведении насчет того, сколь серьезно, я бы даже сказал, дотошно относятся к будущему сотрудничеству наши американские партнеры. А мы слишком уж привыкли к тому, чтобы решение принималось быстро. А потом, когда начиналась стройка, горько раскаивались: одного не предусмотрели, о другом не подумали заранее. Словом, умению не торопясь, комплексно прорабатывать все без исключения вопросы нам надо учиться.

Медленно происходят перемены в экономике Ставрополья. Движение идет даже полшагами, полумерами. К примеру, в 1989 году правительство СССР дало возможность колхозам и совхозам продать сверхплановое зерно государству за конвертируемую рубль. Это должно было заинтересовать руководителей сельскохозяйственных предприятий в увеличении производства дефицитной продукции, что позволило бы отказаться от ее импорта из-за рубежа. Колхозы и совхозы имели возможность заработать около 20 миллионов рублей. Но в итоге не было продано продукции даже на один миллион рублей, потому что государство установило низкие закупочные цены и не продумало механизмы прямых внешнеэкономических связей, который бы позволил хозяйствам с пользой для своего производства потратить заработанную валюту.

Эта медлительность вызывает у советских предпринимателей недовольство. И все же дело сдвинулось с мертвой точки и перемены неминуемы. Русские издавна подметили в своем характере такую черту: мужик долго запрывает лошадей, зато потом быстро ездит. Американцы должны это учесть.

Михаил МЕЛЬНИКОВ.

* Первый материал из публикуемых в порядке обмена между Ставропольской краевой организацией Союза журналистов СССР и «The North Scott Press», штат Айова, США.

Мы выбрали ассоциацию.
А вы?

20 ПРОЦЕНТОВ ГODOVЫХ

— Для любого современного начинания нужен капитал, — говорит заместитель председателя правления Ставропольского отделения СФК, председатель совета Ассоциации содействия Советскому фонду культуры М. Новиков. — Даже беглое перечисление основных видов нашей деятельности даст представление о масштабах и, естественно, о суммах, которые требуются на реализацию идей. Итак, мы намерены действовать в научно-информационной сфере, включая маркетинг в области культуры. Ассоциация получила право заниматься

научно-производственное объединение «Нива Ставрополья»... Прибыль ради прибыли? Нет! Значительная часть средств пойдет на благотворительные нужды, в фонды музеев, библиотек.

— Для меня очень важно — в психологическом плане, — вступает в разговор первый заместитель председателя Ассоциации, главный издатель и директор бюро А. Лысенко, — что на счет Ассоциации стали поступать личные сбережения.

— Чему способствуют вкладчики, кроме собственной выгоды?

— К примеру, такому вот начинанию. В программу издательской деятельности Ассоциации включена серия «Кавказская библиотека», осуществление которой должно принести всем духовное (в первую очередь!) удовлетворение и материальную выгоду партнерам. «Кавказская библиотека» — это выпуск книг, альбомов, буклетов, произведений художественной литературы, искусства, публицистики, сочинений по истории, культуре, этнографии, фольклорных материалов (в том числе и репринтным способом), ставших библиографической редкостью. Эту программу совместно с Ассоциацией разрабатывают ученые института истории Академии наук СССР, ряда НИИ.

— Насколько нам известно, идею выпуска «Кавказской библиотеки» одобрил академик Дмитрий Сергеевич Лихачев...

— Да. И, возможно, по нашей просьбе напишет предисловие к этой серии. Образно говоря, Дмитрий Сергеевич станет «крестным отцом» серии.

издательской и полиграфической деятельностью, редакционной подготовкой рукописей, тиражированием, выпуском изданий. «45-я параллель» тому пример. Начнем открывать салоны-магазины, книжные киоски, экспортировать свою продукцию. Прибылью мы готовы делиться со всеми членами нового формирования.

— На каких условиях?

— Предприятия, организации, кооперативы вносят на расчетный счет 609712 в Промстройбанке Ставрополя (его код — 231211) не менее десяти тысяч рублей (для индивидуальных вкладчиков минимальный пай — 500 рублей). Каждому из членов Ассоциации мы гарантируем по итогам деятельности 1990 года не менее 20 процентов от вложенной суммы.

— Неплохо...

— Да. Это уже поняли многие. Среди них краевое агентство «Союзпечать», Ессентукский курортный совет, два банка, ставропольские завод «Сигнал» и фабрика «Восход», краевое общество Красного креста, краеведческий музей имени Г. К. Праве,

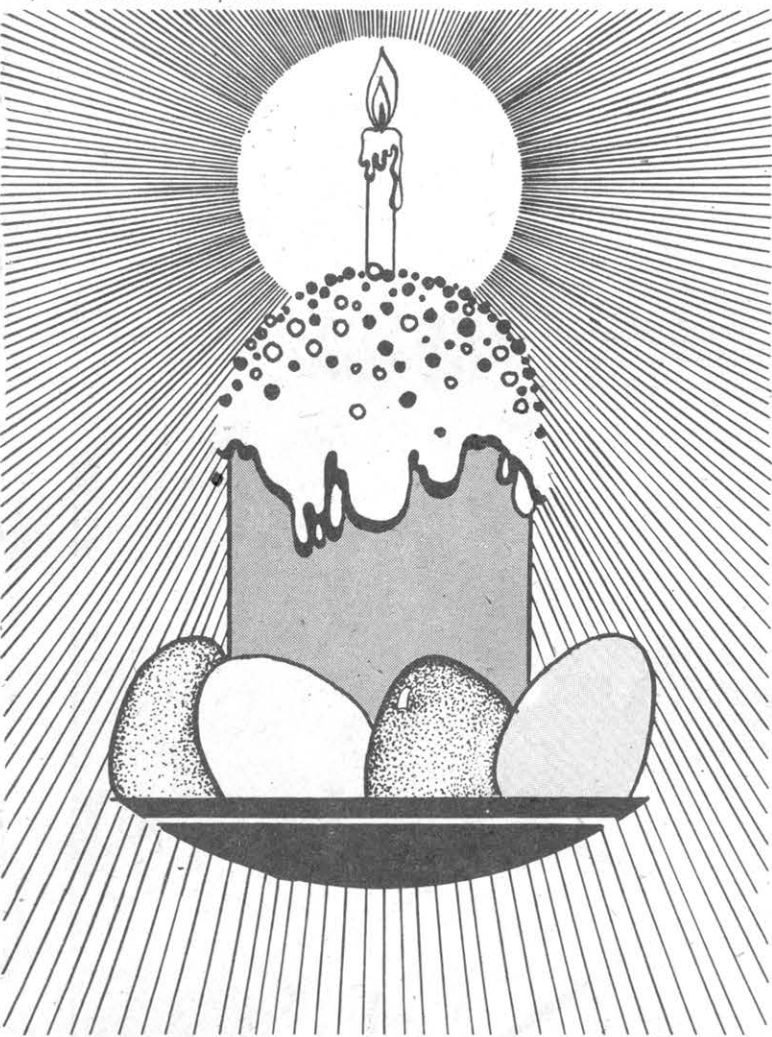
ЖИВАЯ КОПЕЙКА

«Алтарь» «45-й параллели» — это место объединения, наведения духовных мостов между людьми разных мировоззрений, вероисповеданий или просто неверующих.

При подборе материалов «Алтарь» исходит из конституционного положения о свободе совести. Человек сам выбирает свои символы веры, этические принципы. Мы не намерены обсуждать достоинства и недостатки того или иного выбора.

Первый выпуск — коллаж на темы жизни Русской Православной Церкви.

ПАСХА

В нынешнем году она приходится на 15 апреля (2 апреля — старого стиля).

«Наше время ознаменовывается возвращением Церкви искони присутствующего ей делания — милосердия. Мы помним, как святой апостол Иаков, обращаясь к верующим, говорил: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь — но не даст им потребного для тела, что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе (Иак. 2, 14—17)...»

(Из пасхального приветствия митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия).

«В эти пасхальные дни мы прославляем Иисуса Христа Воскресшего. А нынешний день мы посвящаем памяти тех, кто первый удостоен был принять радостную весть о Воскресении Христа Спасителя и поведать ее миру...»

Что мы можем принести Господу Иисусу Христу? Горячее сердце. Не дадим ему остыть. Что мы можем принести? Молитвы? И молитва бывает разная. Молитва может быть эгоистическая: о себе, о своих нуждах, но молитва может быть и о всем мире. Мы стоим сейчас в церкви, утешенные и обрадованные Пасхальной службой. А сколько людей приковано к постели... Сколько сейчас отходят из этой жизни, испытывая предсмертную муку... Сколько людей

терпит скорбь, лишения, опасность... И вот мы, собравшись здесь, должны совершить за них свою молитву...»

(Из пасхальной проповеди митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима).

Мы хотели бы дополнить ваше представление о Пасхе отрывком из материала «Как провести день по-христиански», опубликованного в первом номере нового издания — приложения к журналу «Сельская молодежь» — «Земля».

«Будь кроток, тих, смирен, молчи и терпи по примеру Господа Иисуса Христа. Он не возложит на тебя креста, который ты не сможешь понести. Он Сам поможет тебе нести твой крест. Не думай приобрести какую-либо добродетель без скорби и болезни души. Проси у Господа Бога благодати исполнять как можно лучше Его святые заповеди. А когда исполнишь какую-либо заповедь Божию, то не оставайся в праздности. Во время тягости искушений или охлаждения к молитве и ко всем благочестивым занятиям не оставяй дела благочестия: Господь Иисус Христос трижды молился, когда душа его была прискорбна даже до смерти. Более слушай, чем говори: во многоглаголании не избежать греха. Заграждай слух, чтобы не слушать противного Господу Богу. Не любопытствуй о новостях: они развлекают дух; с охотою говори о добрых делах. Избегай даже самых малых грехов: кто не удаляется от малых грехов, тот непременно впадет в большие и тяжкие. Если хочешь, чтобы не тревожили тебя злые помыслы, то со смирением принимай уничтожение души и скорбь телесную.»

АЛТАРЬ

Отче наш, Иже еси на Небесах!

Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое,

да будет воля

Твоя, яко на

небеси и на

земли. Хлеб наш

насущенный дождь

нам днесь; и

остави нам долги

наша, якоже и

мы оставляем

должником нашим;

и не введи нас

во искушение,

но избави нас

от лукавого.

Сегодня уже мало кого удивит обобщение о регистрации нового православного прихода. Их число по стране за последнее время увеличилось на две тысячи. В центре каждого должен быть храм — средоточие духовной и литургической жизни общины.

Не во всех случаях верующим возвращаются старые церкви. Довольно часто власти предлагают новосозданной общине построить храм своими силами. Дано разрешение на строительство, выделен участок, обещана помощь. Что же дальше?

Каждое строительство начинается с проекта. С проекта начинаются и трудности. Ведь он должен быть выполнен в традициях русского храмоздательства и одновременно отвечать требованиям, предъявляемым современной инженерно-строительной практикой. Кто возьмется за эту работу?

Прежде у нас при строительстве храмов объявлялись всероссийские конкурсы, в которых принимали участие ведущие зодчие, проекты утверждал технико-строительный комитет при Святейшем Синоде. Работы контролировал епархиальный архитектор. Сегодня все вопросы, связанные со строительством храма, вынуждены решать настоятель и староста.

Итак: какими будут храмы в десятках городов и сел, где появилась наконец возможность обветшавшие молитвенные дома заменить на храмы в собственном смысле этого слова?

Последние сорок лет церковь в Невинномысске была под стать городской окраине — серый домишко в пыли.

В доме настоятеля прихода отца Василия Володько — фото огромного собора, построенного в Невинномысске в прошлом веке и простоявшего до 1937 года. Вопрос о строительстве нового храма стоял полвека...

После войны верующим передали хату на краю города, где и молились горожане. А в год 1000-летия крещения Руси городские власти выда-

ли разрешение на строительство нового храма.

Участок выделили довольно большой, — рассказывает прораб С. Рудик, — полгектара. Когда отец Василий предложил мне возглавить стройку, я согласился. Как строителю-профессионалу, хотелось что-то оставить людям после себя. Раньше «воздвигал» типовые «пятиэтажки», другие здания. Но церковь — это действительно на века! Предстоит возвести большой собор в стиле Боголюбленского патриаршего собора в Москве.

«Вы — храм Божий», — сказано в Библии (1 Кор. 3, 16). Внешний храм — лишь одно из условий созидания храма внутреннего. Как представляет себе настоятель духовную жизнь своего прихода после завершения строительства церкви?

В Невинномысске, как практически и везде в стране, сейчас встает задача повторного христианского просвещения тех, которые тянутся к Церкви, но не имеют христианского воспитания. В храм приходят, возможно, впервые в жизни, молодые люди. Что они увидят в нашем нынешнем молитвенном доме?

Низкий закопченный потолок, расстрескавшиеся половицы, теснота, духота, плохая акустика... Чтобы в таких условиях вникать в смысл богослужения, необходима немалая духовная закалка.

Просторный же храм в традиции Православия сам по себе будет воплощенной в камень проповедью.

Храм в Невинномысске будет уже второй церковью, отстроенной «по правилам» на Ставрополье. Первой можно считать освященную в прошлом году церковь св. Ольги в Железноводске. Об этом строительстве достаточно оживленно писали в краевых средствах массовой информации. И это понятно. Впервые за многие годы велось строительство именно церкви, а не молеального дома, и кроме того, большую часть работ выполнял кооператив.

Остается добавить, что строительство храмов велось и ведется на церковные деньги.

ЗА УЧИЛИЩЕМ — СЕМИНАРИЯ

Близится первый выпуск первого в стране епархиального училища, открытого в Ставрополе в январе минувшего года.

В течение нескольких десятилетий церковное образование у нас распространялось почти исключительно на священников, которых готовили в духовных семинариях и академиях. В приходах не хватало квалифицированных регентов, псаломщиков, административных работников (а именно этих церковных работников готовит Ставропольское училище). Особенно эта нехватка стала чувствоваться после открытия в 1987—1989 годах в массовом порядке новых православных приходов.

Структура христианского церковного образования у нас в стране представляет собою иерархическое триединство: духовное училище, семинария, академия. Ставропольское епархиальное училище готовит нужных сегодня во многих приходах работников, но не менее серьезна и проблема подготовки священников. Тем большее значение приобретает сегодня вопрос об открытии в Ставрополе, центре епархии, семинарии. Сейчас этот вопрос рассматривается в различных инстанциях.

В случае его положительного решения церковная жизнь на Северном Кавказе приобретет более стабильные черты. Но об этом в следующих выпусках рубрики.

11/24. апрель.
РАДОНИЦА.
Поминовение усопших.

СВЯТЫЕ, ПРОСЛАВЛЕННЫЕ СОБОРОМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 1988 г.

БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ, подвижница благочестия XVIII века (Ксения Григорьевна Петрова) родилась в Санкт-Петербурге между 1719 и 1732 годами. После внезапной смерти мужа — Андрея Федоровича, полковника, придворного певчего, 26-летняя вдова ради спасения мужа (он умер без христианского приготовления) всецело посвятила свою жизнь служению Богу и людям в христианском подвиге юродства. Свое имущество она раздала бедным, всех просила называть себя «Андреем Федоровичем» и в costume мужа пошла скитаться по Петербургу. Люди замечали, что это не просто нищая, милостыню она принимала не от всякого, а если и брала, то лишь одну копейку, которую тут же отдавала бедным... Ночами она обычно уходила в поле и молилась до восхода солнца. Часто блаженная принимала участие в устроении жизни благочестивых христиан.

Кончина ее воспоследовала между 1794 и 1806 годами, возможно, около 1803 года. Погребена блаженная Ксения на Смоленском кладбище в С. — Петербурге... Со всей России шли на Смоленское кладбище письма с просьбами отслужить панихиду по блаженной Ксении и помолиться о даровании

помощи в беде или в благодарность за оказанное благодеяние. В 1902 году над ее могилой сооружена часовня...

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ, епископ Ставропольский (в миру Дмитрий, из дворянской фамилии) родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском Вологодской губернии. Дмитрия влекла иноческая жизнь, но отец отдал его в Главное военное инженерное училище в Санкт-Петербурге... Дмитрий принял решение стать монахом, отставив его перед начальством в родителями. Училище он окончил в чине поручика в 1826 году, в отставке сразу ему было отказано, но уже в 1827 году он был уволен со службы из-за болезни и поступил послушником в Александрово-Свирский монастырь Олонечкой губернии, затем был и в других обителях. С 1833 года — настоятель Троице-Сергиевской пустыни. С 1857 года — епископ Кавказский и Черноморский (с кафедрой в Ставрополе). Осенью 1861 года уволен на покой по болезни, скончался 30 апреля 1867 года. В круг его знакомых входили А. С. Пушкин, И. А. Крылов, М. И. Глинка, Н. В. Гоголь... Святитель мог видеть состояние души других людей, он изложил аскетическое учение святых отцов Церкви, применительно к требованиям современности.

МЕДИЦИНА НА ВЫСОТЕ

«КВАЗАР»

Ставропольское краевое управление здравоохранения проводит региональную конференцию хирургов зоны Северного Кавказа в г. Ессентуки с 18 по 20 апреля 1990 года.

В работе конференции примут участие зарубежные фирмы СРР (ЦПП), ROCHE (РОШ), а также советский НИИ РЛ объединения «Квазар».

В период проведения конференции ее участникам и гостям будет предоставлена возможность заключать договоры на закупку медицинского оборудования за конвертируемую валюту.

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ШВЕЦИЯ

ДАНИЯ

ФРГ

США

ФРГ

Австрийская фирма ЦПП является производителем специальных катетеров, кроме того, представляет на советском рынке медицинские фирмы ФРГ, Дании, Швейцарии, США, Японии и других стран по производству изделий одноразового пользования, хирургических инструментов, приборов слежения и диагностики, различной аппаратуры.

ФРАНЦИЯ

США

ФРГ

ФРГ

НИДЕРЛАНДЫ

ГОЛЛАНДИЯ

ФРГ

BERCELDER • ФРГ
MEDI TECH • НИДЕРЛАНДЫ
MANSFIELD • США
MEADOX • США/ДАНИЯ
SCANDIAMED • ШВЕЦИЯ
HENKE SASS WOLF • ФРГ
SURGIMED • США/ДАНИЯ

Фирма «Ф. Хоффманн-Ля Рош» была основана в 1896 году Фрицем Хоффманом в г. Базеле, Швейцария. С тех пор она превратилась в многоотраслевую международную корпорацию, занимающую ведущие позиции в области здравоохранения во всем мире.

- Число стран с филиалами «РОШ»: 52
- Численность персонала: 49.500 человек
- Ежегодный оборот: 8 млрд. швейц. франков
- Ассигнования на науку: 1,2 млрд. швейц. франков

Фирма «Ф. Хоффманн-Ля Рош» выпускает:

- Фармацевтические препараты
- Витамины и химические вещества
- Диагностические системы
- Вкусовые добавки
- Ее филиалы:

Ароматические вещества

Средства защиты растений

Парфюмерия и косметика

«КВАЗАР» НИИ РЛ

Аппаратура для хирургии (лазерная, ультразвуковая), физиотерапии и других разделов медицины, компьютерная техника, пищевая промышленность.

«Двое в комнате — я и...». Нет, не Ленин.
И не «фотографией на белой стене». И все же...

«Грудой дел, суматохой явленный день отошел, постепенно стемнев. Двое в комнате. Я и Ленин...» Нет, не фотографией на белой стене. Я в гостях у человека, о котором в Советском энциклопедическом словаре на странице 673 сказано: «Кузнецов Мих. Прокопьевич (р. 1913), сов. актер, нар. арт. СССР (1971). На сцене с 1932, с 1951 в Ставропольском т-ре. Создал образ В. И. Ленина в спектаклях («Семья» Попова и др.), в фильмах «Синяя тетрадь», «Залп «Авроры»».

На полке — портрет Ленина. На столе — Библия. Сам: в роговых очках, медный браслет на левой руке, потертая домашняя куртка. Ему 76 лет. За полжизнь лицо Ленина стало его лицом. И я вздрагиваю, когда отрываю глаза от блокнота и смотрю на него — от ощущения, что разговариваю с Ильичем, дожившим до 76-и, и, главное, — до наших дней...

— Я не играл, не изображал Ленина — я жил им. У меня такое ощущение, что я прожил где-то рядом с ним — и страдал с ним, и умерал. А теперь... Я слышу все, что происходит (Михаил Прокопьевич умолкает, волнуется и кусает губы, приходит в себя какое-то время)... Извините. Это все нервы. Я не могу читать — зрение совсем плохое. Но я смотрю телевизор. Я не могу на это смотреть, но я не могу и не смотреть на это. На то, как оскверняются памятники Ленину. Как говорят, что пора бы уж его вынести из Мавзолея. Эти разговоры: «Зачем вообще нужна была революция? Надо было в феврале остановиться». Или: «Сталин только продолжал дело Ленина, а все беды для России пошли именно с Владимира Ильича». Все это ужасно тяжело. Или вот статья Солоухина «Читай Ленина». Я очень хорошо к Солоухину относился — к его прозе и стихам. А теперь... Теперь мне за него неудобно. Русский человек. Как он мог?!

У Михаила Прокопьевича снова прерывается голос. Он спрашивается с волнением и продолжает:
— Поймите меня правильно. Мне больно от того, что оскверняют па-

мятники Ему. Но мне больно и от вида этих памятников. Понаставили уродцев. Написали икон. Забыли человеческое.

— Простите, Михаил Прокопьевич, но не помогали ли вы и сами этому своими ролями в театре и кино? Не писали ли и вы иконе?

— Я старался донести до людей его человеческую сущность. Я слишком много знаю о нем таких вещей, которые не позволяют мне заниматься иконописью. Ну, вот только одна деталь. Маргарита Васильевна Фофанова, у которой скрывался Ленин и с квартиры которой он ушел в Смольный в Тот день, как-то рассказывала мне, что перебирая его белье, обнаружили, что оно — бязевое, солдатское. А на полосатых брюках его — Ленина можно увидеть в них на многих фотографиях: и на митингах, и на различных заседаниях — она нашла сзади заплатку. Выпоролли из пояса изнутри кусочек ткани и залатали брюки... О скромности его много написано, но она забывается стала, эта скромность.

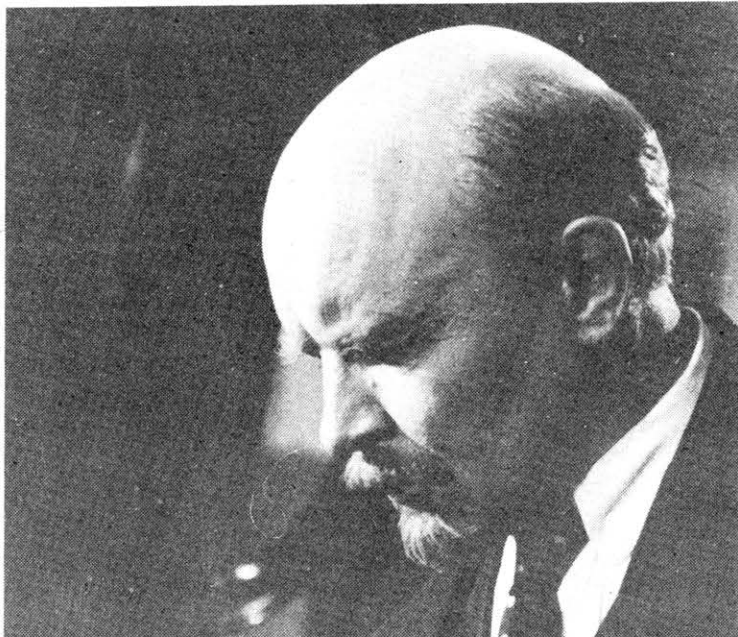
— Вы говорите это применительно к сегодняшнему дню?

— Именно — к сегодняшнему. Я хорошо отношусь к Горбачеву. Он ко мне — тоже. Он идет по ленинским стопам, утверждает его принципы. Но в такое время прибавлять зарплату аппарату... Как можно?! Помните эту историю, когда Бонч-Бруевич прибавил Ленину зарплату? Какую он взбучку тогда получил!

— Михаил Прокопьевич, а вы сами — коммунист?

— Нет. Не удивляйтесь. Был у меня такой случай: закончился спектакль, я в гриме Ленина еще, отдыхаю, ко мне стучится молодой актер. Говорит: «Михаил Прокопьевич, я собираюсь вступить в партию и мне нужна ваша рекомендация». Я говорю, что не могу дать ему рекомендацию. «Почему?» — «Я — беспартийный». Он обомлел. Перед ним сидит «Ленин», и он — беспартийный. Вы знаете, к Владимиру Ильичу пришел как-то одян рабочий. Мне советуют вступать в партию, — говорит,

На съемках фильма «Залп «Авроры». 1965 г.

22 апреля 1870 года родился Владимир Ульянов.

«Нельзя сваливать на Ленина ответственность за те вещи, из-за которых сейчас лихорадит страну».

— а я чувствую, что не готов к этому. Ленин ему ответил: и не надо. Будьте лучше хорошим беспартийным, преданным нашему делу, чем плохим коммунистом.

— Вы боитесь стать «плохим коммунистом»?

— Не в этом дело. Я просто многого насмотрелся за свою жизнь. Видел то, что происходило с партией за все эти годы после смерти Ленина, и понял одно: она не имеет права называться ленинской. КПСС — партия, но не ленинская.

— Партия много ошибалась. Но разве не ошибался Ленин? Разве не было у него недостатков?

— Были. А как же? Но он сам об этом говорил, сам в них признавался. Останься он жить, возможно, не было бы войны. Я в этом больше, чем уверен. Не было бы сегодняшних потрясений. Нельзя сваливать на Ленина ответственность за те вещи, из-за которых сейчас лихорадит страну.

— Вы верите в него, как в Бога.

— Я не верующий. Но он для меня

Святой. Мне больно видеть истерию вокруг его имени.

— Но рейтинг Ленина, как политического деятеля, если судить по публикации «Аргументов и фактов», и сейчас достаточно высок.

— Было бы удивительно, если бы это было не так.

И мы много еще говорим о жизни Михаила Прокопьевича, о его ролях, о том, как он понимает те или иные исторические события, рассказываем друг другу анекдоты о... Ленине. Он показывает мне старые фотографии, на которых он запечатлен в роли Владимира Ильича. Раскладывает по столу акварели, работой над которыми он увлекся два года назад. И он много еще будет вспоминать истории о Ленине и рассказывать это так, как будто он рассказывает о себе.

Я уйду. Он останется. Вечером включит телевизор. И если снова будет «что-то такое», он поймет это как личное оскорбление. Боже, как тяжело сейчас — Ленину и ему.

Владимир ЛАРИОНОВ.

Такова судьба... тех редких, всегда одиноких людей, которые, постигая волю providения, подчиняют ей свою личную волю. Ненависть и презрение толпы наказывают этих людей за прозрачные высших законов.
Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Теперь я здесь появился спустя десять лет. Обойдя дом, зашел в подъезд. Не было прежней чистоты, в коридоре никого... В квартире, где жил Андрей Дмитриевич Сахаров, гостиница.

Вспоминаю свое пребывание в Горьком в 1979—1980 годах. Тогда мои знакомые тихонько поговаривали о политическом ссыльном Андрее Дмитриевиче Сахарове. Но немногие могли назвать точный адрес. Щербинку — это район, где находился дом, в котором жил Сахаров — не везде было принято часто употреблять в разговоре.

И все-таки я поехал на Щербинку — к 12-этажному дому из красного кирпича. Прямо на остановке стал спрашивать, где живет Сахаров? На меня испуганно смотрели и старались поскорее отойти без ответа. Наконец какая-то старушка показала мне дом и балкон на первом этаже. «А вы к нему хотите? Так туда не пустят».

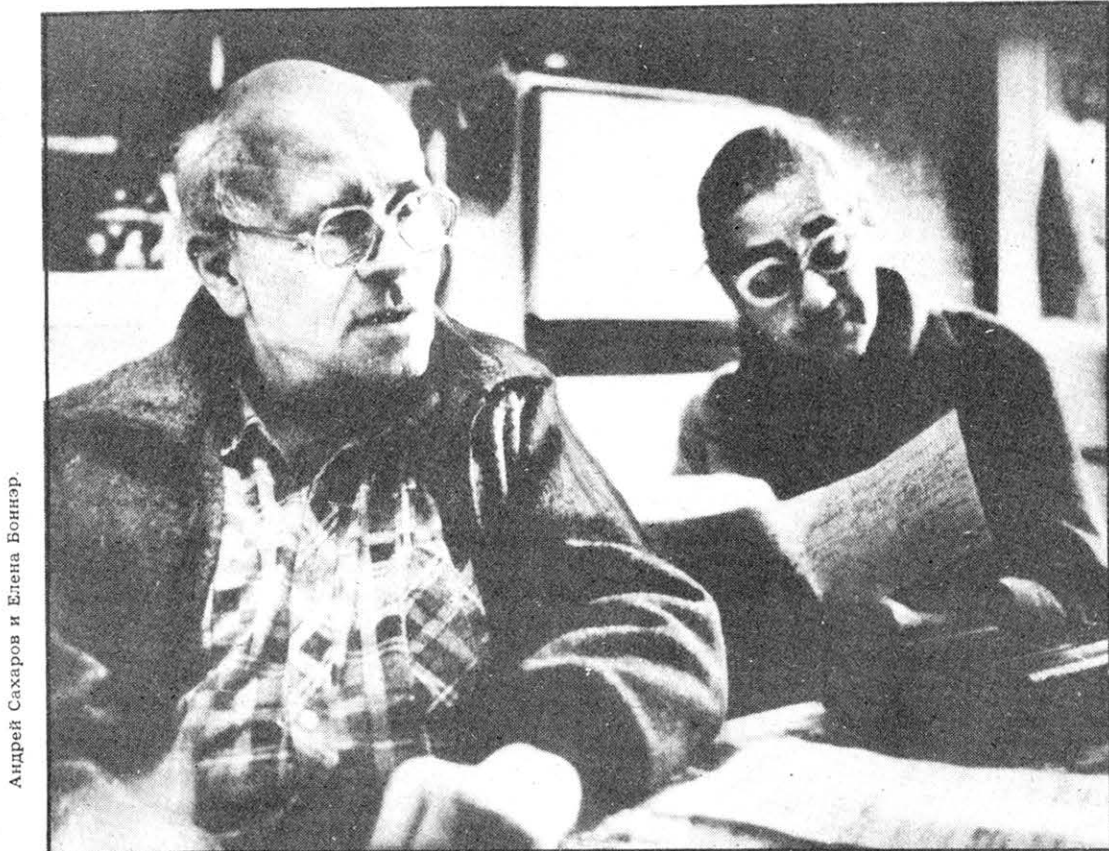
У дома меня встретили двое ребят в гражданском, спросили, к кому я... Сказал, что в магазин, благо возле дома он был. Зашел в магазин. А затем направился к подъезду. В конце коридора увидел милиционера у тумбочки. Обменялись взглядами и... я ушел. На улице меня вновь остановили, потребовали документы. И попросили, чтобы я уезжал поскорее...

Теперь я здесь появился спустя десять лет.

Вот что рассказала мне — воспроизвожу по магнитофонной записи — Надежда Федоровна МАЙОРОВА:

— Как-то общались с Андреем Дмитриевичем, а он и говорит, что Брежнев умрет — и я снова поеду в Москву. Но случилось все позже: уже при Михаиле Сергеевиче Горбачеве.

Был случай, когда к ним кто-то приехал, а мне-то с балкона все видно. Смотрю — какая-то женщина. Подошла прямо с кулаками к машине Сахарова, он собирался уез-

Андрей Сахаров и Елена Боннер.

45-я параллель

жать. Она дверцу прижала, нога его наружу — и давай ругать его. А милиционер, который дежурил, Володей зовут, да он рядом живет (фамилии не помню) даже не вышел, спрятавшись. И тогда моя дочка-то подбежала к нему: что, мол, делают с Андреем Дмитриевичем, помогите!

Да... А еще Андрей Дмитриевич больно любил ребятшек. Видел, как я живу, когда ему уезжать в Москву, пришел ко мне и сказал, вот тебе, Надюша, ключ, уеду — переходите и живите. Часто и сам обращался ко мне, если что-то надо. Как только праздник какой, так

обязательно подарки несут. Однажды Елена всех ребятшек к себе на елку забрала в квартиру. Леша с Катей у них были, дали и им по подарочку.

А когда уехал Андрей Дмитриевич — извините, что повторяюсь — внуки-то увидят его по телевизору и бегут: «Бабушка! Дядя Андрюша возле Горбачева по телевизору! Ура!»...

На 40 дней Андрея Дмитриевича в квартире отпевали. Елена Боннер сразу меня узнала...

Борис СМОЛЬ.
Спец. корр. «45-й параллели».

Снимок любезно предоставлен корреспондентом газеты «Ленинградская смена» В. Бузмаковой.

Полный отчет о командировке будет опубликован в одном из следующих выпусков.

«Теперь во мне другие формы света. Другой во мне огонь. Другой огонь». Михаил Фрумкин. Поэт. Самая краткая и самая исчерпывающая характеристика. Наверняка найдутся читатели, которым такой характеристики мало. Для них и приводим шесть вопросов и шесть ответов поэта.

— Михаил, Евгению Евтушенко принадлежит формула: «Предошущение стиха у настоящего поэта есть ощущение греха...»

— Довольно точно. Вся поэзия — чувство стыда. При этом не обязательно стыда за какой-либо конкретный проступок, о котором выходят рассказывать всем на площадь. Чувство, волей воображения преобразованное в речь. Соответственно имени, темпераменту и рассудку пишущего...

Третья четверть осенней ночи,
Время высохших слез и прочей
Атрибутики муки; снявшихся незнакомок.
В этот час и печаль тонка, и рассудок ломок,
И реальность страстью твоей раздета
До искомого вида — сложней не найти

У окна или зеркала, суть незнакомых с ложью
Вещей как-то скользко. И у порога тоже.
А за окном темно. Третья четверть осенней,

Ночи, шепчущей нежность или дожди калиной,
Огорченной ненастьем, и тополем, дровом

Сучья тянущим к шепчущим же занавескам.
Время пушечных мыслей, стремящихся связано

Воедино; и лучшее, чтоб — застрелиться,
Или выплакаться и с облегченьем вспомнить
Всю нелепицу этой любви и комнат,
Где был счастлив; и плюнуть, что все пропало,
И забыться, уснуть. И проснуться, вникая мало
В суть коротких гудков, как пульсирует

Время вздрогнув понять, что родился — и сразу умер,
И давно похоронен... И только душа, свой

Вспомнив, в тело чужое влезла и снова терпит
Третья четверть осенней ночи —
Время страшного многоочья.

1989

— Критика тоскует по «красивым, двадцатидвулетним». Вам — двадцать три...

— Факты жизни никогда не бывают так интересны, как те ощущения, мечты и мысли, которые сопровождают эти факты.

Из Самюэля Беккета

Листал себя давнишнего. Всплакнул
В том месте, где «она сняла все штотки,
Осталась нагишом. Мы плыли в лодке...
Она потом уснула, я уснул.
Так по течению долго плыли мы...
Всплакнул. Возможно, это — отвращенье
К себе, каким я был в пылу общенья,
Пока волной старенья все не смыл?

С утра страдал запором. Съел банан —
И полегчало, стало бесподобно.
(Процесс и ощущения подробно
В тетрадке номер семьдесят). Титан —
Как оказалось, вовсе не силач,
А вещество. Толок в сосуде влагу,
Отыскивая рифму к «мял бумагу»
Глагольную. Не выдумал, хоть плачь.

Опричь привычной пинты осушил
Еще галлон. Наверное, к субботе
Откажет печень. Главное, при рвоте
Не позабыть поохать от души.
Почти смеялся, прочитав, что в день,
Когда скончалась Н., был на футболе.
Пойти бы на могилу, вспомнить боли
Давнишние, но добираться лень.
На той неделе заходила Б.
Все получилось очень даже мило.
Она спросила, как бы пошутила:
«Как это в твоём возрасте тебе
Так удаётся?» — Я ей объяснил
Достаточно доходчиво и тонко,
Чтоб улыбулась дряхлая девчонка:
«Я для тебя всю жизнь его хранил».

Листал себя давнишнего: «...но мгла
Стояла над рекой, и где-то рядом

По солнечному лучу И скор, как веселый свет:
Я к милой лечу. В Париже же милой нет.

Лечу и трудно дышу, Поскольку очень

В кармане — табак да медь, Кто сунется — не даю:
Безденежным легче морду набью.

Слегка соблазняет Париж, Я все, что хочу, получаю.

Но я устремлен, как стриж, 1987

— В «Ставропольской правде» были приведены отрывки из письма Иосифа Бродского вам...

— К сожалению, фрагменты приведены без моего ведома. Честно говоря, мне от этого неловко. Но дело сделано — не воротить. Иосиф Бродский — мой любимый поэт. Года два прошло, прежде чем решился написать ему, высказать свою благодарность. А свои стихи дерзнул приложить в последний момент. Не ожидал, что будет столь высокий отзыв. Для меня это — сверхрадостью!

Элегия

Я больше не вернусь в ту Лузу (и в Тулузу
Пооди, не соберусь), где северную музу
Я белой ночью ждал — и не напрасно. Чаю
Воспеть белые дни, по коим так скучаю.
Сейчас там белый снег навалом, полутьма
Клубится допоздна, огромная зима
Владеет городком, и печи топят жарко,
И волчья скука просится в дома;
Над пешеходом радужная арка,
Как над святым, и в качестве подарка
От благослова лальского вдова
Несет просвирки детям неголодным,

И блещут звезды в воздухе холодном,
И неподвижна твердь, почти мертва.
Я больше не вернусь в тот город, чье название
И облик исподволь готовят к расставанью.
Медвежий угол сей, божья, не воспою, не
Сумею воссоздать дух Севера в июне,
Когда я там торчал, гонимый нищетой
И поиском побед; из переделки той
Я вынес много строф, предчувствий и надломов
Душевных, но зато с какою теплотой
У врат встречал наш сторож Костоломов,
Добрейший дед; в честь ласковых приемов
Пусть наполняет чаши память; и
Прощай же, Луза — лужа да угроза
Глухой тайги. Храни свои морозы,
Храни дома древесные свои.

Январь 1990

— Последнее место вашей работы — Пятигорский театр-студия «Комедианты». Вы из него ушли и...

— Сажу дома. Пишу стихи. Надеюсь, в тунеедстве не обвинят, не те времена. В Эссентуках жил и жить, то бишь, стихи писать, собираюсь и впредь.

Бедные люди

Их жизнь прошла, как ясный зимний день
В том парке, где закрыты карусели
До потепленья, где тухлявый пеня
Напоминает серебрястой ели
О горестной непрочности всего,
Что кажется в улыбке постоянным,
И снеговик — из детства Божество
Сверкает глазом вставленным, стеклянным.
Смотри на них: угадывая то,
Что угадать дано, не понимаю
Первооснов, в застегнутых пальто,
В добротных рукавицах цвета мая
Они проходят с недоверьем к нам,
Распахнутым: Как день в притихшем парке,
Их жизнь прошла, но верность именам

Стояло счастье, но обычным взглядом
Не рассмотреть вблизи его... Плыла
И наша лодка по теченью прочь
От тех холмов зеленых. Отчего я
Ей прошептал: «Впусти меня!» — живое,
Живое что-то жгло меня в ту ночь.
Ах, это был огонь! Вчерашний свет...
Сегодня в семь свиданье у церквушки...
Устал читать. Всколачивал подушки
И бормотал: «Чему возврата нет,
Уж лучше даже памятью не тронь!» —
Но не хотел бы вернуть все это,
Теперь во мне другие формы света.
Другой во мне огонь. Другой огонь.

20 февраля 1990

— Правда ли, что вы трижды поступали — и безуспешно — в Литинститут?
— Я всего один раз поступал туда. Срезался на обществоведении.

Дурна погода, безогляден день,
Как легкая атлетика, и пеня
Под задницей не помышляет роста.
И факел у крыльца слегка коптит —
В руке холопа праздный сталактит.
— Пошто с огнем средь бела дня?
— Так... просто.

Лениво сердце, равнодушен взгляд.
В серебристом кубке золотистый яд
Для бледных уст последняя усада.
Урод во фраке женщину теснит
К поганой койке и из плоти гнид
Вычесывает. — Эй, пошто? — Так надо.

Кошмарны думы, вымучен простор,
В высоком небе пламенный мотор
Рокошет мерно. Скука затяжная
Сближает прочих, разделяя нас,
Урод не сдался, факел не погас,
Но: широка страна моя родная.

Январь 1990

Не подчинилась утомленной Парке,
Дробящей с юной прытью бурый лед
Понятий старых. Медленная буря
Стихийных страхов не перестает
Сгущаться в них. Челю с досадою хмурия,
Они бредут аллеей. В каждый миг
Случиться может то, что тяжелее
Всего. Но даже нынче напрямик
Они не могут. Правильно: аллея
Для их ходьбы. Нужда снеговиков
Интересует мало их, а впрочем,
И наш удел, наверное, таков,
Мы зря, в снегу барахтаясь, хохочем.
Смотри на них: они уже не ждут
Нехристианских шествий, как когда-то.
Но в глубине души тирана чтут,
Как тролля оловянные солдаты.
Они гуляют парком. Им светло.
Почти светло. Они свободно дышат.
Снеговика вправляют в глаз стекло
Бутылочное и вороний слышат
Картавый «карр» и не боятся кар
Господних, потому что не грешили
Сверх меры, и сомнительный пожар
Никчемных чувств с усердием тушили.

1 февраля 1990

Старый дом

Прискорбный дом, где врали много
И много видели обид,
С окном на дальнюю дорогу,
В покое вечера стоит.
Там жизнь надломленной веткой
Осенью клонится к земле.
Холодный ужин под салфеткой
На темном кухонном столе,
Клубок на ветхом табулете —
Носки к зиме бы довязать...
Молчит старуха на портрете,
Как будто нечего сказать.

1987

— В каком возрасте вы ощутили, что поэзия — это главное в жизни?

— Лет с семнадцати уж наверняка. Абсолютно.

Прошлой осенью

Прошлой осенью я постепенно
Привыкал к положенью изгоя.
Все мечтанья воздушны, как пена,
И похожи одно на другое
Неизменным присутствием света
Разъяренного, как при пожаре.
Жаль, во всем — от любви до балета
Важен счет: каждой твари по паре.
Не обученных счету такому
Осень держит в объятиях медных,
Удивляясь, насколько легко мы
Постигаем науки для бедных,
Непомерно большое итожа,
Нечто малое в сущности ищем,
Потому что прокрустово ложе
В самый раз только принцам и нищим.
Прошлой осенью тлели недели,
Как под ветками мертвого сада
Вечерами костры, и на деле

На любом возникала досада.
Одиночества мелкие реки
Приводили к бессмысленной гамме
Неуютных тонов — так в аптеке
Посетители ходят кругами,
Ожидая лекарства. Однако,
В кость оделось крепкое горе,
И сомнительность мягкого знака
Не исчезла при черном повторе
Человеческо-угольной ночи.
Муки искренни, стоны противны...
В книжке пакостной приторный зодчий
Строил глазки блядам и наивно,
Как положено в книжке пошлой,
Плел о счастье в сиротском приюте...
Вспоминая об осени прошлой,
Что я вынес из всей этой мути?
Жгущий лет нержавеющей стали
За глаголом задумчивым «было».
Я запомнил штрихи и детали:
На раскисшей дороге кобыла,
А за нею со скрипом телега
Днем туманным все ближе и ближе;
Среди грязи и мокрого снега
Мальчик с розами; от «ненавижу»

Разболевший зуб; одичавшее
И воронья тусовка на месте,
Где пестрели цветы; и ворчанье
На погоду, на редкие вести;
Все бессмысленно, долго и серо.
Одинаково, но из острога
В бестелесность не выпустил вера;
На немьом полу у порога
Позабывшие лужи ботинки;
Светлых замыслов белой блондинки
Мелкий почерк высокой блондинки
На линованной тонкой бумаге;
Как пред ведьмосожженьем колдунья,
Перед «прочим» коварное «между»;
И отчаянье — след в полнолуние
Исчезающей глупой надежды.

Февраль 1990

ОТ РЕДАКЦИИ. В «Шанс» мы намерены пригласить авторов, не имеющих ни коллективных, ни авторских сборников. По итогам года «45-я параллель» выпустит книгу молодых поэтов из разных городов страны. «Шанс» им дарит шанс.

ФРАНЦИЯ. Цирк двухтысячного года — так оценивают во Франции то, что делают в Национальном центре цирка в Шалоне-на-Марне.

Нынешней весной ожидается первый выпуск студентов НЦЦ, основанного четыре года назад.

Признание публики и авторитетных профессионалов — они уже завоевали, показав свою программу на Эдинбургском фестивале «Лучшее имя-89». Поступили предложения на основе учебной программы создать цирковую труппу для гастролей по Европе.

Студентам НЦЦ от 16 до 23 лет, есть среди них и иностранцы.

КИТАЙ. В Пекине все готово для проведения XI Азиатских Игр — своеобразной континентальной Олимпиады. Символом Игр стал бамбуковый медведь Панда.

Информация о ходе подготовки к Играм появляется в передачах национального телевидения каждый день.

Не считая имевшихся спортивных сооружений надо было за четыре года построить или полностью реконструировать двадцать семь спортивных стадионов и дворцов, спортивную деревню, пресс-центр, инфраструктуру.

Игры еще не начались, но первый рекорд уже поставлен. Гигантский дисплей на стадионе Сяньунтань, по ряду показателей превосходит экран, который был установлен на Олимпийском стадионе в Сеуле.

РУМЫНИЯ. Выдающийся скульптор двадцатого века — Брынкуш, или, как его называли на Западе, где он прожил большую часть своей жизни, Бранкузи.

Или Эжен Ионеско. Его у нас знают понаслышке — благодаря погромным замечкам в прессе минувших лет. У этого драматурга со всемирной славой не только фамилия румынская, свою литературную деятельность Ионеско начинал в послевоенном Бухаресте.

Так что не удивляйтесь, что через год, или два в наших журналах вдруг появятся гениальные стихотворения, рассказы и романы румынских поэтов и прозаиков.

ИТАЛИЯ. Франко Дзефирелли решил вынуть из ящика свой старый проект экранизации Гамлета. Это будет второе его обращение, после «Ромео и Джульетты», к творчеству Шекспира.

Судя по высказываниям кинорежиссера, он собирается работать над «Гамлетом» в той же стилистике, что и над «Ромео» (снятым в 1968 году и вышедшем на советские экраны в первой половине семидесятых, чтобы, видимо, больше на них не вернуться).

Кроме замысла, есть еще и кандидатура на главную роль. Гамлетом будет знакомый поклонникам видеокультуры тридцатичетырехлетний Мел Гибсон, только что закончивший съемки второй части «Смертоносного оружия».

СССР. Ключ к расшифровке рапануйской письменности (Рапа Нуи — остров Пасхи на местном языке) сумел подобрать двадцатисемилетний любитель древней письменности из Краснодара, инженер первой категории объединения «Краснодаркрай-электро» С. Рябчиков.

Многие ученые мужи мира пытаются разгадать тайну древней полинезийской письменности острова Пасхи в Тихом океане, относящейся к временам Древнего Египта. Этот феномен не имеет аналогов — тексты писались на дощечках, и сегодня даже сами рапануйцы не могут понять их «язык», они воспринимают скорее как произведение искусства, наследие предков. И вот в издании Академии наук СССР «Советская этнография» недавно напечатана работа «Новые данные по старорепануйскому языку» Сергея Рябчикова, в которой Сергей дает интерпретацию топонима острова Пасхи и альтернативную интерпретацию древнерепануйского лунного календаря. Но за два года до этого краткое сообщение о расшифровке древнего языка опубликовали научные журналы Новой Зеландии, США, ГДР. И, увы, до сих пор Сергей не может ответить на предложения от оргкомитетов международных лингвистических конгрессов — с визами на выезд у нас еще много трудностей.

Пресс-служба «45-й параллели»

Заслуженный артист РСФСР Евгений Петросян гастролировал недавно в Ставропольском крае. Это интервью «специально для «45-й параллели».

— Расскажите, пожалуйста, о Евгении Петросяне. Каким был его путь на авансцену?

— С детства не был обременен проблемой «Кем быть?» Мечтал стать артистом. Запоминал эстрадные монологи, много читал. Мне очень нравилось, например, то, что один конференсье мог доставить радость, подарить улыбки сотням людей.

— Темы сами находят Вас! Или наоборот, вы говорите авторам: «Вот хорошо бы...»

— По-разному. Темы — это о чем говорить. А вот как говорить — здесь очень помогает опыт и писателя, и артиста. Это симбиоз. И все каждый раз очень индивидуально. Могу быть соавтором на десять процентов, или на 70...

— Евгений Ваганович, а как родилось знакомое и полюбившееся многим выражение: «И шо у менэ там такое!»

— Экспромт! — Михаил Гаркави, Петр Муравский, Лев Милов, Аркадий Райкин, Рина Зеленая, Илья Набатов, Афанасий Белов, Мария Миронова, Александр Минакер... Кого вы считаете своим учителем!

— Всех, кого вы назвали, я хорошо знал. Вечная признательность

приятно! «Как поживаете!». В этом году вы показали на Ставрополье программу «Инвентаризация». Что впереди!

— Новую программу готовлю. Она будет называться «Не в деньгах счастье» или «Не могу понять». А о чем, извините, пока умолчу...

— Как отдыхает Евгений Петросян!

— Отдыхать не умею. Пока не научился. Жена меня за это ругает...

— Как относиться к «медным трубам»!

— Не буду кокетничать: любому артисту хочется «быть узнаваемым». Ради этого он работает первую половину жизни, а вторую — носит очки, чтобы «скрыться» от поклонников. Вот, например, поторговаться на рынке уже трудно.

— Скажут: Петросян, мол, и торгуется...

— Евгений Ваганович, а что вы читаете, кроме текстов монологов!

— Стараюсь читать то, что должен читать нормальный культурный человек...

— Любимая песня!

— Очень дороги песни давних лет — «Темная ночь», «Жди меня»...

— Как Петросян-зритель относится к Петросяну-артисту, когда смотрит на него в видеозаписи!

— Все время хочу что-то исправить. А если бывают какие-то мгновения, которые нравятся, то даже удивляюсь: как это я мог так сделать!

«Я — большая зануда. В жизни шучу редко. Но Вам могу рассказать...»

Рине Зеленой, Алексею Алексееву, патриарху советской эстрады Аркадию Райкину... Застал три поколения артистов моего жанра. Отношу себя к среднему. Сейчас появилось новое поколение. Но сердце ноет по тому, ушедшему. Его мастера не только хранили традиции искусства, но были их основоположниками. А ныне, к сожалению, являюсь свидетелем того, что происходит какое-то обособление, мы утрачиваем все, что ценилось мастерами. А без традиций, без их сохранения — искусства не продвинуть...

— Что дорого в жизни! Что любите! Чему преданы «душой и сердцем»!

— Мне очень дорога моя работа. Ничто не заполняет мою жизнь так, как она. Именно ее люблю «душой и сердцем». Все мое существо отдано эстраде...

— О чем думаете перед концертом!

— Всегда об одном: примет ли меня зритель!

— А после спектакля!

— Сразу — ни о чем. Знаете, наступает такой момент опустошения. Хочется просто прийти в себя... Любый концерт для меня — очень тяжелая работа...

— Мы помним сольные спектакли «Монологи», «Доброе слово и кошке

— Что волнует Вас сегодня!

— Состояние нашего общества. Его психология развращена до такой степени, что мешают найти выход из сложившейся ситуации. Надо преодолеть себя. Надо искать здоровые пути для решения множества возникающих перед нами проблем.

— А проблемы эстрады! Есть такие!

— На мой взгляд, главная проблема эстрады — проблема художественного поиска. Надо помнить о законах жанра. И еще: не стоит стесняться — пора учиться у Запада созданию школы «звезд». Тогда много «звезд» — это хорошо. Страна большая, на ее небосклоне все поместятся...

— Цитируя Гоголя, вы говорите в концерте, что «у России две беды — дороги и дураки». Что страшнее, Евгений Ваганович!

— Второе. Оно — первопричина всех бед.

— Кого из коллег по цеху вы любите!

— Тех, кто искренне предан жанру. Под преданностью к жанру я понимаю фанатичное отношение к труду, к профессии. Речь идет о нравственном подходе к делу. Здесь должна быть лишь честная конкуренция.

— Имена сатириков, особенно близкие Вам!

— Пляда «сатириконовцев». Аркадий верченко, Гэффи Бухов... Они несли рядом с остроумием огромную культуру, благородство... Достойно продолжили эти традиции Зоценко, Бабель, Олеша... Один Булгаков чего стоит! К сожалению, рядом всегда находились дантесы... Из наших современников признанным лидером считаю Михаила Задорнова, не по известности и популярности, а по художественной значимости.

— Евгений Ваганович, через два года — юбилей: тридцать лет со дня Вашего первого выхода на профессиональную эстраду. Хот бы написать Петросяну книжку «Тридцать лет спустя».

— Уже написал. Называется «Хочу в артисты». Первая часть — биографична, своеобразна история моего познания жанра. А вторая — занимательное искусствоведение. Здесь я пытаюсь сформулировать законы эстрады. Объем книги — свыше 500 страниц, с большим количеством иллюстраций, анекдотов, шуток. Специальный раздел посвящен и технике приемов, с помощью которых можно достигнуть желаемой реакции у зрителей...

— Своеобразное «пособие» для артистов эстрады!

— Такое издание было необходимо еще вчера.

— Самая смешная история, слу-

чившаяся во время концерта!

— (Со вздохом): — Ой, всякое было. Но одна история — и комическая, и до сих пор для меня загадочная. В спектакле «Доброе слово и кошке приятно» читаю монолог «Пугало огородное»...

— Этот образ запомнился...

— Так вот, выступление проходило в Сочи, в Летнем театре, недалеко от известной гостиницы «Жемчужина». Перед тем как я вышел в экипировке Пугала, на сцену выскочила серая дворняжка. Очевидно, с соседнего пляжа. Ну, и бог с ней... Работаю. Идет монолог. Есть там такие слова: «И назначили меня сюда директором огорода. Хорошо. Природа. Воздух. Секретарша вон сидит — лаёт на посетителей...» Только я это сказал, как секунда в секунду серая дворняжка подбежала ко мне. Села. Посмотрела на зрителя. Потом на «Пугало», то есть на меня. В зале — истерика. Что было — трудно описать. Сработала школа конференса. Говорю собаке: «Жучка, я занят. Пойди скажи, что у меня совещание!» Представьте, ушла.

— Вы часто гастролируете в нашем крае. Нравится Ставрополье!

— Считаю, что Кавказские Минеральные Воды — моя вторая родина. Выступая в городах-курортах, я имею редкую возможность встретиться сразу со зрителями всей страны...

— «В детстве мы все на ромашках гадаем, часто мечтаем о чем-то своем...» А о чем сегодня мечтает гражданин страны и ее заслуженный артист!

— Мои мечты ничем не отличаются от тех, которые есть у нормального советского человека. Когда я нахожусь за границей, во мне клочет, возникает один вопрос: а чем мы хуже? Мечтаю о том, чтоб мы жили красиво, и — не надо бояться этого слова — богато! Мы должны находиться в нормальной системе взаимоотношений. Тогда войдет радость в каждый дом, возникнет доброта вместо злодейства. Вот об этом я и мечтаю.

— Давайте пошутим на прощанье.

— Я — большая зануда, если вы успели это понять. В жизни я шучу редко. Но могу вам рассказать современный анекдот. Хозяйка дома обращается к вошедшим гостям: «Извините вы руки будете мять с мылом?» Гости: «Да, конечно». Хозяйка: «Тогда чай — без сахара!»

Юрий САМОЙЛОВ.
Лауреат краевой журналистской премии имени Германа Лопатина.

Фото Игоря Кожевникова, Кисловодск.

Память ума дергает за ниточки память мускулов. Голос становится басом, когда он цитирует Шалаяпина, или — грассирующим тенором в строчке Вертинского.

Или о том, как удивился и рассмеялся Маяковский, увидев в Ессентуках вывеску с фамилией Двухбанный. Абиян объяснил. Лавут — администратор Маяковского — записал. Маяковский сказал: «Пригодится».

Потому-то и хочу я рассказать об ощущениях и о «мелочах», что засели в голове Абияна. О «мелочах», подобных мочке уха, отбитой временем у древнеримской скульптуры.

Это будет небольшой коллаж из имен и дат, откуда каждый может взять деталь, интересную только ему. Без хронологии и логики...

Когда-то гимназист Абиян мечтал о поступлении на историко-археологический факультет Санкт-Петербургского университета. Революция изменила не только его жизнь. Теперь он — сам история.

Но «профессионально» им занимается только один человек — директор музея музыкальной и театральной культуры госфилармонии в Кисловодске Борис Матвеевич Розенфельд. Его книгу, где есть глава об Абияне, я бы и хотел процитировать, чтобы вы поняли смысл заголовка.

«Старейшие артисты эстрады Н. Смирнов-Сокольский, И. Набатов, приезжая на гастроли, слезили навесить Сурена Азатовича или, как они называли его в шутку, — «проконсула Кавказа».

Теперь он встречает нас.

Я говорю это, понимая дистанцию. Как понимали ее мы, первокурсники Московского журфака, когда декан

Театр стал работать. Нашлись и артисты, и музыканты. Большинство из тех, кто не захоотел или не успел уйти с белыми. Нашлись даже артисты оперетты — они пришли в театр из закрытых кафе-штанганов.

У меня — свои, администраторские заботы. Помню, как с матросом Смирновым, у него еще сзади бомба была, стали рыскать по Провалу — искать мебель для театральных декораций. Пьесы ставились всевозможные — нужна была мебель разных стилей и эпох.

Спектакли вначале давали бесплатно. И не всегда дело упиралось в высокие материи, сложно было определиться в денежном курсе — тут тебе и царские монеты, и «катеньки», и «пеленьки», и советские «лимоньки».

Культурная жизнь тех лет — многообразнейшая. Был, к примеру, тогда в Пятигорске Театр масок-улыбок. Публика очень любила, когда театрального действа представлялось на площади или на улице. Актеры-то были — известные. Из «бывших». Многие потом перебрались в Москву и Петроград.

При нэле появились частные театры. Один из известных — театр Ивановского.

А футуристы? Что делали! Шли утром на базар, покупали редиску — вставляли себе в петлицу лиджака, а любопытным отечали: «Это — лучшие розы. Не пахнут — зато вкусно!».

Своих футуристов было много, а тут в Пятигорск приехал лидер — Маяковский. 11 августа 1927 года.

Очень любил играть в шахматы, и играл везде, где мог. Даже в пролетке, когда ездили в другие города. Да, в пролетке — электрички-то появились в 1936-м. А шахматы у него были маленькие, складные.

«Был у нас на гастрольях и балет. Михаил Хрусталев и Анна Редль — знаменитейшая в то время балетная пара. Как они танцевали!»

«В 1922 году здесь в постановке «Горе от ума» играл роль Фамусова крупнейший артист Малого театра Александр Иванович Южин-Сумбатов.

Я встречал его на вокзале. Мне сказали: второй вагон, толстый, с палочкой.

— Вы — Южин-Сумбатов?

— Да. А вы меня встречаете? Мне сказали: меня будет встречать молодой, интересный человек, 22-х лет. Взяли фэтон, «Бристоль», № 18.

Любил отдохнуть перед спектаклем, поспать».

«В 1936 году — здесь пела Нежданова. Единственный был концерт в Ессентуках».

«В этом же, 36-м, в пансионате «Казбек» отдыхали Орлова с Александровым. У него — вид иностранца. Она — вообще всенародная любовь. Они отдыхали и поэтому был всего один единственный концерт в Пятигорске. Не концерт даже, а выступление. После него — банкет в «Казказе».

«Был Ильинский с театром — Ильинский, которого еще не носили на руках. Он тогда еще не был популярным актером кино».

«Кстати, о кино. Вот уж кого публика встречала со свистом и ревом восторга, так это Петра Алейникова. Его не объявляли. Горкави, знаменитый конферансье, протягивает руку, и он, Алейников, появляется из-за занавеса. С кепочкой в согнутых руках, с невинно-плутовским взглядом. Зал — взрывается. Стихают аплодисменты, и он говорит:

— Ну, вот и я.

И новый взрыв аплодисментов».

«В 20-х годах мы, как и все тогда, очень много экспериментировали в театре. Устраивали, к примеру, выступление, когда прокурор Святейшего Синода рассказывал о последних днях дома Романовых.

Я отвлекусь немного от экспериментов, потому что вспомнил, что в Ессентуках, практически под носом у ЧК, жила мать Николая II. Она переехала потом в Кисловодск и там жила в одной гостинице с чекистами. Потом Шкуро сделал налет на город и, хотя уже была поднята тревога, назвал ее и представился сам — по всей форме, поцеловал ей руку, посадив в тачанку и увез. Она умерла потом в Ницце.

Ну так вот, об экспериментах. В 1924 году у нас тут был диспут наркома просвещения Луначарского и митрополита Александра Введенского.

Пять часов вечера. Афиши с именами оппонентов и названием темы диспута: «Есть ли бог?» Луначарский — в белом костюме. Введенский — в рясе. И в публике — два лагеря: казаки и съехавшие со всей округи папы — с одной стороны, пролетариат — с другой. Противники стоят друг друга, и в итоге никто не побеждает, расходятся мирно».

— Сурен Азатович, а вы верите в Бога?

— Все это очень сложно. Скажем так: не молось, но в церковь ходить люблю. Был у нас раньше пятигорский священник Шубин, — молодой человек, какие у него были проповеди! У нас в Ессентуках есть маленькая деревянная церковь — вот туда я и люблю иногда заходить. Это — зрелище!

Это уже что-то профессиональное, — думаю я, и взгляд падает на ковер. Взгляд падает на ковер — и я инстинктивно поджимаю ноги, которые только что покоились на нем. На ковре — армянская вязь и дата: 1896.

— Это ткала моя бабушка, его мама, — говорит дочь Абияна Ирина Суреновна. — Был такой обычай: пока девушка не соткала свой ковер, замуж ей рано.

А Сурен Азатович, память которого распространяется не только на годы прожитой жизни, добавляет:

— 1896-й — год Ходынской катастрофы.

Он вспоминает родителей — маму Ганателлу Христофоровну Меликян и отца — Азата Артемьевича, знаменитого винодела.

— Сурен Азатович, расскажите, пожалуйста, о своем детстве. Не один же каллиграфический почерк определил вашу судьбу. Семьдесят лет в искусстве. А было ли искусство до этого в вашей жизни?

Владимир ЛАРИОНОВ.

На снимке: 90-летний «проконсул Кавказа».

Фото Игоря КОЖЕВНИКОВА.

[Окончание на стр. 20].

«ПРОКОНСУЛ КАВКАЗА»

Они родились вместе — XX век и Абиян. Ну, если быть совсем точным, век почти на два месяца старше Сурена Азатовича.

Нет машины времени. Есть люди времени. Но это так же фантастично.

Тебе открыли дверь, ты вошел и сказал: «Добрый вечер» — и сказал это сразу нескольким эпохам. Пожал руку и — пожал ее всем тем, с кем она здоровалась — Маяковскому, Айседоре Дункан, Собинину, Луначарскому, Ростроповичу, Жванецкому...

Все это слишком поражает воображение. Он — с этим живет.

Сказать, что у него ясная память — ничего не сказать. Его память заполнена точными датами, фамилиями, цветами, запахами и словечками. «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни. Сурен Абиян — энциклопедия культурной жизни на Кавказе.

Ни одна книга, ни одна газетная или журнальная публикации не зафиксируют, к сожалению, то, что разложено по полочкам в его голове. Театральные афиши, которые он собирал еще с дореволюционных лет, пропали во время последней войны. Его память всегда при нем. Память профессионала.

В 1920 году Абиян стал администратором первого советского театра в Пятигорске.

И я бы думал, что с тех пор его память фиксирует только имена знаменитостей и даты их приезда и отъезда. Думал, если бы не мимолетное упоминание о том, как в Пятигорске — боже мой, сколько лет назад! — взрывали Покровский храм, и как при этом чуть не погиб электросветильник театра Самохин.

...Я не стану пересказывать его биографию — в ней слишком мало должностей и географии, и слишком много людей. Она — биография — в газетах и книгах. Абиян хорошо знает люди искусства. Возможно, даже, что в стране его знают лучше, чем в крае. В девятый день его рождения он получил телеграммы от коллектива Московского театра эстрады и его директора Бориса Брунова, от Андрея Губина и Махмуда Эсамбаева, от Михаила — Ульянова, Задорнова и Жванецкого...

Биография Абияна уже отлита литейщиками в строчки. Не отлиты в строчки ощущения знавших и знающих его людей.

Записаны и уже процитированы несколько запоминающихся историй о времени и о жизни великих гастролеров. О том, скажем, как красноармейцы в гражданскую рвались на сцену театра помогать «нашим».

в первой своей лекции перед нами сказал: «По этим ступеням ходили Лермонтов и Герцен, — и, помолчав, добавил со вздохом, — а теперь будете ходить вы».

Но в том-то и дело, что о дистанции думали мы, а не он. Истоки великой любви к нему всех, кто когда-либо с ним встречался — в том, что доброе слово и стакан чая находились у него для каждого — величайшего мастера и раскладчика нот, знаменитого актера и статиста. Ессентуки. Маленький дом. Нам открывает дверь его дочь. Нас встречает старик.

Дети вырастают из костюмов. Костюмы вырастают на стариках. Когда-то костюм плотно облегал его фигуру. Я даже знаю когда — увидел потом на фотографии 72-го года, где Абиян рядом с Ростроповичем.

Старик... На наших глазах происходит волшебство — он начинает вспоминать и — меняется. Распрямляется спина, разглаживаются морщины, лукавство появляется в глазах. Он каждый раз такой, каким был в ту эпоху, о которой рассказывает.

Память ума дергает за ниточки память мускулов.

Голос становится басом, когда он цитирует Шалаяпина, или — грассирующим тенором в строчке Вертинского. Руки наливаются силой, чтобы пожать ладонью Маяковского или вдруг становятся удивительно нежными, чтобы принять для поцелуя руку Айседоры.

И уже не мы отражаемся в его глазах, а те, о ком он рассказывает. Хочется оглянуться — так это живо.

«17 марта 1920 года в Пятигорск пришла Советская власть. А уже 25 марта состоялось первое совещание работников искусства. Меня потащил туда мой сосед Марк Львович Волгин. Знаете? Известнейший антрепренер. Старая школа. Мы жили с ним в одном дворе — в доме графини Лопухиной и князя Гиреева в Пятигорске».

Избрали в тот день руководство Рабиса — профсоюзом работников искусства. Волгин возглавил отдел «театр» — «театральный».

Директором театра стал Андрей Павлович Петровский — московский режиссер и драматург. Недолго он им руководил. Он умер потом в Ростове в ресторане от сердечного приступа.

Мне дали должность администратора. И я свыкся с этим делом. Почерк у меня был каллиграфический. Возможно, он и определил мою судьбу.

Приехал больной, с насморком.

Выступления его проходили в Лермонтовской галерее в Пятигорске и в театре «Парк» — в Ессентуках.

Мы вместе с ним печатали афишу — у них кончился запас. Наборщик он был классный. Только халат попросил, и руки так и замелькали по наборным кассам — любил шрифтом «поиграть».

Провожал его к театру. Зеваки сзади — толпой. В театре — яблоку негде упасть. А он ни на кого не смотрит. Прост в обращении, неприхотливый до условий.

— Что нужно для выступления?

— Стул.

И то — только для того, чтобы лиджак повесить. Начинать со старых стихов, потом — свежее, и уж совсем свежее: «Вот что я написал только что — в дороге». Пролетариату это нравилось.

На сцене не курил. Зато за кулисами прикуривал одну от другой. Были тогда такие папирсы «КП» — «краевые папирсы».

После представлений в Пятигорске садился в открытый прицеп в трамвае — сзади — разваливался, закуривал и ехал».

«Айседора... Айседора Дункан. Она приехала на Кавказ летом 1923 года. Выступала везде — едва ли не во всех городах Кавминвод. И танцевала она все. Не было, наверно, ничего, что бы она не смогла станцевать. От революционных до русских народных песен. «Интернационал», «Марсельеза», «Дубинушка».

Весь ее сценический костюм: туника. И босая.

Потому-то каждое утро мы засучивали рукава и строгаги доски сцены, чуть ли не шпифовали их — чтобы не поранилась.

Гордилась тем, что далекие предки Лермонтова — из Шотландии. «У него шотландские предки, — говорила, — а у меня — ирландские. Это рядом».

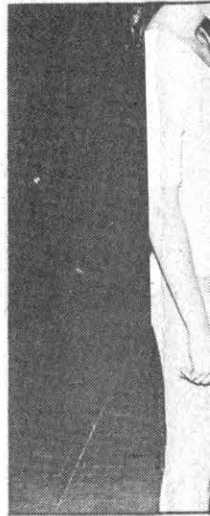
Любила, когда ей целовали руки».

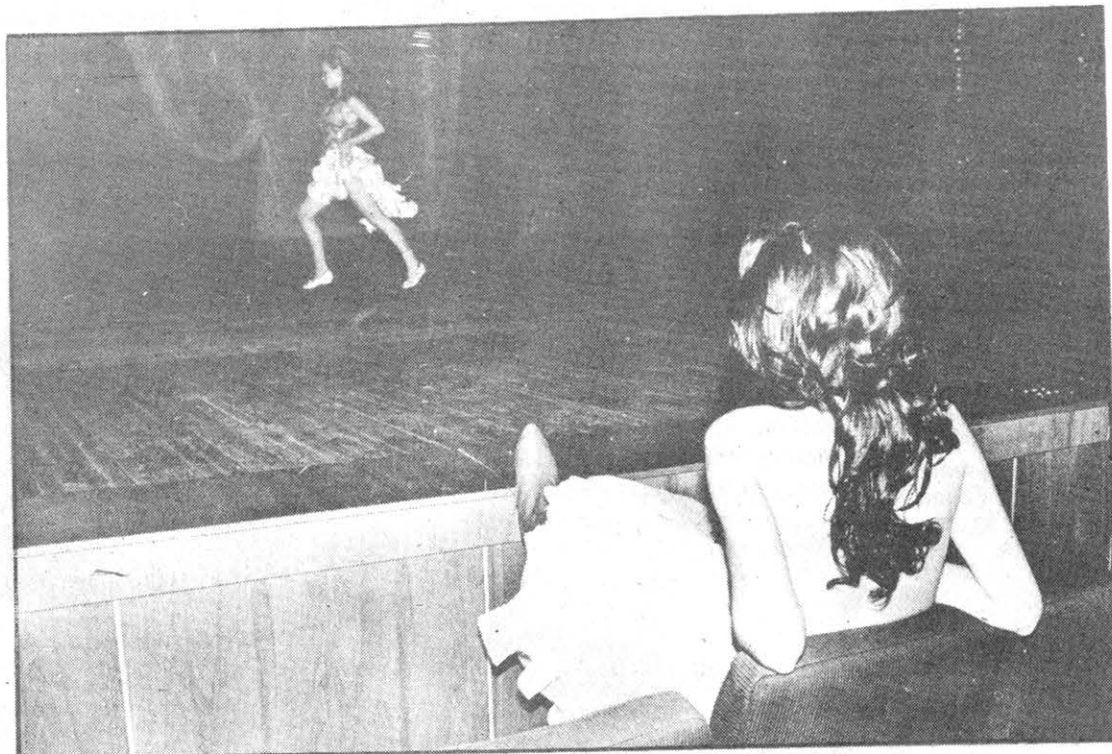
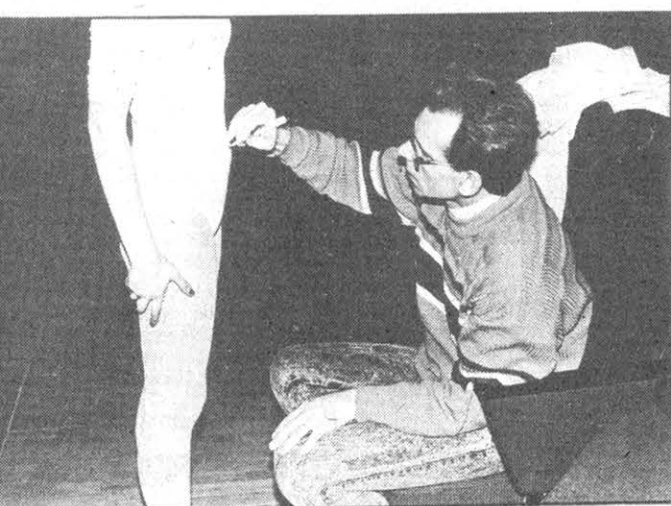
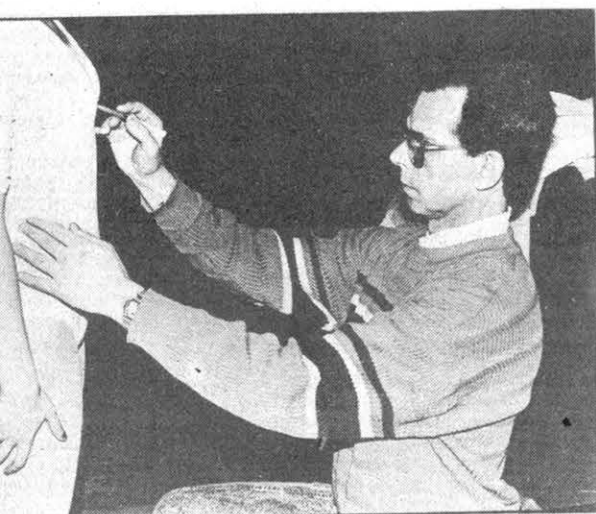
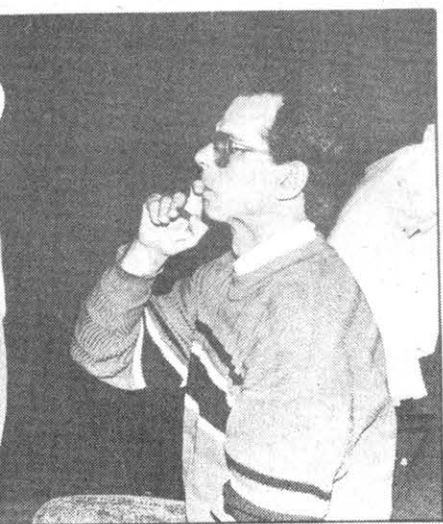
— А вы целовали?

— А как же! Мне ведь было 23 года.

«Такой и запомнил ее — рука, изогнутая для поцелуя, и как смотрела она на собеседника, прищурив левый глаз».

«Собинин — он был у нас, кажется, в 1933-м. Тут еще эта история с сыном произошла, который остался в чужой тогда Риге. Собинин очень переживал — заметно. А публике — что? Публика требовала всегда одного — арию Ленского. На сцене только скрипка, виолончель и рояль. Он так нерешительно говорил: «Ну что же, я попробую» — и пел.

14

12

Ирина ШАТСКАЯ —

МИСС СТАВРОПОЛЬЕ-90

Фоторепортаж Игоря КОЖЕВНИКОВА.

«Согласно гороскопу, подготовку издания «45-й параллели» наиболее благоприятно начинать в период с 5 до 8 марта, тираж закладывать в 50 тысяч экземпляров, а стоимость определить в 50 копеек... Общее развитие судьбы издания благоприятно, с нарастающим успехом и последующими крепкими хорошими связями... Следует остерегаться ударов из-за порочных знакомств по истечении четырех-пяти лет издания...»

Перед вами гороскоп, который мы заказали заранее, еще в феврале, колдунам, магам, астрологам, прорицателям и представителям других волшебных специальностей из клуба «Познай себя» при Ставро-

польском краевом Доме техники. Имея такой гороскоп, все остальное — уточнение сроков, цены, тиража и т. п., было уже делом техники. Мы надеемся, в частности, что вы оцените ту волшебную легкость, с которой, благодаря белой магии, мы перенесли 13-ю страницу на подходящее ей место, а поступление тиража в киоски — на апрель. На этой странице, надеемся, всегда вас будет встречать «Магический треугольник» «45-й параллели».

Что касается «порочных знакомств», то до них, судя по гороскопу, нам еще далеко. Итак, постучим по дереву вместе. Если, конечно, вы желаете нам доброго пути.

НЛО? ПОЗВОНИТЕ ЗАВТРА

«Алло! Мне сказали, что вы специалист по НЛО. Записывайте. Вчера вечером, в районе Мамайки, мы с подругой наблюдали с обрыва летящий над Ставрополем сферический объект...»

Специалистом быть невесело. Особенно — узким. Особенно — специалистом по НЛО. Особенно если ни одного НЛО в глаза не видел.

«Вы слушаете? Алло! Почему до сих пор нигде ни строчки? Сегодня утром на Северо-Западе...»

Третий год занимаюсь этим. Примерно с тех пор, когда пакистанский премьер Зия-уль-Хак погиб в авиакатастрофе. Тогда жители Ставрополя и его окрестностей в массовом порядке наблюдали цветные луны. Это было еще в ту пору, когда цензоры вычеркивали из сообщений аббревиатуру НЛО вместе с осторожными ссылками на то, что наблюдаемое явление, скорее всего, «связано с районом восточнее Волгограда». Впрочем, упоминания об Александре Галиче, к примеру, тоже вычеркивали. Для краевой печати этот пост был все равно что инопланетянин. Хотя стихи его уже публиковались. В центральной печати.

Так по милости цветных лун пришлось стать одним из многих узких штатных «специалистов по НЛО», которые мало-помалу завелись во многих редакциях. Некоторые из них, например, коллеги из «Советской молодежи» (Рига), ринулись в самое пекло контактов с неземными цивилизациями. И мы вздыхали, читая их сочные репортажи из-под деревьев под Пермью... Нам так не жить! Ни один из коллег на Ставрополе, насколько нам известно, к тому времени в контакт с инопланетянами еще не вступал. И вот...

Выслушиваю очередное сообщение, когда на пороге возникает один из самых бородатых и самых загадочных людей, с которыми когда-либо приходилось иметь дело — коллега Рыбальченко из Буденновска. Буденновские — они все такие. Недаром этот город звался раньше Святой Крест. Креста на Рыбе, правда, нет. Секунда — и я бросаю трубку. Другая — и мы сидим в патрульной милиционной машине. Третья — и он знакомит меня со своим младшим братом, о котором до того я не имел ни малейшего понятия. Братишка столь же молчалив, как Сергей. Узнаю только, что Рыбальченко — младший воевал в Афганистане и что ему сегодня присвоили первое за время службы в милиции офицерское звание. Звездочки новые. Вечер, одним словом, предстоит увлекательный.

Мгновение — и мы сидим в патрульной машине возле здания патрульно-постовой службы Ставрополя в ожидании, когда новоиспеченный лейтенант справит свои дела и можно будет ехать.

В здании ППС празднично сияют окна. Темно, туманно. В машине хрипит рация.

Внезапно она, став вполне членораздельной, четким мужским голосом предлагает нам выйти из машины: «В направлении на Юго-Запад

движется неопознанный летающий объект!»

Вначале мы не понимаем, что это сообщение относится к нам. Когда же до меня доходит, настроение моментально портится: будто и не уходил с работы...

Выходим. На небе ни зги. И еще задача: как найти Юго-Запад! Но у Рыбы на руке компас.

— Дальше! — орет голос. — Отойдите дальше!

Отходим и топчемся, поворачиваясь вокруг оси. В этот момент из здания выбегают милиционеры и, спотыкаясь, бегут к нам. Подбежав, все как по команде смотрят в одну сторону — вперед и немного вверх. Там над темным туманным горизонтом ярко горит электрическая лампочка. Очевидно, над башенным краном.

Сослуживцы братишки сообщают довольно меланхолично, что в той стороне исключены любые башенные краны. Что это, таким образом, не лампочка. Звезда! Но все небо в тумане.

Больше всего, если уж сравнивать с чем-либо, это похоже как раз на звезду. Не на лейтенантскую звездочку, а на майорскую. Может быть, тянет даже на генеральскую! Если уж не маршал, нагнувшись во тьме, показывает нам свой погон. Но у звезды не пять, а четыре главных луча, похожих на правильный крест.

Минут пятнадцать мы на нее смотрим. Становится неловко. Что-то надо делать. Сфотографировать! Никто не спешит за камерой. Выслать вертолет! Ведь есть же у ГАИ свои «борта»!

Смотрят на меня как-то странно. Один из старших офицеров роняет, что совсем недавно на этом участке неба не было ровно ничего. И только что «объект» двигался.

Звезда по-прежнему недвижима. Возвращаемся в машину.

Все время, пока мы едем по городу, «погон» сопровождает нас слева, постепенно тускнея. Будто на лампу надевают матовый плафон. Тем ярче горят две звездочки на погоне справа.

...До сих пор не знаю, что это было. Может быть, Рыба с братишкой устроили мистификацию в честь свидания?

Размышляя об этом, поднимаю трубку аппарата, который звенит не переставая.

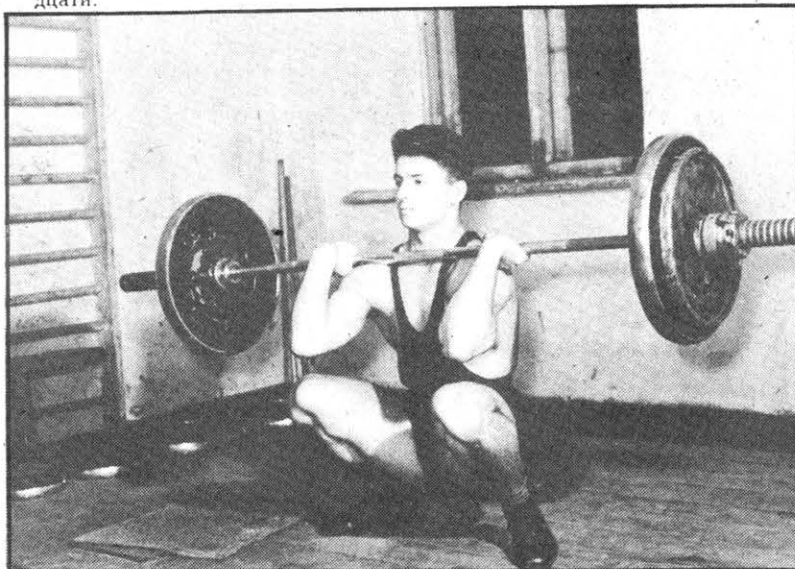
«Алло, вы слышите! Нам сказали, что вы занимаетесь этими вопросами. Наблюдаем неопознанный летающий объект! Прямо перед нашими глазами! Он завис! Светится! Смотрят жильцы двух наших многоэтажек! Пришлите репортера немедленно! Записывайте адрес...»

— Специалист по НЛО в данный момент в редакции отсутствует, — скучным голосом говорю я, предварительного погромче позвав сам себя к телефону. — Позвоните, пожалуйста, завтра.

Братишка у Рыбы оказался ничего. Бывают афганцы, которые интереснее любых марсиан.

РЕПОРТЕР.

Юноше на пожелтевшем снимке из старого альбома нет еще и двадцати.

Он и не подозревает, что несколько десятилетий спустя взвалит на себя тяжесть, в сравнении с которой штанга покажется невинной детской забавой, примет на грудь (поближе к сердцу) безграничную любовь и жгучую ненависть, искреннюю благодарность и беззащитную хулу. Но это будет потом, а пока студент третьего курса Винницкого медицинского института Анатолий Кашпировский готовится взять вес, который просто не может не покориться его могучим рукам.

ВЕС ВЗЯТ!

Мне передал этот снимок мудрый пожилой человек, когда-то руководивший секцией тяжелой атлетики в Винницком медицинском институте, где на одной из тренировок и был сделан снимок, который мы предлагаем нашим читателям. Сейчас он живет в Краснодаре, преподает по-прежнему физкультуру. Он попросил не называть его фамилию, чтобы избежать ничемных бесед с празднолюбопытствующими. Тем более, что с тех пор они не встречались, а похваляться знакомством с известным человеком старый учитель считает неэтичным.

— Меня очень задевают нападки на Анатолия, — говорит он. — Я помню его совсем юным, излучающим добро. Годы выветрили из памяти мелкие детали, а вот ощущение тепла и света от общения с ним осталось. Не могу поверить, что Кашпировский способен кому-то причинить зло, страдание.

— А он не пробовал использовать свои уникальные способности, скажем, при сдаче экзаменов?

— Нет, — улыбается мой собеседник. — По-моему, до пятого курса Анатолий вообще о них не подозревал. Как-то он пришел на тренировку и возбужденно рассказал, что на семинаре по психологии группа решила проверить способности студентов к гипнозу. «Знаете, у меня кажется, может что-то получиться», — с удивлением говорил Кашпировский. Но всерьез психотерапией Анатолий занялся позже, после окончания института. А несколько лет назад общий знакомый сказал мне, что какая-то американская газета еще в семидесятые годы назвала Кашпировского «величайшим гипнозетером мира».

— Каковы были его спортивные результаты?

— По каждому из трех упражнений — жим, толчок, рывок — в отдельности он выполнял мастерский норматив. Но на соревнованиях в каком-то из видов обязательно срывался. Возможно, как это не покажется странным, не хватало психологической устойчивости. Однако ее компенсировали целеустремленность, работоспособность, пунктуальность. Однажды, восьмого ноября, Анатолий и его лучший друг Олег Гладченко попросили у меня ключи от спортзала, чтобы не нарушать график тренировок. Показательный пример...

Сейчас на Кашпировского обрушился шквал нападок. Я читаю ироничные фразы коллег-журналистов, смотрю ставшие популярными пародии, которые отнюдь не кажутся мне смешными. Мелко это все. Противно и гаденко.

Дело даже не в том, что телесеансы избавили лично меня от какой-то конкретной болячки. Нет. Хотя знаю немало людей, у которых произошло заметное улучшение, когда не только у медиков, но и у них самих опустились руки. Просто воспринимаю выступления Анатолия Михайловича как робкий лучик добра и света в нашем агрессивном и озлобленном мире. То же самое испытывают многие люди. И этого, на мой взгляд, достаточно, чтобы телесеансы не прекращались. В конце концов, кому не нравится — переключите телевизор на другую программу.

Любопытно, научится ли когда-нибудь наше общество терпимости в отношении к другим людям или вечно будем жить по принципу «что я не приемлю, следует запретить». Ходят слухи, что телесеансов Кашпировского больше мы не увидим. Если так, то «запрещатели», как всегда в родном отечестве, могут торжествовать победу. Надеюсь — временную.

Виктор ШАРОВ.

Краснодар.

На снимках: студент Винницкого мединститута А. Кашпировский на тренировке; «эти глаза напротив...»

Словосочетание «забытый авангард» вызывает чаще всего вполне определенные ассоциации. В памяти всплывают фамилии художников, заявивших о себе в начале века: Ларионова и Кандинского, Малевича и Шагала, других мастеров, о которых, увы, на их родине очень долго знали до обидного мало. Но сегодня речь пойдет о другом авангарде — литературном, о манифестах и программах русских кубофутуристов. Автор публикации — Ирина Сахно — доцент кафедры советской литературы Ставропольского государственного института, кандидат филологических наук. Она уже продолжительное время занимается исследованиями теоретических проблем русского авангарда, имеет публикации за рубежом. Свои научные изыскания И. Сахно вела в Государственной научной библиотеке имени В. И. Ленина, а также в Немецкой библиотеке Лейпцига и государственной публичной библиотеке Берлина.

ЗАБЫТЫЙ АВАНГАРД

В 1909 году Фелиппо Маринетти в «Манифесте итальянских футуристов» впервые сформулировал основные принципы и задачи нового направления авангардного искусства — футуризма. Вслед за этим объявляются его последователи и в России (1910—1912 годы).

Русские футуристы неоднократно пытались убедить всех, что не восходят к футуристам итальянским, что русский футуризм не перенесен из Италии, а возник совершенно самостоятельно. Футуризм в России, действительно, был во многом сугубо русским явлением, возник в обстановке идейного кризиса, который охватил известные круги интеллигенции после поражения первой русской революции 1905 года.

Русский футуризм представлял собой неоднородное течение, в русле которого сформировались многочисленные группировки: «Гилея» — кубофутуризм (они же — «будетляне»), «Центрифуга», «Ассоциация эгофутуристов», «Мезонин поэзии». Ситуация осложнялась и тем, что разные литературные объединения пытались блокироваться. Самая ранняя группировка, определяющая «лицо» русского футуризма — «Гилея» — кубофутуризм, объединившая наиболее одаренных талантливых поэтов того времени. Это Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, братья Владимир, Николай и Давид Бурлюки, Василий Каменский, Александр Крученых, Наталья Гуро и Бенедикт Лившиц. Появление этой группы на «Первом вечере речетворцев» 13 октября 1913 года сопровождалось грандиозным скандалом. Б. Лившиц в своих мемуарах «Полтораглазый стрелец» писал: «Аншлаги, конные городские, свалка у входа, толчея в зрительном зале давно уже из элементов случайных сделали постоянными атрибутами наших выступлений. Программа же этого вечера была составлена широкоещательнее, чем обычно. Три доклада — Маяковского — «Перчатка», Давида Бурлюка — «Доители изнуренных жаб» и Крученых — «Слово» — обещали развернуть перед москвичами тройной свисток ошеломительных истин.

Особенно хороши были «тезисы» Маяковского, походившие на перечень цирковых аттракционов:

1. Ходячий вкус и рычаги речи.
 2. Лики городов в зрачках речетворцев.
 3. Версусе (франц. — колыбельная) оркестром водосточных труб.
 4. Египтяне и греки, гладящие черных сухих кошек.
 5. Складки жира в креслах.
 6. Пестрые лохмотья наших душ.
- Зарождалась практика эпатажа. Поставить мир вверх ногами, разрушить монополию на истину, выйти из замкнутого пространства салонного вкуса — все это входило в первоочередную задачу русских кубофутуристов. Протест против буржуазно-мещанских условий находил разнообразные формы выражения. Это и — раскраска лица, отчасти напоминая татуировку дикарей, причудливо оформленные сборники с шокирующими названиями: «Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна», «Доители изнуренных жаб», «Молско кобылиц», «Рыкающий Парнас», «Идите к черту!».

«Футуризм для нас, молодых», — писал Маяковский, — красный плащ торреадора, он нужен только для быков (бедные быки! — сравнил с критикой!).

внушала никакого доверия полиции. Будущий художник и фотомастер А. Родченко, вспоминая вечер поэтов-футуристов в Казани, рассказывал: «Не забуду момента, когда со сцены донеслось: «Мне нравится беременный мужчина...» В ответ крики, хохот, свист, зал загрохотал от возмущения. Только Бурлюк, напудренный и с серьгой в одном ухе, невозмутимо рассматривал в лорнет беснующуюся публику... Страсти не утихали. Тогда Маяковский, одетый в желтую кофту, подошел к авансцене и заглушил присутствующих:

Вошел к парикмахеру, сказал — спокойный:
«Будьте добры, причешите мне уши»,
Гладкий парикмахер сразу стал хвойный,
Лицо вытянулось, как у груши...
Успех выступления превзошел ожидания футуристов».

Одним из приемов эпатажа было и содержание манифестов и деклараций футуристических сборников. Была предпринята попытка сформулировать эстетическую программу русского футуризма, которая являлась скорее «эстетикой наоборот» или эстетикой дисгармонии. В первом манифесте «Пощечина общественному вкусу» (1912 год) теоретики кубофутуризма формулируют центральный пункт своей эстетической программы — «Самоценное (самовитое) Слово». Нужно освободить слово от содержания, ибо «слово шире смысла». Провозглашается примат звуковой формы слова, «заумь» — заумный язык. Термин, впервые введенный В. Хлебниковым, получает теоретическое обоснование в статье А. Крученых «Декларация слова, как такового» (1913 год). Как же понимает теоретик принцип «зауми» и само «заумное» слово?

Теория «зауми», провозглашенная А. Крученых, приходила в противоречие с практикой самих поэтов, ибо каждый из них шел своим путем. У самого А. Крученых это — эпатажная «заумь», бессмысленные звуко- и словосочетания, свидетельствовавшие о нарушении логики всякого здравого смысла. Например, его знаменитое пятистишие «дыр бул щыл /Убешур/ скум/ вы со бу/ рлээ», претенциозное заявление, что в нем «больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина» (сохраняются авторские знаки — И. С.). Бессмысленное конструирование слов, которое носило чисто экспериментаторский характер, мы встречаем и у Е. Гуро в стихотворении «Финляндия»:

...Лулла, лолла, лалла — лу,
Лиза, лолла, лулла — ли,
Хвои шуют, шуют,
ти-и-и, ти-и-у-у...

Кстати, интересен и комментарий к этим строкам А. Крученых: «...именно шуют: листовые деревья шумят, а хвойные шуют». Для многих же поэтов-футуристов словотворчество представляло собой лабораторную работу над выявлением выразительных возможностей языка. Незаурядным явлением стала поэзия В. Хлебникова. Его «заумь» — осознанная и систематическая работа над продуктивными способами русского словообразования, стремление охватить русский язык во всех его богатствах.

Удивителен тот факт, что до сих пор манифесты и программы русских футуристов законсервированы в хранилищах основных фондов Государственной научной библиотеки имени В. И. Ленина и не переиздавались ни разу в СССР со времени их первых публикаций.

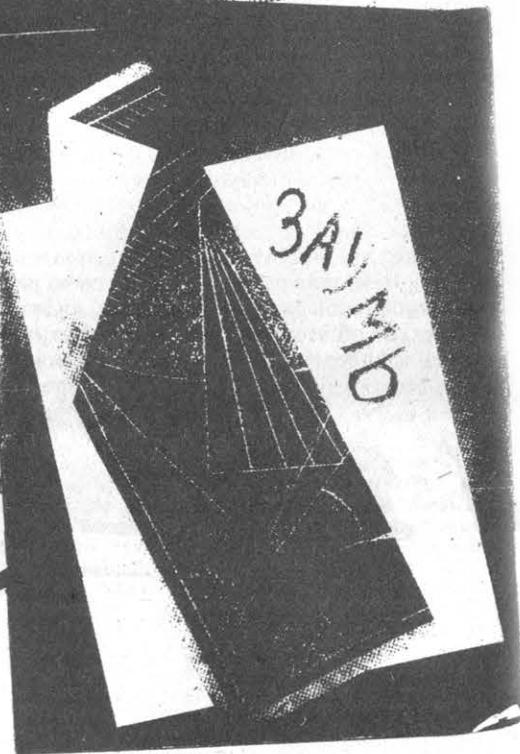
Ирина САХНО.
Кандидат филологических наук.

III. «ГИЛЕЯ» — КУБО-ФУТУРИЗМ

3. ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ
7. А. КРУЧЕНЫХ и В. ХЛЕБНИКОВ: СЛОВО КАК ТАКОВОЕ

11. АЛЕКСЕЙ (АЛЕКСАНДР) КРУЧЕНЫХ: ДЕКЛАРАЦИЯ СЛОВА, КАК ТАКОВОГО

4) МЫСЛЬ И РЕЧЬ НЕ УСПЕВАЮТ ЗА ПЕРЕЖИВАНИЕМ ВДОХНОВЕННОГО, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (застывшим), заумным. Общий язык связывает, но не позволяет выразиться полнее (Пример: го оснег СЛОВА УМИРАЮТ. МИР ВЕЧНО ЮН. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и «изнасилованное». Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена. 2) Согласные дают быт, национальность, тяжесть, гласные — обратное — ВСЕЛЕНСКИЙ ЯЗЫК. Стихотворение из одних гласных: о е а. 3) Стих дает (бессознательно) ряды гласных и е е и согласных. ЭТИ РЯДЫ НЕПРИКОСНО «а е е» — ВЕННЫ. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (лыки-мыки-кыка). Одинаковые гласные и согласные, будучи заменены

А. Крученых

ДЕКЛАРАЦИЯ СЛОВА, КАК ТАКОВОГО

Вашему вниманию предлагается значительная декларация А. Крученых (1913 г.), где впервые дано теоретическое обоснование заумного языка. (Опубликовано американским исследователем В. Марковым).

4) МЫСЛЬ И РЕЧЬ НЕ УСПЕВАЕТ ЗА ПЕРЕЖИВАНИЕМ ВДОХНОВЕННОГО, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.). 5) СЛОВА УМИРАЮТ, МИР ВЕЧНО ЮН. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и «изнасилованное». Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена. 2) Согласные дают быт, национальность, тяжесть, гласные — обратное — ВСЕЛЕНСКИЙ ЯЗЫК. Стихотворение из одних гласных: о е а. 3) Стих дает (бессознательно) ряды гласных и е е и согласных. ЭТИ РЯДЫ НЕПРИКОСНО «а е е» — ВЕННЫ. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (лыки-мыки-кыка). Одинаковые гласные и согласные, будучи заменены

чертами, образуют рисунки, которые неприкосновенны (напр. III—I—I—III). Поэтому переводить с одного языка на др. НЕЛЬЗЯ, можно лишь написать стихотворение латинскими буквами и дать подстрочник. Бывшие д. с. п. переводы лишь подстрочники, как художественные произведения, они — грубейший вандализм. 1) Новая словесная форма создает новое содержание, а не наоборот. 6) ДАВАЯ НОВЫЕ СЛОВА, я приношу новое содержание, ГДЕ ВСЕ стало скользить (условность времени, пространства и проч. Здесь я схожусь с Н. Кульбиным, открывшим 4-е измерение — тяжесть, 5-е — движение и 6 или 7-е — время). 7) В искусстве могут быть нерешенные диссонансы — «неприятное для слуха» — ибо в нашей душе есть диссонанс, которым и разрешается первый. Пример дыр бул щыл и т. д. 8) Всем этим искусством не суживается, а приобретает новые поля.

Нумерование пунктов намеренно хаотично, соблюдаются авторские знаки.

На снимках: манифесты русских и итальянских футуристов.

Фотокопи Игоря Кожевникова.

ДАКСИММЛЕ

г. Ставрополь губ. — Кафедральный Собор.

Попытки приподнять завесу над тайной разрушения этого уникального архитектурного и религиозного памятника Ставрополя предпринимались не раз. В приложении к газете «Комсомольская правда» — «Собеседник» № 17 от 10 апреля 1989 года: «Суслов: человек и канал?», собственный корреспондент газеты Олег Шаповалов высказывает свою версию, называя виновников случившегося. Но, видимо, далеко не все известно об этом трагическом событии. Мы обратились к краеведу и журналисту Герману Беликову, занимающемуся изучением истории Ставрополя, с просьбой высказать собственную точку зрения.

Когда мне предложили подготовить для «45-й параллели» материал о гибели Кафедральной звонницы, вспомнилось детство, пришедшее на конец 30-х и начало 40-х годов. Жили мы тогда на проспекте Сталина (сейчас — проспект Карла Маркса) в большом трехэтажном доме напротив Комсомольской горки (б. Соборная). На ее вершине стоял заколоченный досками старый храм, который вскоре разобрали на камень. И высоченная колокольня, с которой при нас сбросили большой вызолоченный крест. С суеверным страхом мальчишки поднимались по темной винтовой лестнице с редкими оконцами к первой площадке колокольни. Отсюда, со специально построенного деревянного помоста, прыгали парашютисты. К верхним площадкам вели деревянные, от времени расшатанные лестницы, подниматься по которым было жутко от головокружительной высоты. Зато сверху открывалась такая панорама окрестностей города, что ради этого незабываемого зрелища мы поднимались туда бесчисленное число раз.

Потом началась война, бомбардировка Ставрополя, месяцы оккупации, взрывы и пожары при отступлении гитлеровцев, которые не тронули старую колокольню. Затем прошел слух, что немцы готовят обстреливать Ставрополь из дальнбойных орудий, а потому колокольню будут взрывать: де, мол, хороший ориентир. И действительно, на наших глазах она рухнула...

Кто отдал приказ уничтожить этот бесценный памятник истории? Этот вопрос всю жизнь волновал моего отца, учителя истории и краеведа. К истории Казанского собора и его знаменитой колокольни не раз возвращался и я (к примеру, в газете «Ставропольская правда» от 17 декабря 1989 года в материале «Казанский кафедральный»). Известно, что после уничтожения Казанского собора местные власти решили приспособить его колокольню под музей истории гражданской войны. По согласованию с председателем горисполкома Г. Барковым, вместо сброшенных крестов, на большом и малых куполах звонницы решено было установить «рубиновые» звезды с внутренней электрической подсветкой. Экспозиционный материал предполагалось разместить в первом этаже колокольни...

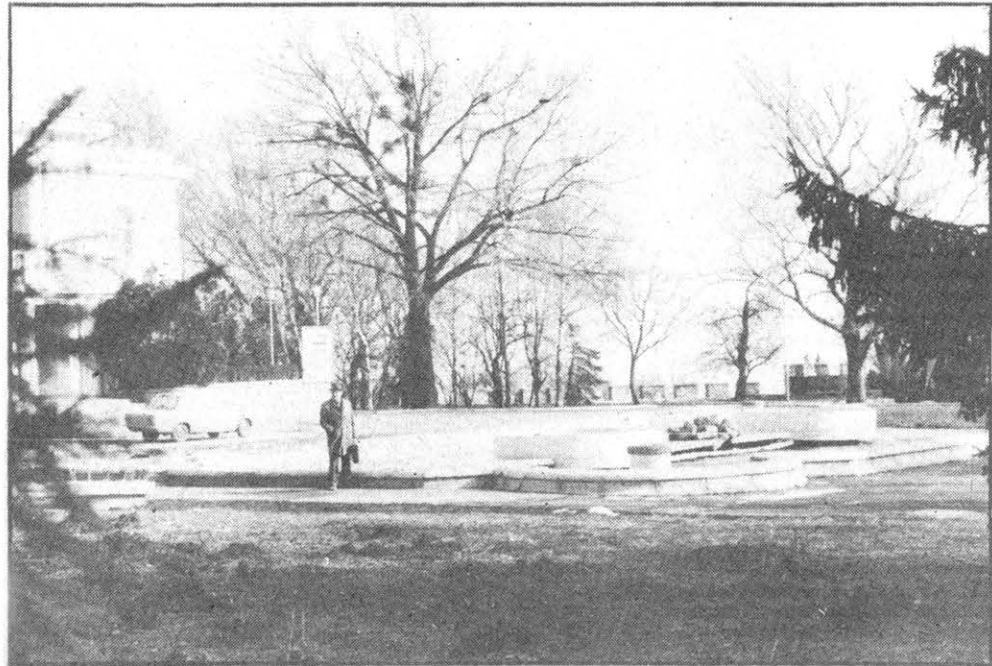
Осуществить задуманное помешала Великая Отечественная война. Но после освобождения Ставрополя от гитлеровцев эта идея еще жила. Никто из аппарата крайкома партии, в том числе Михаил Андреевич Суслов, не под-

нимал вопроса об уничтожении этого сооружения. И вдруг — бессмысленное варварство.

Обращаюсь к архивным документам, но никаких сведений здесь не обнаруживаю. Опрашиваю старожилов города, свидетелей трагедии. Никто не может даже точно назвать время гибели колокольни. Но вот в газете «Ставропольская правда» от 8 мая 1943 года на последней странице нахожу неприятное объявление коменданта Ставрополя: «10 мая 1943 года в семь часов утра в городе, на Комсомольской горке, будут произведены взрывные работы».

Да-да, именно это объявление предшествовало трагедии. В тот день всех жильцов нашего и соседних домов (в целях безопасности!) вывели на старое Варваринское кладбище. Правда, в тот день колокольня устояла. Но уже на следующий день рухнула от подложенных в нее 500-килограммовых трофейных фугасных бомб.

В 60-х годах по Ставрополю прошел слух, что колокольня была взорвана по указанию военного коменданта города (как мне удалось установить, им был майор Лалиани), за что он был в дальнейшем разжалован в рядовые. Никаких подтверждений этому найти не удалось, но зато посчастливилось выйти на одного из непосредственных исполнителей приказа. Им был в ту пору шестнадцатилетний призывник К. Скотников. Теперь уже пенсионер, Константин

Михайлович вспоминает:

— Собрали нас человек 30, таких же как и я, в горвоенкомате. Молодой лейтенант объявил задание — взять по ящику тола и идти к старой колокольне. Там дали по зубилу и молоток для вырубki ниш. Неделю мы рубили ниши, куда заложили тол с детонаторами и бикфордовыми шнурами. Все это затем замуровали... Потом уже другие подожгли шнуры, но колокольня после взрыва даже не шелохнулась...

вым, на вопрос к секретарю горкома партии А. Попову, зачем нужно было взрывать колокольню, последовал ответ: «Мы так решили вместе с Михаилом Андреевичем Сусловым».

Была ли действительно опасность налета вражеской авиации на Ставрополь? Сомнительно, так как в городе не располагались военные части, а большинство промышленных предприятий лежало в руинах. Правда, 15 и 16 апреля гитлеровцы совершили массовый налет на Краснодар, стремясь парализовать вокзал, через который к переднему краю шли эшелоны с войсками и боевая техника. К этому времени сами гитлеровцы были отброшены за Ростов, шли бон за Таганрог и Новороссийск.

Но даже если бы была опасность бомбардировки города, приказ об уничтожении колокольни не мог исходить только от Суслова. И не от военного коменданта города. По моему убеждению, они тоже являлись исполнителями.

Откуда шел приказ? От местного НКВД? Других «инстанций», перед которыми трепетал тот же Суслов? Это пока остается тайной.

Что же произошло дальше? Об этом сообщает Михаил Михайлович Белохвостов, родившийся в 1904 году в Ставрополе:

«В октябре 1949 года я жил и работал в Георгиевске, когда меня перевели в Ставрополь с предоставлением жилплощади в доме № 6 на улице Советской. Моим соседом был Скирденко Максим Иванович, бывший начальник милиции после освобождения Ставрополя от гитлеровцев. Как-то я спросил его: до войны на кафедралке находился собор с колокольней, красой города, а после войны — исчез. Как и по чьему велению? Он и поведал, что вызвал его к себе тов. М. А. Суслов и сказал: «Колокольня является хорошим ориентиром для налета на город вражеской авиации, поэтому ее надо убрать».

Приступили к выполнению приказа. Заложили внутрь взрывчатку, рванули, а колокольня стоит как стояла. Тогда я взял из вражеских трофеев две крупные авиабомбы, заложил их внутрь и подорвал. От этого колокольня рухнула до основания».

По воспоминаниям бывшего председателя горисполкома Г. Баркова, записанным О. Шаповало-

После моей небольшой публикации в «Ставропольской правде» по истории Казанского Кафедрального собора пришло много писем. В одном из них Виктор Викторович Зеленский из Ставрополя, в частности, пишет: «...В ликвидации этой жемчужины не было нужды, но акт свершился, и до сих пор не хочется верить, что город останется навсегда без этой визитной карточки». Помню, еще отец мне рассказывал со слезами на глазах как взрывали колокольню и ломали собор. Вношу предложение о восстановлении собора и колокольни за счет пожертвований населения. Думается, что на это откликнутся многие горожане, да и не только они. Я лично принял бы в этом деле самое активное участие. Конечно, в это трудно поверить, если учесть, что Тифлисские ворота не собор, а все никак не соберутся их восстановить...»

Спасибо вам, Виктор Викторович! Благотворительность всегда была одной из черт характера русского человека. Как и память. Восстановить Триумфальную арку, как и помочь в возрождении звонницы действующей Андреевской церкви, наш долг. Как вы считаете?

Герман БЕЛИКОВ.

На снимках: так выглядели собор и звонница; то же место сегодня.
Фотосъемка
Сергей РЯБЧЕНКО.

Почтовые гашения: «Юж. пол. ст. «Новолазаревская», «Антарктида. станция «Ленинградская», «Юж. пол. ст. «Молодежная»...

ПОЛЮС

I
...А нашел я Павла Кононовича так. Короткая заметка в «Кавказской здравнице», из которой вычитал главное: живет в Пятигорске человек удивительной судьбы — полярник, орденосец Сенько. Дальнейший поиск — дело техники. Служба «09» сработала безупречно: с первого захода выдала домашний телефон. Мы встретились... А на прощанье Павел Кононович подарил мне буклет. Он — о Всесоюзном Арктическом институте. Но не в снимках и не в текстах суть. Издание уникально из-за почтовых гашений — не менее двух десятков наберется: «Станция «Русская», «Станция «Восток», «18-я Антарктическая экспедиция»...

Перебрал недавно архивы, наткнулся на буклет и решил позвонить Сенько, чей голос шесть лет хранился на магнитофонной ленте. «Такие здесь не живут...» — «А где же, где же?» — «Бывший хозяин, кажется, умер». Сердце дрогнуло: «Неужели? Неужели? Павел Кононовича призвал Всеволод Шпилер? Тогда над нами из полюсов планеты кружит, кружит, не зная покоя, его душа?» Через друзей, знакомых и знакомых знакомых узнал: один из сыновей его, увя, умер. Еще до этого печального события Павел Кононович перебрался в Выборг, а потом в Ленинград. Да и то сказать: оттуда-то ближе к полярным широтам...

II
Институт кинематографии и Арктический институт. Оба, понятное дело, союзные. На этом сходство кончается? Ан, нет. Разговориться с Павлом Кононовичем мне помогла документальная кинолента, которую довелось увидеть во время учебы во ВГИКе. Первая советская экспедиция в Антарктиду. Честно говоря, не запомнил надписи на боках дизельэлектродоходов. Да и не в названиях заковыка. Эмоциональный стресс испытал (да и сейчас мурашки по коже), когда на экране развернулась драма. И будничная, и праздничная, вроде, видеоряд: элегантные (по тем временам) дизельэлектродоходы, лица полярников, укутанные до глаз, вертолеты, похожие на обмороженных стрекот, любопытствующие пингвины. И трудага трактор. Он тянет и тянет за собой домик, стоящий на причудливых полозьях. Эпизод длится минуту, от силы — полторы. И... лопаются, вспухают льдины. Кинооператор, кажется, не успел опешить, удивиться. Снимает, снимает, снимает. А трактор на наших глазах медленно и печально скрывается в зияющем провале. И никто из полярников не в силах помочь человеку, чье веселое лицо незадолго до этого мелькнуло на экране.

Услышав мой сбивчивый монолог и, видимо, поняв, что не ради красного словца я рассказал ему о документальной ленте, Сенько вздохнул.
— Иваном парня звали. Тракторист Иван Хмара. Его никто из наших не забудет. Выпрыгнуть не смог. Дверцу кабины зажал. Первый горький урок в Антарктиде. И когда открывали первую обсерваторию на Южном куполе планеты — 13 февраля 1956 года — об Иване Хмаре вспомнили, подняли

тот самый тост, когда все больше молчат и не чокаются. И начальник Первой советской Антарктической экспедиции Михаил Михайлович Сомов вспомнил, и начальник геофизического отряда Павел Кононович Сенько...

III
А со снегами, метелями, морозами (и с чем там еще из традиционной полярной атрибутики?) он познакомился еще до войны. На других крайних широтах — северных.

Телеграфный аппарат работал как часы. А тут еле-еле «выговорил»: «Смены не будет». Выпускник физического факультета ЛГУ Павел Сенько и его старшие товарищи по экспедиции опешили. Фраза звучала нелепо, бестолково. Даже если бы на ленте значилось: «Солнце не взойдет», зимовщики на мысе Челюскин, наверное, удивились бы меньше. Но телеграфный ящик молчал — истукан истуканом. Радиостанция экспедиции отправилась в свободный поиск по эфиру. Мучительно долго не мог найти ни одной станции. Потом обрывок радиопередачи, страшный смысл который осознали зимовщики не сразу: там, на Большой земле, началась война.

Шесть лет смены не было. Она запоздала на четыре года. Экспедиция на мысе Челюскина десантировалась в 39-м. А в июне 41-го как раз и ожидали магнитологи, гидрологи, аэрологи, метеорологи, что их заберут, отправят в Ленинград, а здесь, среди скал и льдов, начнут работу их коллеги. Не случилось. Не довелось.

— И днем, и ночью, — рассказывал Сенько, — с винтовками патрулировали берег. Охотились, потому что без мяса долго не протянешь, на белых медведей и белух, ловили морскую сайку и этой рыбешкой кормили свиней, завезенных в первую навигацию. Спустилось несколько месяцев, а может, нам только казалось, свинья стала пахнуть рыбой. А еще каждый из нас вел научные наблюдения: чудом казалось не то, что люди живут, а то, что аппарата — латанная-перелатанная — дышит. И не просто дышит, а работает, то бишь вальшает на полную катушку. Материалов накопилось столько, что потом, когда все миновало, их пришлось обрабатывать десять лет.

В 43-м Павла Кононовича переправили на Маточкин шар, где была острая нужда в геофизике. Ну а смена-таки появилась. Когда? На Большую землю Сенько попал вскоре после капитуляции Японии...

Я помню, как бережно оглаживал Павел Кононович медаль «За оборону Заполярья». Она хранилась у него в заветной коробочке рядом с самыми звонкими орденами.

IV
Вкусил, вкусил он белого безмолвия сполна. Но не усидел на материке. Снова в сторону Северного полюса рванул.

— Что такое подвижная группа, — переспрашивал он, — э-э, молодой человек, в двух словах не расскажешь... Подвижная группа — десант с самолета. Десант — ну, там, на восемьдесят третью, восемьдесят шестую параллель. Пока летим, стараемся заснуть, вздремнуть. Обстановка, до-

ложу вам, может измениться за какие-то полчаса. Вот что довелось испытать однажды... Да-да, вскоре после нашей свадьбы, в 48-м.

В четырех, максимум пяти милях (именно на мили Сенько измеряет расстояния) приземлились самолеты Ли-2. За штурвалами (память полярника не знает сбоев) — летчики Илья Котов и Виталий Масленников. Только — только участники научного десанта развернулись, расставили свое оборудование, раздался крик:

— Лед, лед ломается!
Асы умудрились запустить вовремя двигатель и перебраться на старый паковый — прочный, но неровный лед. Несмотря на бешеный темп эвакуации, Сенько успел подметить про себя: «А тонкий лед мимо пакового несет, как у нас на Неве...»

Пленники поневоле — лед, что стиральная доска: не взлететь — провели в тороках несколько дней. А потом увидели: к их бедовой площадке притерлась ровная такая — залубуешься! — льдина. Ее-то и решили использовать в качестве взлетной полосы. Прорвались к ней с помощью ломиков, лопат, что и у него есть хорошие шансы, Масленников произнес фразу, ставшую легендарной среди полярников:

— Братцы, у меня — глаз-алмаз. Есть пара лишних метров. Так что подниму амуницию, а будете сидеть тихо, кой-кого из вас.

V
Павел и Тамара. Тамара и Павел. Любовь требовала от него мужества верить, от нее — мужества ждать. Недели. Месяцы. Годы. Тамара Петровна отказалась от блестящей карьеры певицы. Растила детей. Писала стихи.

Трудно ли было сотруднику Всесоюзного Арктического института Сенько и его товарищам там на крайнем, самом крайнем Севере. Не стоит, право слово, сбиваться на банальные ответы. Знаю наверняка: в семейном кругу полярники предпочитают вспоминать о случаях забавных, как говорится, хохмочных, иногда — пустяковых и никогда — о трагических или тех, что могли обернуться бедой. Родные, встречая летчиков, геофизиков, магнитологов, вернувшихся на Большую землю, давали им напутствие вволю. Ну а если кто из полярников уходил в «пике», то и он чаще всего бывал процен. Ибо отец или мать, жена или взрослый сын, ведя свою партию, прекрасно знали, какой душевный и физический надрыв стоит за внешней бравадой. А коллобродить зимовщики быстро прекращали. Ибо служение полюсу, как и музе, не терпит суесть. Родные же правду знали. Из таких суровых и честных книг, как книга академика Евгения Константиновича Федорова «Полярные дневники». Она читалась и читается взахлеб во многих домах Москвы и Одессы, Ленинграда и Киева. Ее, конечно, не могла (и не смогла) заменить «Малая земля» — в пору оную, а в пору недавнюю — ... (каждый может произвольно поставить сюда бумажное издание-однодневку, «освящен-

ное» именем якобы маститого писателя).

VI
О первой Антарктической экспедиции, в которой участвовал «северный полярный волк», я уже рассказал. Десять лет после войны Павел Кононович устремлял свои взоры только к одному полюсу Земли. А начиная с 55-го решил испробовать себя и в южных широтах. Помимо первой работал в пятой, девятой, двенадцатой и восемнадцатой советских Антарктических экспедициях. В книге Саввы Морозова «Широты и судьбы» можно прочесть главу «Солдат науки». Она посвящена Сенько: «...Заглядывал Павел Кононович не только в недра планеты, но и далеко за пределы земной атмосферы. С помощью специальной аппаратуры ученые ловили и записывали сигналы из космоса, посылаемые искусственными спутниками Земли. Изучали также условия распространения радиоволн, требующие особого внимания в полярных областях земного шара, как в южной, так и в северной магнитных вариациях».

А за этими скупыми строками — бездна труда и великое множество пиковых ситуаций, которых бы хватило на увесистый детектив. Но не написанием такового занимаюсь. И все же — под занавес — не удержусь. Уж больно сочный эпизод сохранился в магнитофонной записи.

— Вместе с каюром Петром Кольцовым, — звучит голос Сенько, — я отправился на станцию — ну, там миль шесть от Мирного. У нас настрой был на недолгую прогулку. И собаки шли весело. А тут вдруг буран. Ни зги... Собаки заартачились, не сдвинуть против ветра. Тогда мы с Петром решили двигаться на своих двоих. Падали. Поднимались. А там и — ползком. На четвереньках. И сорвались... Летели, чтобы не сорвать, метров сорок кубарем. Рожки да ножки от нас бы остались, если бы не огромный надув-сугроб, смягчивший удар... Вскоре мы вышли на станцию.

VII
...Сначала, найдя в архиве буклет с уникальными почтовыми гашениями, я порывался сдать его на хранение в краеведческий музей. Но раздумал. Не потому, что пропадет, затеряется среди других редких документов. Пусть в доме живет подарок старого полярника. Подарок мне, а значит — сыну. А там, глядишь... Но загадывать не стоит. Когда я хочу срывать моего Петра, я показываю ему буклет и приговариваю: «Вот, видишь, станция «Восток», ее штампель. На этой станции однажды было минус 89,2 по Цельсию!» «Врешь!» — не выдерживает он. «Вот и нет. Мне эту цифру назвал человек, побывавший на обоих полюсах Земли. Еще нужны аргументы?»...

В слове полюс зашифрован тайный смысл, догадаться, какой? Судьба Сенько дает подсказку: две последние буквы... Правильно! Юг. Север. Дальше — вариации на тему.

Сергей СУТУЛОВ.

На снимках: П. Сенько; экспедиция во льдах Антарктиды. Фото и фотокония Николая Павленко.

СВОБОДНЫЙ ПОИСК

Он так и не понял, что вызвало в его памяти старые стихи. Но слова возникли и зазвучали:

Представь, потом представь,
и вновь представь,
что провода, протянутые
над землей,
опутавшие мир из края в край,
в себя вобрали мириады
слов,
произнесенных тихими ночами,
и сохранили смысл всех
разговоров.

Он остановился. Как там дальше? Да...

Настал момент — и,
загудев во тьме,
Из ничего опять слова
возникли.

Так складывает первые
созвучья
ребенок, постигающий язык.
Снова остановка. Как же это кончалось? Погоди...

Тогда бездушный
проволочный зверь,
копаясь в памяти, до верха
полной звуков,
и повторяя логику людей,
запрещая; заплакал, зашептал.
И вот однажды некто,
Человек,
разбуженный ожившим
аппаратом,
снимает трубку и внезапно
слышит
небесный глас расплывчатого
духа.

И зверь, чудовище,
смакуя звуки,
собрал в пучок безумье
расстояний,
выдавливает: «АЛ», и
следом: — «О-О!»,
и — наконец — уверенно:
«Алло!»

Он перевел дыхание и закончил:
Такому собеседнику в ночи
что ты ответишь,
Человек разумный!

Он сидел молча.
Он сидел, восьмидесятилетний старик.
Сидел один в пустой комнате
пустого дома на пустой улице в пустом
городе на пустой планете Марс.

Сидел, как сидел уже шестьдесят лет: ожидая.
На столе перед ним стоял телефон,
не звонивший очень, очень давно.

И вот аппарат затрепетал, словно собираясь с силами. Может, это тайное трепетание и послужило толчком к стихам?..

Его ноздри шевельнулись. В глазах вспыхнуло пламя.
Телефон задрожал — еще мягче, еще тише.

Он весь подался вперед, уставившись на аппарат.
Телефон... ЗАЗВОНИЛ.

Он вскочил на ноги и отпрыгнул назад. Стул грохнулся оземь. Он закричал:
— Нет!
Телефон вновь зазвонил.
— Нет!

Он протянул руку, дотянулся уже — и опрокинул аппарат на пол. Трубка свалилась с рычагов как раз на третьем звонке.

«Нет... Нет же, нет, — тихо повторял он, прижав руки к груди, раскачивая головой из стороны в сторону, в то время как телефон валялся у его ног. — Этого не может быть... Не может быть...»

Ибо он — все-таки! — был один в комнате пустого дома в пустом городе на планете Марс, где не обитало ни одной живой души, кроме него, Властелина Бесплодной Возвышенности.

И все же...
— Бартон...
Кто-то произнес его имя.
Нет. Что это жужжит, словно тысяча сверчков и цикад в далекой пустыне?

«Бартон? — подумал он. — Как... Как, да это же я!»

Он не слышал своего имени из человеческих уст так давно, что уже почти забыл его. И он не принадлежал к числу тех, кто шатается туда-сюда и зовет себя по имени. Он никогда...

— Бартон, — сказала трубка, — Бартон. Бартон. Бартон.

— Замолчи! — заорал он.
И напудрал трубку ногой; и нагнулся, задыхаясь и обливаясь потом, чтобы поднять ее и вернуть на рычаг.

Едва он сделал это, как проклятая штука снова зазвонила.

На этот раз он обхватил аппарат пальцами и крепко сжал его, словно стараясь задушить спрятанный в нем голос. Но через несколько мгнове-

«Night Call Collect». Из сборника «Ray Bradbury. I Sing the Body Electric!» Bantam Books, 1978. Впервые — там же, 1969. Сведения о переводчике: кандидат философских наук, преподаватель кафедры английского языка Ростовского государственного университета.

ний, глядя на свои побелевшие от напряжения суставы, он ослабил руку и поднял трубку.

— Бартон, — произнес голос за миллиарды миль отсюда.
Он выждал, пока его сердце отсчитало ровно три удара, и сказал:
— Бартон слушает.

— Так, так, — произнес голос, уже с расстояния не больше миллиона миль. — А ты знаешь, кто с тобой говорит?

— Господи боже мой, — ответил старик. — Первый звонок за полжизни, и мы в кошки-мышки играем.

— Прости. Глупо, конечно. Собственного голоса по телефону ты не мог узнать. Да и кто узнает? Мы привыкли к звучанию своего голоса, когда он проходит через кости черепа. Бартон, говорит Бартон.

— Что?
— А ты что подумал? — сказала голос. — Что это капитан космического корабля? Решил, что тебе на помощь кто-то примчится?

— Нет.
— Какое сегодня число?
— 20 июня 2097 года.

— Боже милостивый! Шестьдесят лет! Ты что, так и проторчал там все это время в ожидании ракеты с Земли?

Он кивнул головой.
— Послушай, старина, ты понял, кто я такой?

— Да, — он дрожал всем телом. — Я вспомнил. Мы с тобой одно и то же. Я Эмил Бартон и ты тоже Эмил Бартон.

— Есть разница. Тебе восемьдесят, а мне только двадцать. И у меня впереди вся жизнь.

Старик начал смеяться. Потом заплакал. Он сидел, держа в руке трубку, словно глупенький, заблудившийся ребенок. Дальнейший разговор не имел смысла, не стоило продолжать. И все же он продолжил. Он взял себя в руки, снова поднес к губам трубку и сказал:

— Эй, ты, там! Слушай! — о боже, если бы я мог предупредить тебя. Но как? Ведь ты же — только голос. Если б в моих силах было показать тебе, что значит одиночество много лет подряд. Кончай с этим, убей себя! Не жди! Если бы ты знал, какую цену тебе придется уплатить, пока ты не станешь мной — сегодня, здесь, сейчас, на этом конце провода.

— Это невозможно, — голос молодого Бартона засмеялся вдалеке. — Я даже не знаю наверняка, будешь ли ты когда-нибудь отвечать на мои звонки. Это же все чистая механика. Ты говоришь не более чем с записью. Сейчас 2037 год. Для тебя это — шестьдесят лет назад. Сегодня на Земле началась ядерная война. Все жители колонии были отозваны с Марса и улетели на ракете. А я остался, я отстал!

— Все помню, — прошептал старик.

— Один на Марсе, — захохотал молодой голос. — Месяц, год — какая разница? Полно еды, книг. В свободное время я составил целую библиотеку записей на десять тысяч слов — ответы в моем исполнении — и подсоединил все к телефонным реле. Через несколько месяцев позвоню, будет с кем поболтать.

— Да.
— А через шестьдесят лет мои собственные записи позвонят мне. Честно говоря, я не думаю, что проторчу так долго на Марсе, просто мне пришла в голову вот такая остроумная мысль, надо же как-то время убить. Слушай, это действительно ты, Бартон? Это действительно я?

Слезы закапали из глаз старика.
— Да.
— Глупец, — старик устало покачал головой. — Ты прождал все шестьдесят лет. Ты состарился, ожидая, и все это время ты оставался один. Теперь ты стал мною, и ты все еще один в этих пустых городах.

— Не бей на жалость. Ты для меня как чужак, человек из другой страны. Я не способен на грусть. Я жив, пока создаю эти записи. И ты жив, пока слышишь их. Мы оба непостижимы друг для друга. Ни ты, ни я ни о чем предупредить друг друга не в силах, хотя оба говорим по телефону, один — как автомат, а другой — с человеческим теплом в голосе. Сейчас я живой человек. Ты будешь живым человеком потом. Безумие. Я не умею плакать, ибо, не зная своего будущего, я смотрю в него с оптимизмом. Эта надежно упрятанные записи способны реагировать только на определенное число побуждений, исходящих от тебя. Разве можно заставить плакать мертвеца?

— Прекрати! — воскликнул старик. Он ощутил знакомые приступы боли. К горлу подкатила тошнота, перед глазами почернело. — Господи, каким бесщедрым ты был! Прочь от меня!

— Был, говоришь? Я есть. До тех пор, пока крутится пленка, пока вертятся механические валики и спрятанные электронные глаза читают, отбирают и преобразуют слова, чтобы послать их тебе, я буду молодым и жестоким. И еще долго буду оставаться таким после того, как ты помрешь. До свидания.

— Погоди! — закричал старик.
Щелк!

Бартон долго сидел, держа в руках безмолвный аппарат. Сердце сильно болело.

Что за безумие овладело им тогда? Какая глупость, какое тайное вдохновение в те первые, молодые годы его одиночества заставляли собирать эти телефонные мозги, — пленки, электрические цепи, — составлять графики звонков и вводить их в программу реле?..

— Привет, старый Бартон! Здесь Бартон молодой! Мне сегодня двадцать один! За прошедший год я установил голосовые мозги еще в двух

пор, пока крутится пленка, пока вертятся механические валики и спрятанные электронные глаза читают, отбирают и преобразуют слова, чтобы послать их тебе, я буду молодым и жестоким. И еще долго буду оставаться таким после того, как ты помрешь. До свидания.

— Погоди! — закричал старик.
Щелк!

Бартон долго сидел, держа в руках безмолвный аппарат. Сердце сильно болело.

Что за безумие овладело им тогда? Какая глупость, какое тайное вдохновение в те первые, молодые годы его одиночества заставляли собирать эти телефонные мозги, — пленки, электрические цепи, — составлять графики звонков и вводить их в программу реле?..

— Привет, старый Бартон! Здесь Бартон молодой! Мне сегодня двадцать один! За прошедший год я установил голосовые мозги еще в двух

стах городах. Я населил Марс Бартонами.

— Да.
Старик вспомнил те ночи шестьдесят лет назад, когда он, счастливый, наживистая, мчался через голубые холмы и железные долины на грузовике, полном аппаратуры. Еще один телефон, еще одно реле. Все же занятие. Занятие умное, замечательное и грустное. Спрятанные голоса. Спрятанные, спрятанные. В те молодые годы, когда он не понимал, что такое смерть и что есть время, когда старость была подобна слабому эхо из глубокой пещеры грядущих лет, которые еще предстояло прожить... Этот юный идилл, этот кретин с садистскими наклонностями ни разу не задумался, что настанет день, когда ему доведется быть посеянным.

— Вчера вечером, — сказал Бартон, возраст двадцать один год, — я сидел один в кинотеатре в пустом городе. Я играл старых Лаурела и Гарди. Боже, как я хохотал!

— Да.
— Тут идея возникла. Я тысячу раз наложил свой голос на одну и ту же пленку. Потом включил все это в городе. Звучит, как тысяча человек. Такой успокаивающий шум, гул

Звонка телефона.
— С добрым утром, Бартон! Это Бартон. Семь часов. Вставай и радуйся жизни!

Опять!
— Бартон? Это Бартон звонит. Днем отправляйся в Марсианский город. Установи там телефонный мозг. Я тут подумал, хорошо бы напомнить тебе.

— Благодарю.
Звоню.
— Бартон? Бартон. Пообедаем вместе? Гостиница «Ракета».

— Хорошо.
— До встречи. Пока!
Звоню.

— Это ты, Бартон? Решил подбодрить тебя. Выше нос и все такое. Завтра, наверное, прилетит ракета и спасет нас обоих.

— Да, завтра, завтра, завтра, завтра...
Щелк!

Но годы сгорели, и остался после них один дым. На много лет Бартон «законсервировал» коварные телефоны, а в них — множество хитроумных, точных ответов. Он должен был услышать первый звонок только тогда, когда ему исполнится восемьдесят лет. Если к тому времени был бы жив. И вот теперь, сегодня — те

лефон зазвонил, и прошлое задышало в его ухе, зашептало, разбудило его память.

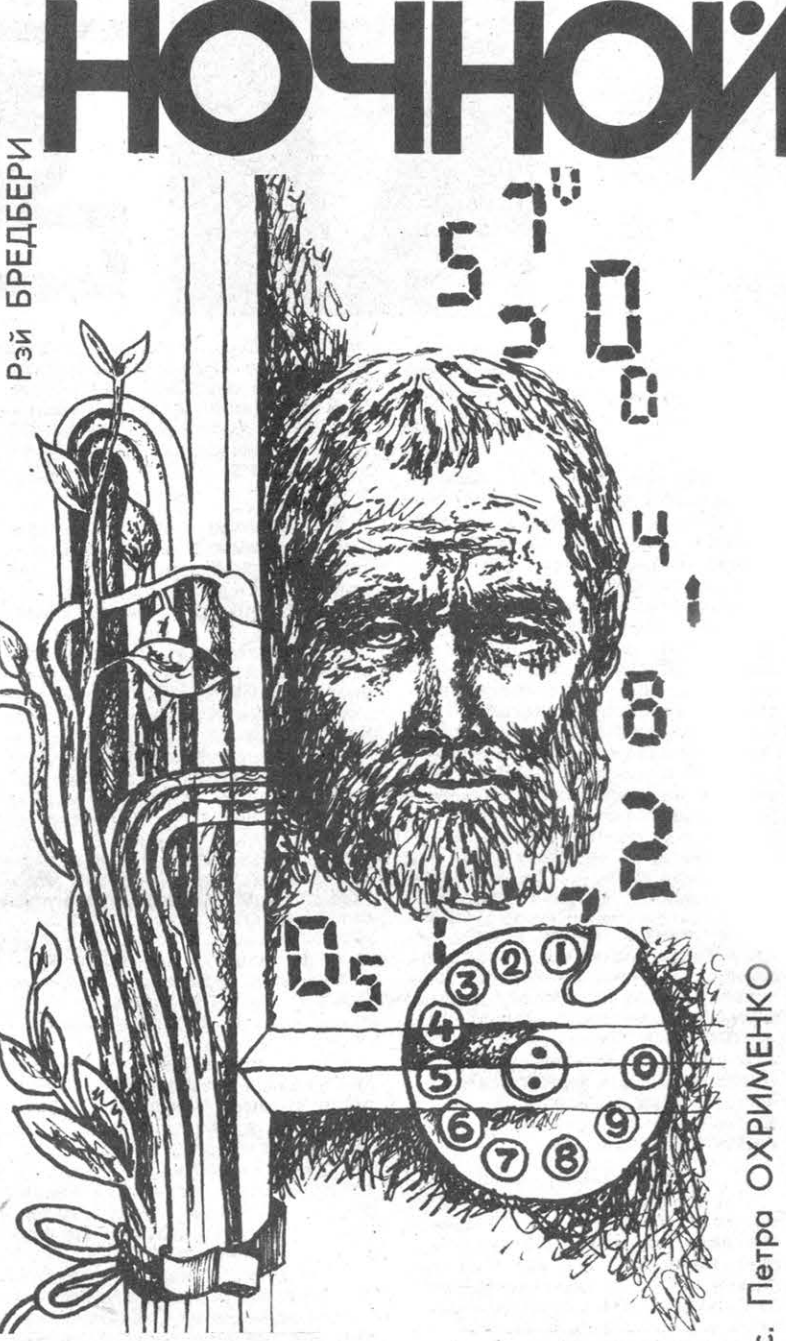
Телефон!
Пусть звонит.
«Не нужно отвечать», — подумал он.

Звоню!
«На том конце никого нет», — подумал он.

Опять звонок!
«Это все равно что говорить с самим собой, — подумал он. — Но нет, есть разница. Боже, есть разница, и огромная!»

Он почувствовал, как его рука сама поднимает трубку.

— Привет, старый Бартон! Здесь Бартон молодой! Мне сегодня двадцать один! За прошедший год я установил голосовые мозги еще в двух

ЗВОНЮК

Рис. Петра ОХРИМЕНКО

толпы. Я устроил хлопание дверей в городе, дети поют, играют музыкальные автоматы, — и все подчиняется часовому механизму. Если не глядеть в окно, а только слушать все в порядке. Но когда я выглядываю на улицу, впечатление разрушается. Кажется, мне становится одиноко.

— Это первые признаки... — сказал старик.

— Что?

— Вот он, первый раз, когда ты признал себя одиноким.

Еще я экспериментировал с запахами. Идешь по пустой улице, а из домов пахнет беконом, яичницей, ветчиной, филе. Все — при помощи техники.

— Безумие.

— Самозащита!

— Я устал. — Старик резким движением опустил трубку. Это уже слишком. Прошлое стало затягивать, поглотить его.

Бормоча проклятия, он медленно сошел вниз по ступенькам башни и оказался на улице.

В городе было темно. Не светились больше красные неоновые надписи, не звучала музыка, не доносились запахи кухонь. Он давным-давно расстался с фантазиями о механической лжи. Слушай! Что это, чьи-то шаги? Нюхай! Что это? Земляничного пирога? И он положил этому конец.

Он побрел к каналу, где в зыбких водах отражались звезды.

Под водой ржавели нагроможденные друг на друга роботы, некогда населявшие Марс. В свое время он создал их, а затем, с дикой отчетливостью осознав свою собственную неполноценность, дал им команду маршировать — ать, два, три, четыре! — прямо в каналы, они погружались и выбрасывали на поверхность воды пузыри, как пустые бутылки. Он погубил их и не испытал при этом ни капли жалости.

В неосвященном коттедже мягко зазвонил телефон.

Он шел, не обращая внимания. Звон прекратился.

Телефон зазвонил впереди, в следующем коттедже, будто кто-то видел, как он идет. Он побежал. Звон остался позади. Но его тут же подхватил телефон в этом доме, за ним — вон в том, и опять здесь, и там! Он бежал сломя голову. И еще один телефон!

— Ладно! — завопил он, выбившись из сил. — Иду!

— Хелло, Бартон!

— Чего тебе надо?

— Мне одиноко. Я живу только тогда, когда говорю. Так что я вынужден говорить. Закройте мне рот ты не сможешь.

— Оставь меня в покое! — в ужасе произнес старик. — Сердце, у меня сердце болит...

— Говорит Бартон в возрасте двадцати четырех лет. Еще пара годков миновала. Я все еще жду. Чуть более одинок. Прочитал «Войну и мир», выпил все шерри, постил рестораны с самим собой в качестве официанта, повара, хозяина. Сегодня вечером я — кинозвезда в Тиволи: «Эмил Бартон в фильме «Бесплодные усилия любви». Во всех ролях, в париках и без оных!»

— Перестань звонить мне. Перестань, или я убью тебя!

— Убить меня тебе не по силам. Попробуй сначала найти.

— Найду.

— Ты ведь забыл, куда меня звать. А я везде — в телефонных будках, домах, проводах, башнях, подземках. Ну, давай, давай! Как ты это назывешь? Телефонубийство? Или самоубийство? Завидуешь, а? Завидуешь мне — двадцатичетырехлетнему, полному сил и молодости, с ясным взором. Ладно, старина, война так война. Между нами. Между мной и мной! Целые полки, а солдаты в них — мы с тобой. Ты в разных возрастах — против себя же, живого. Ну, давай, вперед, объявляй войну!

— Я убью тебя!

Щелк! Тишина.

Он швырнул аппарат в окно.

В полночной прохладе автомобиль мчал по глубокой долине. В ногах Бартона на полу машины лежали пистолеты, ружья, взрывчатка. Рев мотора, казалось, пронизывал его тонкие, хрупкие кости.

«Я найду их, — думал он, — и уничтожу всех до одного. Господи, ну как он может быть таким жестоким со мной!»

Он остановил машину. Освещенный сиянием лун, перед ним раскинулся незнакомый город. Стояло полное безветрие.

Он сжимал ружье холодными пальцами. Он глядел в столбы, баш-

ни, будки. Где-то в городе скрывался его голос. Но где? В той башне? Или в той, стоящей поодаль? Слишком много лет прошло... Он стал дико озираться по сторонам.

Он поднял ружье.

Башенка упала после первого же выстрела.

«Все до одной, — думал он. — Все башни в городе нужно разрушить. Я забыл... Слишком давно...»

Машинка двинулась дальше по безмолвной улице.

Зазвонил телефон.

Он взглянул на пустую аптеку. Опять зазвонил телефон.

Выстрелил из пистолета в замок на дверях и вошел.

Щелк!

— Алло, Бартон! Хочу предупредить тебя. Не пробуй разрушить все башенки и взорвать все на своем пути. Лучше пережечь себе горло. Подумай над моим советом!

Щелк!

Он медленно вышел из телефонной будки, прошел на улицу и вслушался в гул телефонных башен, доносившийся сверху — башен, которые все еще жили, все еще были не тронуты им. Он посмотрел на них, и тут он все понял.

Он действительно не мог разрушить башенки. А что, если с Земли прибудет ракета? Мысль, конечно, невероятная, но, допустим, она прилетит сегодня ночью или завтра, или на будущей неделе? И опустится на другую сторону планеты, и люди попытаются дозвониться до него, до Бартона — что тогда? Ведь телефонная сеть будет мертва.

Бартон уронил ружье.

— Не прилетит ракета, — тихо возразил он сам себе. — Я стар. И слишком много времени прошло.

Ну, а вдруг прилетит? И ты этого никогда не узнаешь, думал он. Нет, линия должна оставаться свободной и неповрежденной.

И снова — звонок!

Он обернулся без всякого интереса. Нетвердой походкой вернулся в аптеку и нашарил рукой трубку.

— Алло? — незнакомый голос.

— Прошу, — прозвонил старик, — не надо беспокоить меня.

— Кто это? Кто говорит? Где вы находитесь? — удивленно выкрикивал голос.

— Одну минутку, — старик заколебался. — Это Эмил Бартон. С кем я говорю?

— Здесь капитан Рокуэлл, ракета «Аполлон-48». Только что прибыли с Земли.

— Нет, нет, нет!

— Вы меня слышите, мистер Бартон?

— Нет, нет, это невозможно!

— Где вы находитесь?

— Ложь... — старик прислонился спиной к стенке телефонной будки. Глаза его застыли, он ничего не видел. — Это ты, Бартон, ты смеешься надо мной и снова лжешь мне!

— Здесь капитан Рокуэлл. Мы только что сели. В Нью-Чикаго. Где вы находитесь?

— В Грин-Вилла, — произнес он задыхаясь, — в шестистах милях от вас.

— Слушайте, Бартон, вы можете приехать сюда?

— Что?

— У нас тут не все в порядке с ракетой, требуется ремонт. В полете ее потрепало. Вы можете приехать, помочь нам?

— Да, да!

— Мы в поле за городом. К завтрашнему дню доберетесь?

— Да, но...

— Что?

Старик погладил ладонью телефон. Как там Земля? Как Нью-Йорк? Война закончилась? Кто сейчас президент? Что там вообще делается?

— Приезжайте, у нас будет еще масса времени поболтать.

— Там все в порядке?

— Все.

— Слава богу, — старик прислушался к голосу, звучавшему вдалеке. — Вы уверены в том, что вы действительно капитан Рокуэлл?

— О, ч-чорт!

— Простите!

Он повесил трубку и выбежал.

Он там, после стольких лет — это невероятно! — люди, подобные ему, и они увезут его к Земле, к ее морям, небесам и горам!

Он завел мотор. Он будет гнать машину всю ночь. Стоит рискнуть, чтобы увидеть людей, пожать им руки, снова услышать их голоса.

Рокот мотора громом отдавался в горах.

Этот голос. Капитан Рокуэлл. Нет, это не голос Бартона, сорокалетней давности. Такой записи он никогда не делал. Или делал? Во время оче-

редного приступа депрессии, с цинизмом, сопутствующим состоянию опьянения, — разве тогда, однажды, не сделал он эту «фальшивую» запись «фальшивого» прибытия на Марс ракеты с синтетическим капитаном и воображаемой командой на борту? В бешенстве он дернул головой. Нет. Мнительный болван! Нашел время для сомнений. Он будет мчаться вровень с лунами Марса, не останавливаясь, всю ночь. А какую вечеринку они потом закатят!

И взойшло солнце. Он был разбит от усталости, одежда была покрыта колючками и репейниками, сердце словно проваливалось в глубину при каждом ударе, пальцы едва нащупывали руль. Но его подбадривала мысль об одном — последнем — телефонном звонке. Алло, Бартон молодой, говорят Бартон старый. Сегодня я улетаю на Землю. Я спасен! Слабая улыбка озарила его лицо.

Он въехал в тенистые пределы Нью-Чикаго на закате солнца. Выйдя из машины, он стоял, напряженно вглядываясь в площадку для посадки ракет, и тер кулаками покрасневшие глаза.

Поле было пусто. Никто не спешил ему навстречу. Не жал ему рук, не кричал, не смеялся.

Он почувствовал, как взбунтовалось его сердце. Он знал: сейчас перед глазами встанет чернота и появится ощущение, будто проваливаешься в разверстые небеса. Он заковылял к офису.

Там, внутри, аккуратным рядком притаились шесть телефонных аппаратов.

Он остановился, тяжело дыша.

И — наконец! — звонок.

Он поднял тяжелую трубку.

Голос сказал:

— А я все гадал, доберешься ты живым или нет.

Старик молча стоял с телефоном в руках.

Голос продолжал:

— Капитан Рокуэлл докладывает. Будут приказания, сэр?

— Ты! — прорычал старик.

— Как сердечко, старина?

— ...

— Так или иначе, но я должен был уничтожить тебя. Чтобы самому остаться в живых. Если записи вообще можно назвать живыми.

— Я выйду сейчас отсюда... — ответил старик. — Я плевать на тебя хотел... И все тут вокруг взорву, пока не убью тебя.

— Сил не хватит. Думаешь, почему я заставил тебя проделать такой длинный путь да на такой скорости? Это была твоя последняя прогулка.

Старик почувствовал, как его сердце застучало с переборами. Ему никогда не добраться до других городов. Война проиграна. Он опустился на стул и издал низкий, скорбный стон. Он поглядел на пять других аппаратов. Они зазвонили все вместе, как по команде. Целое гнездо омерзительных визжащих птенцов. Автоматические приемники включились с резким хлопком.

Офис наполнился голосами.

— Бартон! Бартон! Бартон!

Он стал сжимать в руках телефон. Он душил его, а трубка хохотала над ним. Он ударил аппарат. Потом еще раз — ногой. Он скрутил в пальцах провод, словно ленту серпантина, и разорвал его. Аппарат упал к его шаркающим ногам.

Он разбил еще три телефона. И тут вдруг наступила тишина.

В этот момент его тело словно осознано нечто такое, что долго скрывало само от себя. Это нечто в мгновение ока навалилось на его кости. Плоть его век будто отпала, превратившись в лепестки цветов. Рот пересох. Мочки ушей стали таять, как воск. Он схватился обеими руками за грудь и рухнул лицом вниз. Он лежал не двигаясь. Дыхание его прервалось. Сердце не билось.

Прошло время. Зазвонили два уцелевших телефона.

Где-то щелкнуло реле. Оба голоса замкнуло друг на друга.

— Алло, Бартон?

— Да, Бартон.

— Двадцать четыре.

— А мне двадцать шесть. Мы оба молодые. Что там стряслось?

— Понятия не имею. Слушай!

В комнате стояла тишина. Старик на полу не шевелился. Ветер влетел в разбитое окно. Воздух был холодный.

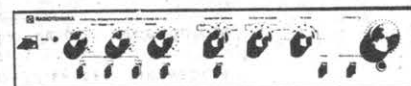
— Поздравь меня, Бартон! Сегодня мне двадцать шесть!

— Поздравляю!

И оба голоса затянули песню. Какую поют на днях рождения. Песня вылетела в окно и тихо, тихо зазвучала на улицах мертвого города.

Перевел
Сергей НИКОЛАЕВ.

Аппаратура для всех

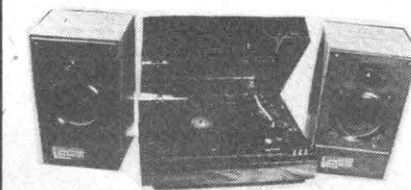
«Ригонда»

Фирменный магазин — ведущее предприятие по продаже бытовой радиоаппаратуры первой и высшей групп сложности.

Работаем ежедневно кроме воскресенья с 10 до 14 и с 15 до 19 часов, в субботу — с 9 до 14 и с 15 до 18 часов.

Инженер-консультант — по тел. 2-82-01.

Наш адрес: г. Ставрополь, ул. Мира, 334.

РИГОНДА

Лечебно-диагностический центр поможет мужчинам поверить в себя и взять новый старт

АН-

Солидная база современная аппаратура высокая квалификация

ДРО-

ЛЕЧИМ:
— Сексуальные расстройства
— Мужское бесплодие
— Уретрит
— Хронический простатит
— Обследование и лечение бесплодных пар

ЛОГ

Москва, ул. Трофимова, 31 тел. 354.67.79.

У вас проблемы?

45-я параллель

«ПРОКОНСУЛ КАВКАЗА»

(Окончание. Начало на 12-й стр.).

— Конечно. И очень яркие воспоминания. Я видел мальчишкой знаменитых актеров немого кино — Веру Холодную, Ивана Мозжухина. А Башкеев! Он великолепно сыграл в фильме «Сашка-семинарист».

В 1913 году я слышал в Пятигорске Матео Батистини. Это мировой тенор. Пять рублей золотом стоил билет в первом ряду на его концерты. А на десяток таких монет можно было тогда купить себе небольшой дом в Пятигорске.

Или, в Эссентуках, шли мы как-то с одноклассником Колей Шеховцовым. Вдруг он меня толкает в бок и говорит: «Смотри — Шалапин». Русский богатырь, косоворотка, сложил руки рупором и вызывает кого-то из особняка басом: «Марья Алексеевна!»

В 1913-м видел в Пятигорске Куприна. Он фотографировался. Известная тогда фирма была «Фото Агзпова».

А в 17-м, я и моя подруга-гимназистка были на концерте Вертин-

ского в Лермонтовской галерее. Белое лицо, костюм Пьеро. Незабываемое впечатление: он пел «Ваши пальцы пахнут ледяном...» и в зале действительно пахло ледяном... Потом — вы знаете его жизнь — он приехал на гастроль только в 1944-м.

И было еще много имен и ярких деталей. И я, наверное, впервые не преувеличу, сказав, что не хватит газетной полосы, чтобы привести хотя бы все то, о чем мы говорили в тот вечер. «За бортом» этого повествования осталось до обидного много интересных историй...

На следующий день Сурена Азатовича чествовали в Кисловодске. Было много сердечных поздравлений, цветов и музыки. Как всегда при Абияне — эншлаг...

Вот и вся моя история о замечательном человеке Сурене Азатовиче Абияне. Вся — на сегодня. У нее непременно будет продолжение. Сурен Азатович пригласил меня на свой столетний юбилей.

Дай мне Бог.

Владимир ЛАРИОНОВ.

Эссентуки — Кисловодск.

ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ

Там, где нас нет, мы бываем во сне. Оказывается, он может быть не просто видом отдыха, а чем-то гораздо большим.

Однажды ночью, композитор Джузеппе Тартини (Италия, XVIII век) увидел сон. Ему приснилось, что он отдал свою скрипку дьяволу, чтобы разрешить спор о том, так ли хорошо играет последний, как об этом говорит. Дьявол сыграл настолько великолепно, что Тартини не мог его сравнить ни с чем из того, что слышал раньше.

Проснувшись, Тартини вскочил и кинулся к скрипке, чтобы повторить мелодию, сыгранную дьяволом. То, что получилось, он записал нотными знаками — так родилось самое выдающееся произведение (по общепринятому мнению) композитора Тартини, хотя сам он считал, что у него все равно получился хуже, чем у дьявола...

Такие писатели, как Роберт Луис Стивенсон, Чарльз Диккенс, Шарлотта Бронте находили сюжеты и героев своих романов во сне.

Обратимся к истории науки. Каждый школьник знает о том, что окончательная картина периодической таблицы элементов сложилась у Менделеева во сне. Немецкий химик Фридрих Август Кекуле утверждал, что открытая им формула бензольного кольца родилась во сне.

«Я сидел перед камином в мягком кресле и дремал. Перед моим внутренним взором атомы мелькали и скользили, как змеи. Вдруг одна из «змей» изогнулась и схватила свой хвост... Я проснулся, как будто от разряда молнии». Далее Кекуле объяснял, как образ змеи помог ему представить форму объединения молекул.

(Правда, профессор химии университета Южного Иллинойса Джон Ворц утверждает, что существует, по крайней мере, три версии сна Кекуле, сообщенные им самим. Ворц предполагает, что Кекуле мог и выдумать этот сон).

Так или иначе, мы имеем огромное количество подлинных и проверенных свидетельств того, что во сне с сознанием человека что-то происходит. Но, как правило, люди подавляют образы, родившиеся во сне, или не обращают внимания на эти подсказки и пророчества.

«Мы относимся к мысли, как к чему-то абстрактному, служебному, почти несуществующему, поскольку редко анализируем свои мысли» — пишет в своей книге «Жизнь во сне, жизнь вне сна» психиатр Гордон Глобус. — «Но это не так. В своих мыслях мы можем создавать целые миры. Особенно свободно этот процесс происходит во время сна, когда информация, поступившая в мозг в течение дня, совмещается с его постоянным запасом».

Некоторые люди пытаются сегодня сознательно использовать сны. Художница Фароба Богзаран достигла больших результатов, с тех пор, как начала пользоваться снами. Собираясь спать, Фароба настраивает себя на то, чтобы ей приснился музей или картинная галерея. Она идет — во сне — по галерее, рассматривает картины и скульптуры. Возле некоторых останавливается. То есть, во сне она видит уже готовую работу, которую начнет делать только завтра или просто в ближайшее время.

И уж совсем неожиданная сфера — спорт. Один из западногерманских исполнителей восточных видов боевого искусства был большим мастером карате, джиуджитсу, таквандо. И вот он решил овладеть еще не очень известным айкидо. Но два года занятий ничего не дали. То есть, он овладел техникой, но легкости не было. После очередной тренировки недовольный собой спортсмен отправился спать. Во сне тренировка повторялась раз за разом. Наконец, он почувствовал легкость, которой так не доставало. С этой ночи никаких проблем у него с айкидо не было.

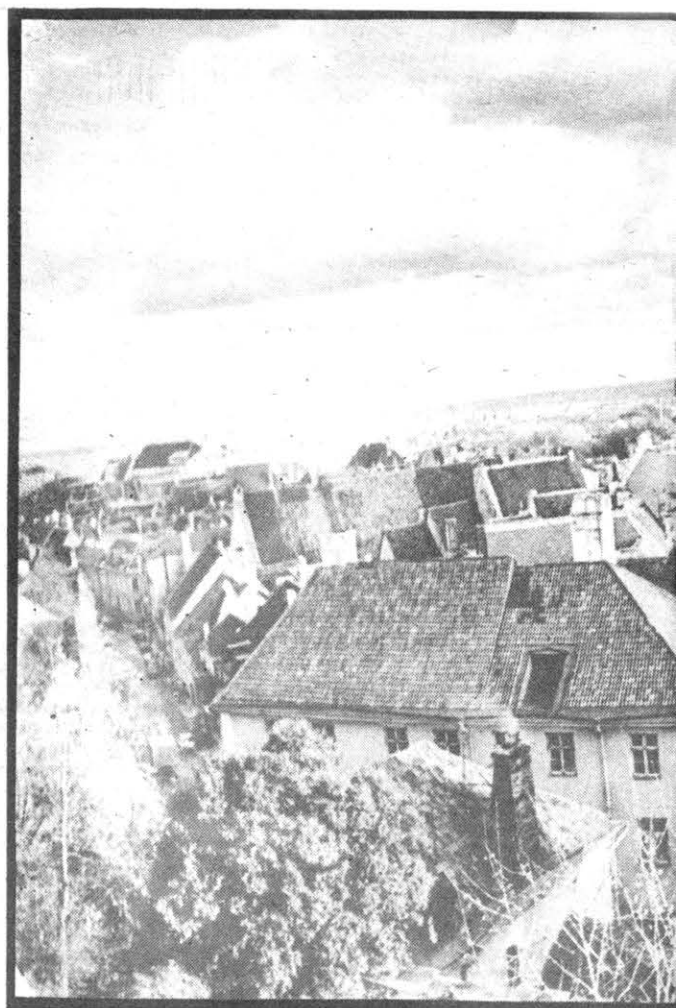
ДЖЕИН ГАКЕЛБАХ, ДЖЕИН БОСВЕЛД

(OMNI).

ГРАН-ПРИ
ждет самого
удачливого автора.
чья работа отмечена
печатью таланта
и вкуса.

Редакция
нашего издания
объявляет конкурс:
«Фотомарафон
45-й параллели».
К участию
в конкурсе
приглашаются
как профессионалы,
так и любители.
Он проводится
по четырем
разделам:

1. Мир женщины.
2. Ситуация.
3. Город.
4. Фантазия
(экспромт).

Каждый автор может прислать не более десяти черно-белых работ. Серия из шести снимков принимается как одна работа. На обороте отпечатка (длинная сторона — не менее 30 и не более сорока сантиметров) необходимо указать название, номер раздела, фамилию, имя, отчество и адрес автора. Необходимо также приложить контрольный отпечаток (по длинной стороне кадра — 24 сантиметра) для публикации в издании и выпуска каталога выставки.

Установлены следующие премии:

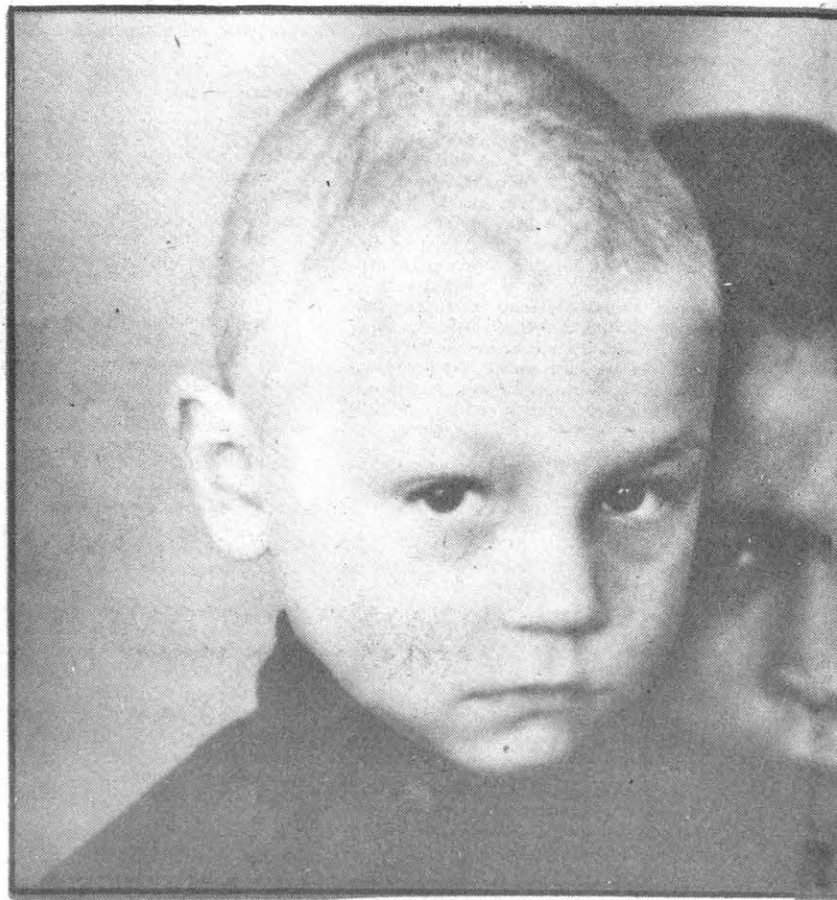
Гран-при — 500 рублей,
четыре первых (по соответствующим
разделам) по 250 рублей,
пять поощрительных — по 100 рублей.

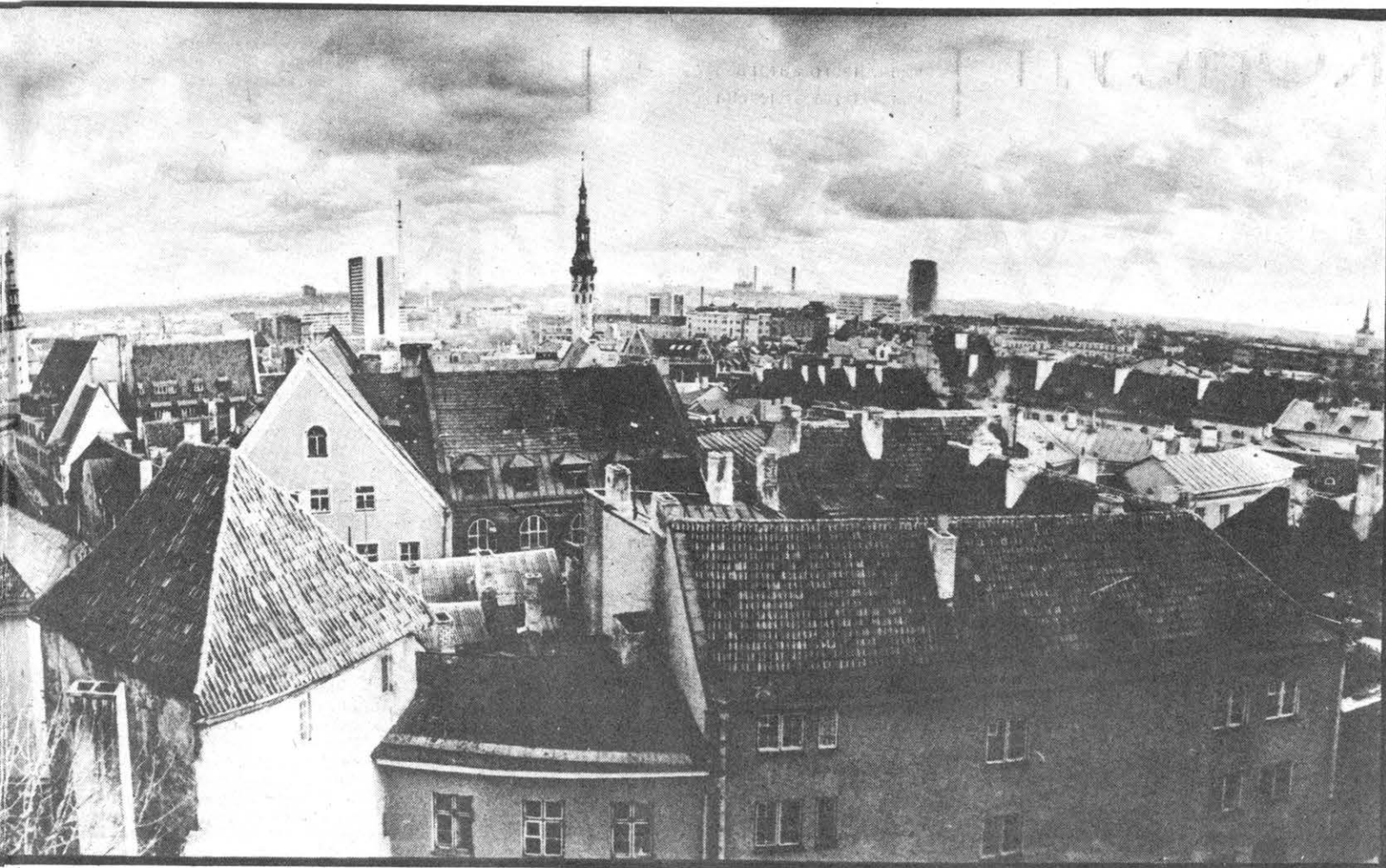
Работы принимаются до 5 ноября 1990 года по адресу: СССР, 355045, город Ставрополь, улица Суворова, 1. Ставропольское отделение Советского фонда культуры, «Фотомарафон 45-й параллели».

Редакция оставляет за собой право повторного использования фотографий в своих изданиях без выплаты гонорара.

ОРГКОМИТЕТ.

ФОТОМАРАФОН

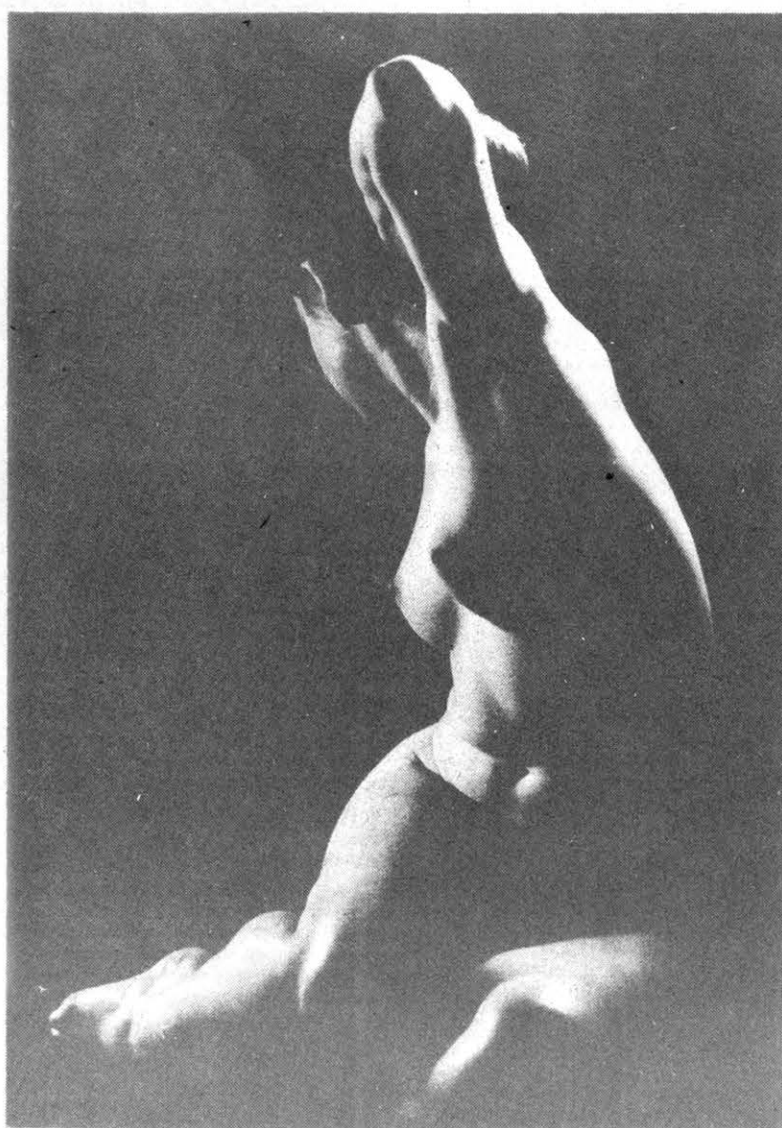
**Василий
ТАНАСЬЕВ.
(Пятигорск).
«СТАРЫЙ
ТАЛЛИНН»**

**Юрий
РУБИНСКИЙ.
(Ставрополь).
«РОДИНА»**

**Борис
СМОЛЬ.
(Пятигорск).
«МОЛЧАНИЕ»**

**Игорь
КОЖЕВНИКОВ.
(Ставрополь).
«НЮ»**

ХУДОЖНИК И ЕГО МОДЕЛЬ

и дружбы. Мне рисовалось, как мы с Петром идем на рынок и возвращаемся в мастерскую, нагруженные различной снедью. Размещаем на столе это ставропольское изобилие. Петр выполняет его живописный эквивалент. Затем мы под тихую музыку устраиваем громкое обсуждение того, что получилось в итоге и чем мы, естественно, закусьваем. Такая вот пирушечная песнь застольного периода.

Не воплотить ли старую идею уже на новом материале?

Тогда центральное место в композиции и за столом должна была бы занять Модель

В отличие от крупных культурных центров с их кафедрами художественных вузов, кино- и фотостудиями, многочисленными мастерскими художников на Ставрополье рынка натурщи как такового не существует. Художники, и Петр в их числе, в этом смысле предоставлены самим себе.

Однажды я тоже был предоставлен самому себе в одной из саун края. Сейчас, когда радости времен застолья широкая публичка начинает делить с неким узким кругом, это в принципе рядовой факт. Но я вспотел поверх того пота, который выжала 120-градусная жара, когда в парилку неожиданно вошло дитя в костюме Евы.

Возможно, в свободное от посещения сауны время она ходит на занятия в одно из ПТУ со множеством станков, на которых учатся обрабатывать металлы. В том числе — и драгметаллы. Во все поры юного тела вьелась золотая, серебряная пыль, отходы от обработки металлов платиновой-иридиевой группы. Волосы тоже сверкали как легированная сталь. Она удивилась поспешности, с которой сокамерники прикрылись полотенцами. Дальнейшее оказалось еще страшнее.

— Здравствуй! — сказала она мне.

СТРАХ ПЕРЕД НАГОТОЙ

Пускай удержит прыг сердец,
и тьмы, и света

Серебряный парик времен
Елизаветы...

Итак, синдром замочной скважины? «О, куда мне бежать от шагов моего божества...»

Незрелое общество очень боится наготы. Ей — и истине — предпочитают в худшем случае бикини, в лучшем — шинель.

В мастерской начинаешь понимать, что в истории бывали моменты, когда общество освобождалось от страха.

Мы присутствуем при начале такого момента. «Модель в костюме XVIII века» завершена.

Я долго не мог понять, откуда я знаю модель. Угадал после скучнейшей передачи по ТВ. Девочкам-пятиклассникам задавали «умные» вопросы. В ответ на них слышалось мычание, хихиканье детей, души которых не постыли за развитием тела. Детей было жаль. И в этот момент мышление мое пересеклось с долгим путем живописца. Петр нарядил современницу в серебристый парик XVIII века, прописал густой темный фон. Тепло оделось светом. И освободилось. Художник победил страх.

СВЯТОЙ ПЕТР

Знобит, как мастерской
сплошная холодрыга,

Лед маленьких грудей,
два их поникших ига.

Красавица моя, чего стыдиться-та?
Скрываемый изъян влечет
как красота.

Это Евангелие — Евангелие от Петра — дописано.

Марк ШКЛЯР.

На снимках: ставропольский живописец Петр ОХРИМЕНКО; репродукция работы «Модель в костюме XVIII века».

Фотосъемка

Игоря КОЖЕВНИКОВА.

пространство укромной комнаты затмил сиянием золотой унитаз с алмазной монограммой на крышке. Отныне тела его муз соприкасаются с достойным себя материалом.

Что-то не столь феерическое, но по сути весьма похожее произошло за десять лет и с творческим бытом Петра Охрименко. Долгожданная мастерская живописца на диво чиста, уютна. Ее обстановка предельно аскетична. Тем драгоценнее, подобные святыням витражам в полумраке храма, смотрящие картины на стенах. Среди них — «Модель в костюме XVIII века». Эта работа венчает многолетний этап бездомья, поисков, размышлений, ошибок и проб, чтобы в конце концов, как проба на золоте, в углу полотна появилась подпись автора. Мне кажется, что я откуда-то знаю модель.

перепалки вставал крутой, как грохот автовокзала за окнами Худфонда, где играли в наперсток и цвела алыча.

В те времена различия между девочками и мальчиками не обсуждались так серьезно и громко, как сейчас. Для публичности различия полов в культурном и эстетическом аспектах не существовали.

Обнаженную натуру писали во все времена. Той весной это было еще безнадежным, во всяком случае — безденежным делом. Выставки проходили на высочайшем официальном уровне: не ниже декольте.

Мину мог таить и самый обычный натюрморт.

— В одной из постановок «натуры мертвой» в художественном училище, — рассказывает Петр, — перед юными рисовальщиками были помещены

УЛЫБНЕМСЯ.

...Косметика станка
Коснулась тел таких. Свинцовой
шоколадкой
В сиреновой фольге стоишь
и дышишь кратко.
Как этот слабый рот и грудь
под грустной блузкой
Вписались в разворот
искусства и искусства!

В 1992-м году Петр собирается отметить свое сорокалетие. Готовит юбилейную выставку.

О, времена юбилеев... Десять лет назад этой мастерской у него не было. Не было вообще никакой. Охрименко с другом Сергеем Беликовым работали в одном из казенных помещений Худфонда. Была весна...

Когда я пришел, Беликов набрасывал эскиз углем. Что-то вроде поля пшеницы, среди которого беременная в льняной рубашке. Петр собирался к себе, под Бештау, на этюды. Друзья горячо говорили о Чемсо и образ учителя из их ласковой

обычные магазинные бройлеры. Виктор Иванович Постников тогда еще не развернулся столь широко, как сейчас. Птички были так себе, синие. Что ж? Ребята, жившие до поступления в училище на селе, написали роскошные тушки сельских квочек, какими они привыкли их видеть на своем столе. Неопытность в писании с натуры?

— Это не куры, — сказали ребята, махнув рукой на псевдобройлеров. — А вот это — куры, — заключили они, кивая на свои рисунки.

Самая обычная битая птица в искусстве остросоциальна. Что уж говорить о живой женщине?

ИЩИТЕ ЖЕНЩИН

Прохладно в мастерской.

Холсты в гусиной коже.

Побудь сама собой,
хотя бы сколько сможешь...

В те годы я не считал натюрморт чем-то социально чуждым. И избрал его сюжетом знакомства, а, может,

Прикидывал я эту тему так и эдак, как столяр Джузеппе полено для топки очага в зимнее время... И вот известие: состоится первая персональная выставка живописца. В Пятигорске, в Академической галерее...

Доводилось ли вам слышать, чтобы кто-либо читал «Песнь Песней» вслух, да еще в большой аудитории?

Приятель, демобилизованный, после многолетнего изучения уставов получил возможность прочесть Ветхий Завет. «Песнь» восхитила его настолько (в божественной книге такое?!), что он как открытие прочел ее вслух своим друзьям-демебелям. «Вот, — думал он, — чего нам не хватало на Новой Земле...» Очнулся он от хохота, которым друзья встретили чтение.

Будущий скульптор понял, что интимность — это жанр. Есть вещи, которые рассчитаны исключительно на единоличное переживание.

ВРЕМЯ ВИДЕТЬ

Две родинки сошлись в дыхании коротком.

Щеке идет одна, владеет подбородком

Другая, а затем — и взгляд издалека,

Стыдящийся себя...

Люблю художников. И не только я. Их зачуханных, заляпанных красками и кабачковой икрой подвалов, чердаков не чураются и «дамы света», и клиентки дискотек.

Детальное изучение богемных «вертепов», цветущих в нервных узлах 45 градуса северной широты от Харбина до Канады навело бы на мысль, что богемность эта вынужденная. С ней расстаются при первой возможности. Петр Охрименко — не исключение.

Думая о Петре, снова вспоминаю его собрата. Оправившись от конфуза с «Песнью Песней», он стал счастливым арендатором полуподвала площадью в сто двадцать квадратов. Совсем неплохо для скульптора в центре одного из цветущих городов Украины. Эта мастерская на восемь лет стала его жильем и жильем его подруги, бывшей по совместительству и моделью.

Подвал имел массу удобств, кроме единственного. И постепенно воображением бывшего воина и вечного детдомовца овладела странная мечта. Он поклялся, что настанет время, когда у него будет собственная, сверкающая белизной квартира («Как гинекологическое отделение»). И в квартире этой будет золотой унитаз.

Ровно через восемь лет счастью удалось продать серию «Музы» новому театру музыкальной комедии. Восемь обнаженных бронзовых муз, прообразом для которых послужила спутница по прогулкам «туда», украсили шикарный фронтон театра, воздвигнутого на месте старинного общественного туалета, располагавшегося за три квартала от мастерской. Скульптор купил квартиру, выставил ее ситцем и обставил «больничной» мебелью югославского производства, белой с золотом. А все

НАТУРА

45-я параллель

Чего здесь только нет! А нет, пожалуй, главного для борща компонента — мяса

В ГОСТЯХ У АННЫ ИВАНОВНЫ

...Чувствуете, как пахнет? Готова спорить — вам тоже хочется попробовать. Хотя бы полтарелочки, но зато... домашнего! настоящего! ставропольского борща!

Лоснящейся радугой переливаются в тарелке капельки жира. Сквозь прозрачную завесу бульона просвечивают тонкие разноцветные ломтики овощей, крупные горошины бобов самых необычных оттенков — от нежно-белого до жгуче-фиолетового.

В общем, как говорится в подобных случаях — чего здесь только нет! А нет, пожалуй, главного, самого привычного для борща компонента — мяса. Но тут уж ничего не поделаешь — Великий пост...

Вас удивляет присутствие бобов? Напрасно. Бобы — продукт очень калорийный, поэтому они просто необходимы, чтобы борщ получился постным, но все же не пустым. Во всяком случае, так считает хозяйка этого гостеприимного дома Анна Ивановна.

Однако красавцы-бобы весьма капризны. Чуть недоваришь — получится жесткие, чуть переваришь — развалится. Высший пилотаж хозяйки — рассчитать время так, чтобы и бобы, и другие овощи варились ровно столько, сколько им положено. Почти что шахматная задача...

Когда бобы приближаются к нужной кондиции (а варятся они очень долго, поэтому в кастрюлю попадают первыми), Анна Ивановна принимает за чистку морковки, свеклы и лука. Затем — одна из самых ответственных операций. Морковь и свеклу нужно порезать тонкой и длинной соломкой, иначе борщ не будет аппетитно выглядеть. Почему — этого не знает никто и, пожалуй, единственно возможное здесь доказательство (методом «от обратного») дает нам опыт общения с общепитовскими борщами.

Итак, морковь и свекла нашинкованы — теперь их нужно обжарить. Анна Ивановна Старых достает растительное масло (раз готовится постный борщ, то и овощи следует заправить постным маслом) и сковородку: чугунную, толстостенную. Не обратив на нее внимание просто невозможно — солидная, неказенная какая-то...

Оказывается, история у этой семейной реликвии особая: изготавили сковородку еще до революции, и на ней вот так же жарила овощи для борща бабушка Анны Ивановны. А

если учесть, что сегодня пользуется ею и дочь Анны Ивановны — значит, служит сковородка уже четвертому поколению, да как! На ней никогда ничего не пригорает...

Рассказывая, Анна Ивановна ловко — без доски — режет картошку и отправляет ее к «поспевающим» бобам, предварительно посолив бульон.

...Морковь и свекла, покрываясь золотистой корочкой, заворачиваются в легкие спирали. Значит, пора добавить на сковородку мелко нарезанный лук, а когда и он зарумянится — еще и томат. Пришелся бы к месту и свежий болгарский перец, да где ж его возьмешь раньше весной?!

Картошка сварилась до полуготовности — самое время выложить в кастрюлю содержимое сковороды. Чуть погодя добавить туда же и мелко нашинкованную капусту.

— В средней полосе капусту кладут раньше, и она разваривается, — объясняет Анна Ивановна, — а у нас на Кавказе принято готовить так, чтобы в борще капуста оставалась чуть-чуть недодваренной, и похрустывала при еде... Теперь добавляем сушеного укропа, еще немного варим — и готово!

Во сколько же обойдется хозяйке такой борщ? Не знаю, как для вас, но для Анны Ивановны счет на рубль не годится. Все овощи — «свои», выращенные на даче. Работы хватало всем, включая внуков. Выручало (и выручает) старенькое авто, и домашнее «овощехранилище», оборудованное в подвале гаража. Конечно, все равно и сил, и времени на такое фермерство уходит немало, зато...

Зато не надо бегать по овощным магазинам, охотясь за вечно исчезающей картошкой или морковкой. Зато незначительно покупать втридорога на рынке те же бобы или капусту. Но главное — «свои» овощи не отравлены ни нитратами, ни прочей химией. Так-то: без траты на нитраты!

...И все же главный сюрприз ждал меня впереди. Тарелка постного борща, съеденная еще до полудня, оказалась настолько сытной, что вновь я проголодалась лишь поздним вечером. Впрочем, чему тут удивляться? Ведь борщ был хоть и постный, зато — настоящий, домашний... Ставропольский!

Фото автора.
Вероника ЗАГАЙНОВА.

КОММЕНТАРИЙ МУЖЧИНЫ

Прелесть хорошей домашней кухни в ее индивидуальности. Каждая хозяйка придает любому своему блюду неповторимый вкус и неподражаемый аромат. Но не надо думать, что переписанный рецепт или же вот так, живо рассказанный репортером — гарантирует вам приготовление оригинального блюда — наивное заблуждение — это лишь первотолчок для вашего творчества. Или, говоря иначе, рецепт — эскиз для будущего колоритного (скаламбурю: и калорийного) полотна.

Ох, и высоки же вершины кулинарного искусства, ох, и круты же подъемы! Но ничего, млые хозяйки, постараемся вам помочь. Тут весьма и весьма пригодятся книги из века нынешнего, из века минувшего, кои я бережно храню в своей домашней библиотеке. Они принадлежат перу кулинаров экстра-класса. Борщ по-ставропольски по-своему, конечно, хорош. Я рекомендую вам попробовать и такой:

Борщ постный на фасолево-бульоне с грибами.

Состав: одна столовая ложка фасоли, сушеные грибы, морковь, свекла, капуста, картофель, лук, корень петрушки, томат, лавровый лист, перец горошком.

Приготовление: замочить на ночь

фасоль и грибы. Отварить фасоль с грибами в трех литрах воды, затем положить картофель и варить до его готовности, после чего картофель немного размять и добавить пассерованные на постном масле с томатом овощи, а также перец горошком, посолить. Можно добавить одну столовую ложку поджаренной муки (для любителей). Затем положить капусту и лавровый лист. Следить за готовностью, чтобы капуста не переварилась.

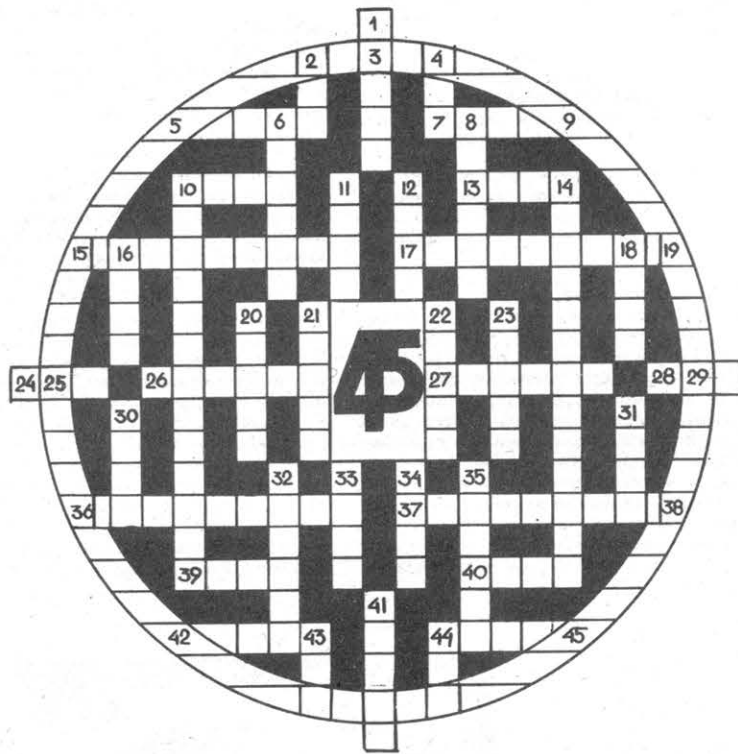
На второе могу предложить весьма необычные котлеты рыбные.

Состав: один килограмм рыбы без костей, 1/2 батона, две большие луковицы, перец, молоко, мука, панировочные сухари.

Приготовление: выбрать из рыбы кости и мясо пропустить через мясорубку, прибавить намоченную в молоке (бульоне, воде) мякоть хлеба, рубленного сырого или поджаренного в масле лука, соли, перца, одну ложку муки. Приготовленную массу раскатать колбаской и нарезать порционно, затем каждому куску придать вид остроконечной котлеты. Обвалить в сухарях и жарить в постном масле. Гарнируют блюдо отварным картофелем...

(Окончание на 24-й стр.)

Насколько нам известно, еще никто не путешествовал вдоль 45-го градуса северной широты подобным образом. Мы решили попробовать. И попросили коллегу со Ставропольского телевидения Вадима Лукьянова подготовить маршрут. То, что получилось в итоге, не лишено параллелей, ассоциаций и даже аллитераций. Тем не менее... Не надо идти в ОВИР, обменивать валюту, учить иностранные языки, расставаться с близкими и делать уйму других вещей, без которых можно свободно обойтись на маршруте, проложенном нашим штурманом.

ПО ПАРАЛЛЕЛЯМ. 5. Разогнутое колесо. 7. Жена очкового змея. 10. Напиток богов дефицита. 13. Осел (презр.). 15. Город имени бывшего дуганского слесаря (бывш.). 17. Объединение, оперившееся в ходе перестройки (поэт.). 24. Имя всемирно известного историка, печатавшегося в «Вечернем Ставрополе» и «Кавказской здравнице». 26. Ума палата (англ.). 27. Лев, который между клетками и лагерями (не пионерскими) жил в Ставрополе. 28. Условная прямая, вокруг которой вращаются параллели. 36. Кавалер Сталинской премии, живший на Ставрополье (лит.). 37. Город, который назовут в честь Мастера. 39. Агентство, упоможенное заявлять. 40. Слово, предшествующее вопросу, предупреждению и приказу. 42. Большое и малое (в Кисловодске). 44. Сумма, равная невесте.

ПО МЕРИДИАНАМ. 1. Городок на юге Франции, название которого требует отсутствия одной гласной. 2. Карточный бюрократ. 4. Обитатель водоемов, место зимовки которого недругам неизвестно. 6. Спортивный комментатор, известный на всех широтах. 8. Первый экспортированный «профи» Ставрополя. 10. Профессионал, знаком качества которого служит его фамилия (газ.). 11. Один из отцов О. Бендера. 12. Казачье оружие. 14. Мой первый слог — воронье слово, второй — настольная игра, все остальное — хутор в Шпаковском районе. В целом — район Архангельской области. 16. Экс-море (мелнор.). 18. Кликуха лады (шахм.). 20. То, во что помещается вор. 21. Одно из великих озер в США. 22. Город в Италии на 45-й параллели. 23. Незаумный, с точки зрения Олега (Пушк.). 30. Морской родственник п. 4. 31. Борис, ты не... (полит.). 32. Кислинка (хим.). 33. Плод, который гости 45-й параллели путают с яблоком. 34. Емкость, которую украинец опорожняет одним духом. 35. Столица АССР, в которой построен грандиозный гребной канал. 41. Хранилище, завершающее цикл трудов. 43. ...а зуб неймет. 44. То, на что можно поставить буквальное все (азартн.).

ПО КРУГУ. 3. Часть света, расположенная в основном севернее 45-й параллели. 9. Писатель, действие романа которого происходит далеко. 19. Танец, критически относящийся к мировой моде (песен.). 29. Пушной зверь, прославившийся странствующими шарманщиками. 38. Летчик-космонавт СССР. 45. Город в США, лежащий на одной широте со Ставрополем. 42. То, к чему может придраться только старшина (арм.). 36. Город на западе Франции. 25. Полудрагоценный камень. 15. Квинтэссенция фруктов, ягод. 5. Ключник — месье (франц.).

Не спешите тратить силы, энергию и деньги на поездку за рубеж с тайной мыслью приобрести джинсовую одежду фирмы «Левис». Современные молодежные модели из легкого натурального хлопка Ставропольского производственного центра «Корд», по достоинству оцененные и за рубежом, обойдутся Вам значительно дешевле и принесут немало радости.

Если Ваш взгляд остановился на фирменном знаке «КОРД», вы не ошиблись. Наша фирма гарантирует качество, моду, шик.

«Корд» — сто процентов шика

45-я параллель

(Окончание.
Начало на стр. 23).

Итак, апрель! Все уже, наверное, заждались, когда закончится Великий пост, последняя неделя которого проходит в заботах по заготовке достаточного количества продуктов и припасов: яиц, масла, муки и, непременно, самого главного — хороших дрожжей. Наконец-то мы сможем разговестись, но до этого нам предстоит нелегкая, но приятная работа. Естественно, что начнем мы с приготовления пасхи и куличей. Только просьба: не путайте их друг с другом. Пасха — не кулич, и наоборот. Вот рецепт пасхи кондитерской:

Состав: творог — 400 граммов, сахар — 200 граммов, масло сливочное — 200 граммов, сметана 50 граммов, ванилин — один пакетик, соль.

Приготовление: творог с вечера отжимают в салфетке под гнетом. Утром его протирают через решето. Масло необходимо немного размять, чуть подогреть, чтобы оно было мягче и вымешать до густоты хорошей сметаны, затем всыпать в него сахар и продолжать хорошенько вымешивать добела, затем положить сметану и ванилин, размешать и добавить творог. Хорошо перемешав, выкладывают массу в пасочную форму, которую предварительно смачивают водой и выстилают марлей. Прикрыва-

ют верх пасхи дощечкой, накладывают гнет и ставят на холод.

Есть и пасха обыкновенная.

Состав: один килограмм творога, три яйца, 100 граммов сливочного масла, 300 граммов сахара, один стакан кишмиша, один лимон.

Приготовление: так же, как пасха кондитерская с добавлением тертого лимона.

А вот и пришло время для кулича обыкновенного:

Состав: одна бутылка молока, один килограмм муки, 50 граммов сухих дрожжей, 5 яиц, 200 граммов сахара, 300 граммов сливочного масла, один лимон, 1 стакан изюма, по желанию шафран и миндаль.

Приготовление: молоко подогреть, затем половину стакана влить в какую-либо посуду (для опары), положить туда дрожжи и хорошо размешать, затем всыпать муки и замесить не очень крутое тесто, смочить его сверху теплой водой и поставить эту опару в теплое место — подниматься. Остальную часть муки высыпать на стол, сделать посередине ямочку и вбить в нее яйца, влить оставшееся молоко постепенно, чтобы не развести жидкого теста. Тесто должно быть замешано как можно гуще и растереть его на столе до тех пор, пока оно станет гладким и будет отставать от стола, тогда положить в него сахар (можно соль и ванилин) и опять растереть. Когда хорошо разотрете, положите его в подышную опару,

смешайте хорошенько, затем положите масло, тщательно размятое руками до мягкости, перемешав все до образования однородной массы, добавьте тертый лимон и изюм. Вновь перемешав, массу следует вымесить до образования пузырей и поставить, чтобы тесто немного поднялось. Форму густо смазать маслом, дно можно посыпать сахарными крошками. Заполнять форму не более чем на 1/3, дать тесту еще подняться в форме и выпекать. По желанию можно смазать верх яйцом, посыпать сахаром и миндалем и печь.

Можно пофантазировать, чтобы и взрослые, и дети пальчики облизали. Для этого лучше приготовить кулич шоколадный.

Состав: 15 граммов сухих дрожжей, 1,5 стакана муки, 2 стакана сахара, 1/2 стакана шоколада, 1/4 стакана коньяка, 1/2 стакана красного вина, 1/2 стакана ржаных сухарей, 1 стакан изюма, 15 яиц, 1/2 чайной ложки корицы, гвоздика.

Приготовление: распуścić дрожжи в 1/2 стакане воды, размешать с 1,5 стаканами муки и дать подняться в теплом месте. После этого положить в тесто желтки, растертые добела с двумя стаканами сахара, 1/2 стакана шоколада, ром, вино, сухари, изюм, немного корицы и гвоздики, все это хорошо выбить и дать подняться, затем прибавить взбитые белки и муку до надлежащей густоты, переложить в форму, смазанную внутри мас-

лом, дать еще подняться и печь.

Есть и такая давняя традиция: подавать к столу на Пасху крашенные яйца. Вариантов тут множество, но, наверное, не всем известен такой способ их раскраски. Сделать крепкий отвар луковой шелухи, к вареному яйцу приложить листики петрушки, обернуть старым капроновым чулком, плотно завязав его, чтобы плотно прижать веточку к скорлупе, и опустить на несколько минут в кипящий луковый отвар. Фантазии природы неповторимы, вот почему у вас получатся затейливые узоры.

Евгений ШИПОВ.

Врач, по совместительству — кулинар с многолетним стажем.

От редакции. В домашней библиотеке Е. Шипова есть редчайшие издания, связанные с кулинарным искусством, их — десятки. Назовем сегодня только несколько: «Обеды» 1820 года, Санкт-Петербург, «Домашняя справочная книга» в двух томах, Санкт-Петербург, 1855 год. «Хозяйка, Или полнейшее руководство к сокращению домашних расходов». Составлено метрдотелем двора его императорского высочества И. Радецким. 1891, Санкт-Петербург, «Экономная кухарка». Автор—М. Хмелевская, 1910 год, Полтава.

С рецептами этих и других книг мы намерены знакомить читателей «45-й параллели».

БЕРДСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

VEGA

Торгово-сервисный центр «Вега» предлагает радиоаппаратуру на любой вкус.

Приемники, магнитолы, усилители, магнитофоны с маркой «Вега» отличаются современным дизайном, практичностью, высоким техническим уровнем, широкими функциональными возможностями.

В торгово-сервисном центре «Вега» вам дадут исчерпывающую информацию по интересующим вопросам, познакомят с новинками, возьмут на себя заботы транспортировки крупногабаритной радиоаппаратуры.

Профилактику и ремонт аппаратуры осуществляет технический центр.

АДРЕС: г. Ставрополь, Торгово-сервисный центр «Вега», пр. К. Маркса, 6, тел. 5-89-29. Технический центр, пр. К. Маркса, 82, тел. 3-23-16. г. Пятигорск, ремонт гарантийной аппаратуры, ул. Калининна, 20.

КИНОВИДЕО ЦЕНТР

Московское региональное общество «Киновидеоцентр» выполняет заказы по производству кинофильмов и видеоклипов. По желанию заказчика содействуем в демонстрации этих кино- и видеофильмов по Центральному телевидению и за рубежом. Вы заинтересованы в рекламе своей продукции? Расценки государственные.

НАШ АДРЕС: 125047, Москва, ул. Горького, 48, под. 1. Тел. 251-81-31 (автоответчик).

45-я параллель